

ИНЕРЦИЯ СТРАХА.
СОЦИАЛИЗМ И ТОТАЛИТАРИЗМ

Валентин Турчин

Оглавление

1. ТОТАЛИТАРИЗМ	7
1.1. Выход на стационарный режим	7
1.2. Будьте спокойны	8
1.3. Гибель полубогов	9
1.4. Преодоление пережитков прошлого	11
1.5. В целях дальнейшего совершенствования	11
1.6. Уровни лишения свободы	15
1.7. Принять или не принять?	16
1.8. Философия коровы, догматический пессимизм и другие теории	18
1.9. Морально-политическое единство	21
1.10. Личный опыт	23
1.11. Морально-политическое единство...	24
1.12. Отщепенцы	25
1.13. Все все знают	26
1.14. Марксистско-ленинская теория	29
1.15. Теория и действительность	31
1.16. Идеологическая иерархия	33
1.17. Бытие определяет сознание?	36
1.18. Мышление в свете кибернетики	38
1.19. Метасистемный переход	40
1.20. Человек свободен	41
1.21. Перестановка верхних уровней	42
1.22. Почему	45
1.23. Марксистский нигилизм	46
1.24. Зачем	49
1.25. Экономический фетишизм	51
1.26. Личность и общество	53
1.27. Тоталитаризм и экономика	56
1.28. Наука и шахматы	60
1.29. Искусство	62
1.30. Для послушных	64
1.31. Для непослушных	68
Ссылки и примечания к первой части	78
2. СОЦИАЛИЗМ	79
2.1. Пессимизм и оптимизм	79
2.2. Что такое социализм?	81
2.3. Религиозное чувство	83
2.4. К вопросу о терминах	85
2.5. Человек Маркса и человек Достоевского	87
2.6. Исторический идеализм	89
2.7. Определение социализма	92
2.8. Научный социализм	94
2.9. Век нынешний и век минувший	97
2.10. Трансцендентность и идолопоклонство	100
2.11. Знание и воля	104
2.12. Великая Эволюция	108
2.13. Эволюция, социальная интеграция и свобода	111
2.14. От традиционных религий к социализму	116
2.15. Относительность общих принципов	118

2.16. Кибернетическое мышление	120
2.17. Неизбежность интеграции	121
2.18. Механическая и кибернетическая интеграция	123
2.19. Громящий кулак	125
2.20. Структурно-функциональный параллелизм	126
2.21. Точка соединения индивидуумов	131
2.22. Что же дальше?	131
2.23. Капитализм	132
2.24. Переход к социализму	134
2.25. Частная собственность на средства производства и трудовая теория стоимости	135
2.26. Эволюция государства	136
2.27. Разделение труда	138
2.28. Социальная интеграция в СССР и в западных странах	140
2.29. Валентные и массовые связи	143
2.30. Модель пересекающихся V-иерархий	146
2.31. В защиту иерархии	151
2.32. Последний раз о терминах	153
Ссылки и примечания ко второй части	155
3. ТОТАЛИТАРИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?	157
3.1. Борьба за идеи и борьба за власть	157
3.2. Однопартийная (она же беспартийная) система	158
3.3. Политика и наука	162
3.4. Революция или реформация?	165
3.5. Опыт старой России	168
3.6. Чему же учит нас исторический опыт России?	170
3.7. Инерция страха	171
3.8. Дискуссия с большевиком	172
3.9. Движение за права человека	175
3.10. Восток и Запад	179
3.11. Победа «реализма»	182
3.12. Беспристрастность в поляризованном мире	188
3.13. Слабость Запада	192
3.14. Маркузе	194
3.15. Тоффлер	200
3.16. Антирелигия	205
3.17. Деполитизация социализма	210
3.18. Инерция страха и мировоззрение	215
Ссылки и примечания к третьей части	219

Семь лет спустя

Каждый раз, когда я берусь писать об общественных проблемах в нашей стране, я сталкиваюсь со следующим противоречием.

С одной стороны, я – убежденный эволюционист и реформист, еще точнее (хотя это слово у нас мало принято) – *градуалист*, сторонник постепенных преобразований, проводимых параллельно с эволюцией общественного сознания. В этих воззрениях я не одинок: напротив, в Советском Союзе большинство образованных людей, насколько я могу судить, рассматривает общественные явления с таких же позиций. Хотя и говорят, что история учит только тому, что она никого ничему не учит, это, к счастью, не совсем так. Результат большевистской революции научил нас не верить пламенным призывам одним махом уничтожить правящий класс, сломать государственную машину и построить на ее обломках новое общество, справедливое и процветающее. Поэтому меньше всего хотел бы я становиться по отношению к существующему строю и правящему классу в ту позу безоговорочного отрицания, в которой находились в свое время большевики. Нам необходим критический, но конструктивный анализ ситуации. Задачу критиков я вижу не в том, чтобы противопоставить себя правящему слою как враждебную ему силу, а в том, чтобы нащупать путь, который позволил бы выйти из тупика и приступить к давно назревшим преобразованиям. Путь этот не может не быть в той или иной степени компромиссным, он не должен угрожать интересам правящего класса до такой степени, чтобы сделать его непримиримым врагом преобразований. Ясно, что критика, преследующая такие цели, должна быть до известной степени сдержанной. Кто стремится к компромиссу, не должен разрушать для него почву.

С другой же стороны, условия общественной жизни у нас в стране таковы, что когда просто называешь вещи их именами, то превращаешься, с точки зрения представителя правящего класса, в отъявленного экстремиста, с которым нет и не может быть никаких компромиссов. Вероятно, никогда в истории человечества не было такого постоянного, повсеместного и всем обществом принятого несоответствия между словами и действитель-

стью, как в нашей стране в течение последних 50-ти лет. Когда человек начинает о белом говорить, что оно – белое, а о черном – черное, его за это наказывают, и он попадает в отщепенцы, диссиденты.

Осенью 1968 года я написал брошюру «Инерция страха», которая тогда получила довольно значительное распространение в самиздате. Настоящее издание написано заново и является, таким образом, новой работой, хотя и основанной на тех же идеях, что и первый вариант. Я хочу перечислить важнейшие из этих идей: позитивизм в области философии и социализм (но не марксизм) в общественных воззрениях; убеждение в ведущей роли мировоззрения в социальных движениях; основные демократические свободы и права личности как ключевое условие для нормального развития общества; градуализм в политике; усмотрение в интеллигенции той силы, которая в принципе может, а следовательно и должна, добиться демократических преобразований; чрезвычайно критическая оценка реально существующей интеллигенции; призыв к преодолению инерции страха, укоренившегося в сталинские времена и сковывающего общественную инициативу.

Однако в некотором отношении нынешний вариант существенно отличается от первоначального, что объясняется наличием между ними семилетнего интервала. 1968 год был высшей точкой эпохи «подписантства», когда вслед за именами А. Синявского и Ю. Даниэля прозвучали имена А. Есенина-Вольпина, А. Сахарова, П. Якира, А. Гинзбурга, П. Литвинова и других. Можно было надеяться, что в стране имеется какое-то социально значимое меньшинство, готовое активно добиваться осуществления демократических перемен. Свою задачу я, как и многие самиздатовские авторы того времени, видел прежде всего в том, чтобы наметить идейную основу для выявления и объединения усилий этих людей. Действуя с позиций градуализма, я сделал кое-какие терминологические уступки, подчеркнул точки пересечения своей системы взглядов с официальной советской идеологией и исключил из рассмотрения многие важные аспекты, по которым имеет место расхождение. Я считал, что остальное должно быть понятно по умолчанию, если есть желание понять.

Но оказалось, что базы для существенного расширения круга «подписантов» не было, как нет ее и по сей день. Для того чтобы произвести какие-то перемены в обществе, должно существовать активное меньшинство, которое стремится к этим переменам. В процентном выражении оно может быть очень малым например, одна десятая процента от всего населения может оказаться чрезвычайно влиятельной, если речь идет о переменах, которые давно назрели и пассивно поддерживаются более широкими слоями (что и имеет место в данном случае). Но это должны быть люди, которые в самом деле стремятся к переменам, которые хоть чем-то готовы рисковать или жертвовать для этой цели. У нас такой десятой доли процента нет, эти люди исчисляются буквально единицами. Распад культуры в советском обществе, тоталитарное уничтожение личности зашли еще дальше, чем можно было думать в 1968 году. Власти разметали людей, выявивших себя в конце 60-х годов: одни были

посажены в тюрьмы или психиатрические больницы, других вынудили эмигрировать, большая часть замолчала, испуганная. Новых не нашлось или почти не нашлось. В 1970 году в совместном с А. Сахаровым и Р. Медведевым письме руководителям Советского Союза нами была предпринята еще одна попытка сформулировать тот минимум предложений, вокруг которого, казалось бы, должны были объединиться люди, понимающие необходимость постепенных демократических реформ. Никто не откликнулся.

Теперь ясно, что надо начинать работу с еще более ранней стадии. Речь идет не о том, чтобы выявлять и объединять сторонников демократизации, способных к социальному действию, а только еще о том, чтобы создавать какие-то очаги мысли и чувства, которые, как можно надеяться, будут способствовать возникновению необходимого социально активного меньшинства.

В этой ситуации важнее всего называть вещи их именами и стремиться к целостной системе взглядов, не оставляя недоговоренностей. По-видимому, единственно правильным является такой курс: совмещать бескомпромиссный анализ в плане фактов и принципов с осторожной градуалистской стратегией в плане выводов и действий. Быть градуалистом вовсе не значит руководствоваться полуправдой или не иметь определенных политических идеалов. Напротив, градуализм предполагает наличие какой-то твердо признанной идеологии. Только на этой основе и можно идти на компромиссы и вообще заниматься политикой. (Впрочем, диссидентам пока что заниматься политикой не приходится. Власти просто не слушают нас. Нам не с кем идти на компромиссы, если бы мы этого и захотели.)

Я хочу заключить это краткое предисловие цитатой из Ганди, которой я всегда старался руководствоваться и которой я руководствовался при написании этой книги.

«Человек и его поступок – вещи совершенно различные. Тогда как хороший поступок заслуживает одобрения, а дурной – осуждения, человек, совершивший поступок, все равно хороший или дурной, всегда заслуживает уважения и сострадания, смотря по обстоятельствам. Возненавидь грех, но не грешника», – вот правило, которое, хотя его и довольно легко понять, редко осуществляется на практике. Этим и объясняется, почему яд ненависти растекается по всему миру.»¹

Глава 1

ТОТАЛИТАРИЗМ

1.1. Выход на стационарный режим

Максим испытывал такое отчаяние, словно вдруг обнаружил, что его обитаемый остров населен на самом деле не людьми, а куклами. . . Перед ним была огромная машина, слишком простая, чтобы эволюционировать, и слишком огромная, чтобы можно было надеяться разрушить ее небольшими силами. Не было силы в стране, которая могла бы освободить огромный народ, понятия не имеющий, что он не свободен. . . Эта машина была неуязвима изнутри. Она была устойчива по отношению к любым малым возмущениям.

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ²

Сущность того, что происходит сейчас в Советском Союзе, может быть выражена следующим образом: тоталитарное общество стабилизируется, переходит в стационарную фазу развития, когда оно самовоспроизводится от поколения к поколению без существенных изменений. Времена Ленина и Сталина были героической эпохой нового общества, когда оно еще только создавалось, и перед его создателями стояла трудная задача: переделать сознание человека, превратить его в послушный винтик государственной машины. Эта задача потребовала для своего решения моря крови, миллионов человеческих жертв. Ко времени Хрущева она была уже, в общем, успешно решена. Оставалось только ухаживать за новым обществом, аккуратно выпалывая сорную траву и не замахиваясь на грандиозные перестройки. Методы Никиты Сергеевича не подходили для этой цели: они были слишком эксцентричны. Поэтому он и был замещен новыми, нынешними правителями, при которых бесцветность и безликость стали высшими государственными добродетелями. Теперь наша

страна «уверенной поступью» идет к тому общественному порядку, который описывается в романах Замятина, Хаксли, Орвелла, Стругацких.

Под тоталитаризмом понимают тотальный контроль государства над всеми общественно важными аспектами жизни граждан, включая их образ мышления. Тоталитарное государство устанавливает единую для всех идеологическую систему и внедряет ее принудительным образом в головы граждан. Лица, открыто не разделяющие государственной идеологии, подвергаются наказаниям, которые, в зависимости от степени отклонения и других факторов, варьируются от блокировки продвижения по служебной лестнице до физического уничтожения. Основные права личности – свобода ассоциаций, свобода получения и распространения информации и свобода обмена идеями – ликвидируются. Борьба идей уступает место борьбе *против* идей путем физического насилия. С точки зрения эволюционной теории тоталитаризм является извращением, дегенерацией, ибо более низкий уровень организации уродует и подавляет более высокий уровень. Тоталитарное общество теряет способность нормально развиваться и окостеневает. Это тупик, волчья яма на пути эволюции.

Элементы тоталитаризма были свойственны многим цивилизациям прошлого, и они приводили к тому, что общество застывало в своем развитии на многие столетия. В XX веке наука и технология дают неслыханно эффективные средства массовой манипуляции сознанием людей, поэтому опасность попасть в волчью яму и глубина этой ямы многократно возрастают. Сейчас на карте мира мы видим уже огромные пятна, пораженные тоталитаризмом; это словно участки омертвевшей ткани в живом организме. Современная цивилизация стремится к глобальности, по существу она уже глобальна. Если она станет тоталитарной, то откуда ждать излечения от болезни?

1.2. Будьте спокойны

Есть несколько характерных отличий нашей эпохи от сталинской, которые свидетельствуют о переходе тоталитарного общества в стационарную фазу. Первое и самое важное из них таково. Во времена Сталина ни один человек не был уверен в своем завтрашнем дне: даже самый преданный сторонник режима (и даже на самом высшем уровне) мог попасть в мясорубку «архипелага ГУЛаг» и погибнуть. Теперь же вы можете быть совершенно спокойны: если вы послушно выполняете все предписания властей и работаете на стабилизацию тоталитаризма, власти не только не тронут вас, но и постараются обеспечить то (довольно скудное) процветание, которое они могут создать. Это сравнение, разумеется, целиком в пользу нынешнего режима. Нельзя признать совершенным строй, который уничтожает своих сторонников. Сталинская мясорубка была нужна, чтобы внушить человеку Великий Ужас перед государством, чтобы перевоспитать его в новом, тоталитарном духе.

И это делалось с размахом, с запасом. Шло экспериментирование, разрабатывались новые методы. При этом, естественно, нередко переступалась граница необходимого: происходили так называемые «перегибы». Боже, как было популярно это слово! Перегиб здесь, перегиб там... Теперь это слово вышло из моды. Перегибов больше нет. Власти приобрели опыт, они научились бороться с идеями малой кровью, стараясь избежать чрезмерных репрессий. Сложился новый правящий класс, который отличает *своих* от *чужих*, и *своих* никогда не трогают.

Зарубежные наблюдатели часто говорят о постепенном «смягчении», «либерализации» политического режима в СССР и делают отсюда оптимистический вывод, что в конце концов советское общество «либерализуется» до того, что превратится в общество демократического западного типа. Эти выводы ни на чем не основаны. Напротив, все говорит о тенденции к увековечиванию тоталитарных порядков. Уровень насилия падает по мере того, как общество привыкает к этим порядкам, смиряется с ними. «Смягчение» режима по сравнению со сталинским периодом, если под этим понимать уменьшение числа жертв, действительно произошло, и весьма значительное. Можно говорить также о смягчении сталинского режима к 1952 году по сравнению с 1937-м. Но все это является лишь следствием и свидетельством стабилизации тоталитаризма. Основные принципы, на которых зиждется новый строй, не меняются ни на йоту: полное бесправие личности и отсутствие элементарных гражданских свобод; бюрократическая система правления, при которой все решения обсуждаются и принимаются негласно; пресечение обмена информацией и идеями; массовая дезинформация населения средствами печати, радио и т. д.; ложь и лицемерие, возведенное в норму общественной жизни; империалистическая внешняя политика. И те же тюрьмы для непокорных, разве что нет расстрелов. Впрочем, Юрий Галансков фактически убит в тюрьме. А сколько еще таких случаев, о которых мы ничего не знаем?

1.3. Гибель полубогов

*Железный наш кулак сметает все преграды. Довольны Неизвестные
Отцы!...*

А. СТРУГАЦКИЙ, Б. СТРУГАЦКИЙ³

Другой характерной чертой перехода тоталитарного общества в стационарный режим является перенос центра тяжести пропаганды с поклонения конкретным людям — героям, полубогам, которым мы обязаны нашей счастливой жизнью, на поклонение более абстрактным, но зато непрерывно воспроизводимым понятиям: строй, партия, Центральный Комитет. Один американский журналист спросил меня как-то: «А какие герои у советских детей? Кем их учат восхищаться в школе и кем они на самом деле восхищаются?» Оказалось, что я не могу толком ответить на этот вопрос. Я вдруг заметил, что у нас больше

нет культа героев, который был характерен для времен моего детства. В тридцатые годы Валерий Чкалов был кумиром буквально каждого мальчишки в стране. Для нынешнего поколения с ним можно сравнить только Юрия Гагарина, но я уверен, что по глубине и искренности внушаемого им восхищения, а также по числу подражателей Чкалов намного опережает Гагарина. Да разве только Чкалов? А герои-папанинцы? Я до сих пор помню эти четыре имени: Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов. А герои гражданской войны?

В тридцатые годы имена авиаконструкторов были известны всем, их популяризировали в качестве примера для подражания. А имя С. П. Королева – руководителя нашей программы освоения космоса – стало известно широкой публике только после его смерти. Сообщая о запусках спутников и вообще о продвижении космической программы, советские газеты упоминали таинственно о некоем «Главном Конструкторе» и о «Главном Теоретике» с больших букв. Формально считалось, что это делается из соображений секретности. В действительности же зарубежным специалистам было прекрасно известно, что «Главный Конструктор» это С. П. Королев, а «Главный Теоретик» М. В. Келдыш. Но советской публике этого знать не полагалось. Пока советские лидеры были в глазах народа героями революции и гражданской войны, существование героев в других сферах деятельности не противоречило интересам системы. Однако на фоне безликих руководителей существование ярких фигур с большим авторитетом таит в себе определенные опасности. В конце концов, С. П. Королев мог сказать любому члену Политбюро: «Я дал миру выход в космос. А ты кто такой?» Конечно, на самом деле он никогда так не сказал бы. Но уже возможность такого сопоставления вряд ли была бы приятна руководителям. Основным тезисом пропаганды, которая велась вокруг космической программы, было то, что успехи в космосе – достижение советского строя, что это было возможно только в условиях социализма и только под руководством коммунистической партии и ее Центрального Комитета.

Когда в эпоху хрущевского либерализма я стал знакомиться с материалами по истории КПСС, я с удивлением узнал, что в 20-е годы слово «вождь» часто, а быть может, и в основном, употреблялось во множественном числе: «вожди партии». Я родился в 1931 г., и я привык к тому, что вождь может быть только один: Великий и Мудрый Вождь всего прогрессивного человечества. Идея вождизма, возникшая и укоренившаяся в эпоху революции, сконцентрировалась ко времени моего детства и юности в одном человеке, стянувшись в одну ослепительно яркую точку. Потом эта точка потухла. Вождей не стало, остались руководители.

Руководители стационарного тоталитарного государства представляются простому человеку единой, недифференцированной массой. Они произносят предельно стандартизованные, не отличимые друг от друга по стилю речи и никогда не выносят на обсуждение разногласий, которые между ними имеются. Быть может, среди них есть выдающиеся люди, быть может, и нет. Возможно, что они все одинаковые, возможно, что они все разные.

Мы о них ничего не знаем и не должны знать – по архитектуре нашей социальной системы. Мы должны только знать, что они являются средоточием и олицетворением «коллективной мудрости» партии, системы.

1.4. Преодоление пережитков прошлого

Происходит смена поколений, и дототалитарное время отодвигается в далекое прошлое. Еще 7-8 лет назад мы были свидетелями коллективных протестов видных деятелей культуры, и в частности академиков, против реабилитации Сталина и сталинских методов. На официальном языке эти протесты с полным правом могут быть названы «пережитками капитализма». Протестовавшие были в большинстве людьми прежней формации, которые через ужасы сталинского времени пронесли веру в дототалитарные идеалы и возможность их осуществления. В то же время они занимали высокое положение, поэтому их коллективные выступления были серьезным общественным явлением, с которым нельзя было не считаться. С тех пор одни из них умерли, другие потеряли веру в то, что можно что-нибудь сделать. Из числа первых «академиков-подписантов» только А.Д.Сахаров продолжал идти по тому же пути. И вот в августе 1973 года мы увидели коллективное письмо совсем другого сорта, которое было напечатано во всех советских газетах, – позорное письмо сорока академиков, осуждающее деятельность Сахарова.

Это письмо и последовавшая за ним клеветническая кампания против Сахарова открыли новую эру в истории советской науки. Сталин еще вынужден был прибегать к услугам «чужих» людей, если они были крупными специалистами своего дела. Человеку такого класса разрешали до известной степени оставаться самим собой, аппаратчики относились к нему по-особому, как к некоей диковине или реликвии прошлого. Теперь все это кончилось. Наука полностью огосударствилась, она заняла то место, которое ей и полагается иметь в стационарном тоталитарном обществе. Новые академики – люди тоталитарной психологии, прошедшие через частое сито государственного контроля. «Чужому» теперь в академии не попасть, у государства теперь больше чем достаточно «своих» кадров (хорошие они или плохие – это другой вопрос). Весной 1968 года президент Академии наук СССР М. В. Келдыш сказал по поводу тех ученых, которые подписывали письма с протестом против политических репрессий и беззаконий: советская наука обойдется и без них.

1.5. В целях дальнейшего совершенствования

Необходимым условием стационарности является самовоспроизведение. Самовоспроизведение политической машины тоталитаризма было налажено еще Сталиным. Сейчас заканчивается налаживание самовоспроизведения тоталитаризма в культуре. Своеобразным

измерителем этих процессов являются *массовые кампании* против врагов (действительных или мнимых) тоталитаризма. Эти кампании для внешнего наблюдателя – как землетрясение для геолога, по ним он может судить, что процессы формообразования в земной коре еще не закончены. Политические процессы 1937-39 годов были последними крупными «землетрясениями»; с тех пор политические формы отвердели, и если что-то и происходит, то лишь небольшие трещины и оползни – главным образом, скрытые. Налаживание тоталитаризма в культуре отняло больше времени. Еще в последние годы Сталина мы видим массовые кампании против «менделистов», «космополитов» и т. п. Затем кампании становятся все короче и уже по охвату. Возможно, что кампании против Солженицына и Сахарова в 1973 г. – последние в своем роде. Они выходят из моды, как и «перегибы».

Ибо контроль партийного аппарата над хозяйством и культурой захватил уже все уровни иерархии. Я имею в виду тот контроль, который не допускает проникновения на руководящие должности – и вообще на сколько-нибудь заметные места – людей, способных бороться за свои убеждения и основные права личности, короче говоря, людей *чужих* с точки зрения тоталитарного государства. Техника контроля достигла высокой степени совершенства и продолжает совершенствоваться. Время от времени партийные и правительственные органы издают постановления, которые обычно так и называются: «О мерах по дальнейшему совершенствованию. . . » Вот, например, 9 ноября 1974 г. в «Правде» опубликовано изложение постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров». Здесь обращают на себя внимание два элемента. Во-первых, Высшая аттестационная комиссия, присваивающая ученые степени и звания, переводится из ведения Министерства высшего образования в ведение Совета Министров. Следовательно, надзору за аттестацией научных работников придается увеличенное значение. Второй элемент виден из следующей цитаты:

«В практической деятельности Высшей аттестационной комиссии, советов высших учебных заведений и научных институтов рекомендовано установить незыблемое правило, чтобы к защите принимались только такие диссертационные работы, которые имеют научную и практическую ценность, а соискателями ученых степеней утверждались лица, положительно проявившие себя на научной, производственной и общественной работе».

Так что будь ты хоть Исаак Ньютон, а если не *проявил себя положительно* на общественной работе, – кандидатом наук тебе не бывать.

И не только кандидатом наук. Потенциальные нонконформисты вылавливаются с юных лет, им не дают получить приличное образование. За малейшее проявление инакомыслия студентов исключают из институтов, а затем презрительно именуют «недоучками». Недоучки! С каким вкусом газетные писак и партийные работники – сами люди полубразованные – произносят это слово! Недоучка Амальрик, недоучка Буковский. . .

Однажды, когда я еще работал в солидном академическом институте, я организовал

у нас выступление историка и философа Г. С. Померанца, известного самиздатовского автора, произведения которого ходили по всему Союзу. Г. С. Померанц – очень интересный мыслитель, к тому же яркий и увлекательный эссеист. Он выступил на философско-методологическом семинаре института. Зал был полон, доклад вызвал большой интерес. Однако выступление самиздатовского автора на институтском семинаре не прошло незамеченным. Кто-то пожаловался в партбюро на «неправильную идеологическую линию» на семинаре, и я был призван к ответу. На заседании партбюро, куда я был приглашен, особенно суетился один малозаметный в институте человек – он не был, собственно говоря, научным работником, а что-то где-то около. Не был он и членом партбюро. Позже мне сказали, что он-то как раз и настучал в партбюро по поводу семинара. Несколько раз человек приступал ко мне с вопросом: а кто Померанц – кандидат или доктор? В конце концов я был вынужден ответить, что Померанц – не кандидат и не доктор, а просто работает библиографом в Фундаментальной библиотеке общественных наук.

Боже! Надо было видеть ту смесь негодования и презрения, которая выразилась на лице этого ничтожного стукача. «Как? – воскликнул он. – Даже не кандидат?»

Г. С. Померанц написал свою первую большую работу, которую хотел представить как диссертацию, незадолго до начала войны. Затем была война. Затем его посадили. Вскоре после выхода из лагеря Г. С. Померанц стал известным самиздатчиком, и ему просто не дали возможности защититься. Он написал новую диссертацию и представил ее в один институт, однако диссертацию вернули, не потрудившись даже подыскать приличного оправдания.

В XX веке уважение к ученым и к учености велико, велико уважение и к другим профессиональным достижениям. Но для неспециалиста (а в любой заданной области подавляющее большинство граждан – неспециалисты) удостоверением профессионального уровня является признание государства. А государство знает, кого удостоверить, а кого – нет.

Однако дело не только в удостоверении. Современное общество характеризуется столь высокой степенью интеграции, что почти никакое серьезное достижение невозможно в одиночку, без сотрудничества с какими-то институционализированными коллективами людей. Пожалуй, только писатель и может работать один. Даже математик нуждается в наши дни в доступе к вычислительной машине. А можете ли вы вообразить физика-любителя, который в свободное от основной работы время бежит к ускорителю, чтобы исследовать соударения элементарных частиц? Архитектор – не архитектор, пока спроектированное им здание не построено, а кинорежиссер – не режиссер, пока его фильм не вышел на экраны.

Рост профессионального уровня в современных условиях неизбежно требует одновременного повышения в служебной иерархии. Практически в любой сфере деятельности человек, желающий осуществить свои творческие замыслы и имеющий необходимые способности и опыт, должен руководить хотя бы небольшой группой людей. И здесь тоталитарное государство ставит его перед трудным выбором: или принять «причастие буйвола», выра-

жаясь словами Г. Белля, или отказаться от своих планов и профессионального роста. Ибо, согласно основному принципу нашего государства, руководитель в любой сфере деятельности должен не только руководить работой подчиненных, но и *воспитывать* их. Этот принцип бесконечно повторяется и подчеркивается в партийной теории и служит основой практической политики партии в хозяйстве и культуре.

Для воспитания подчиненных вовсе не требуется, чтобы начальник читал им лекции по марксистско-ленинской теории. Нет, от него ожидается совсем другое. Воспитывать подчиненных – значит подавать им пример угодного властям поведения. Как минимум, это включает гарантированное молчание по поводу тех вопросов, по которым велено молчать, и, конечно, беспрекословное исполнение «рекомендаций» партийных органов. Если вы выполняете это требование, вы можете подняться на первую ступеньку служебной лестницы. Это же условие необходимо для получения знаков отличия любого рода: премий, наград и т. п.

Наступление тоталитаризма на культуру шло, начиная с Октябрьской революции, сверху вниз, то есть «чуждые элементы» оттеснялись на все более низкие уровни иерархии. Теперь этот процесс, по-видимому, пришел к естественному завершению: стерилизована самая низшая ступенька лестницы, если, конечно, не считать тех лиц – того большинства лиц, которые совершенно никем не руководят. Во всяком случае, по опыту в научных учреждениях могу сказать, что «чуждые элементы» еще могут занимать должности младших или старших научных сотрудников, но ни в коем случае – заведовать лабораторией или сектором, или любой другой структурной единицей. Руководитель должен воспитывать своих подчиненных.

Так и осуществляется самовоспроизведение тоталитаризма в культуре. Руководители воспитывают себе подобных. Дилемму – совесть или работа, которую тоталитарное общество ставит перед человеком творческой профессии, каждый решает по-своему. Большинство тех людей, которых называют порядочными, частично жертвуют работой, частично совестью. Они стараются свести к минимуму свое касательство к социальным проблемам, стараются ограничиться чисто профессиональными аспектами деятельности и чисто профессиональными контактами. Те же, кто не сохранил и капли порядочности, ничем не гнушаются для продвижения вверх. Иногда, например, они действуют в отвратительных инсценировках, где они якобы «свободно и откровенно» обмениваются мнениями с представителями Запада по вопросам политики и идеологии.

1.6. Уровни лишения свободы

Последнее открытие Государственной Науки: центр фантазии – жалький мозговой узелок в области варолиева моста. Трехкратное прижигание этого узелка X-лучами – и вы излечены от фантазии – навсегда. Вы – совершенны, вы – машиноравны, путь к стопроцентному счастью свободен. Спешите же все – стар и млад – спешите подвергнуться Великой Операции!

ЕВГ. ЗАМЯТИН, «Мы»

Человека можно ограничить физически: например, приковать к галере или посадить за решетку. Это – лишение свободы на самом низшем уровне. Человека можно ослепить, и тогда он, формально свободный, будет вынужден довериться поводырю. Это – лишение свободы на более высоком, информационном уровне. Наконец, можно сохранить человеку все органы чувств и, следовательно, полную способность получать информацию о внешнем мире, но путем операции мозга или химических препаратов трансформировать его сознание, парализовать волю. Это – лишение свободы на высшем уровне, которое неопытный наблюдатель не всегда и заметит. И он заведомо ничего не заметит, если раньше никогда не видел нормального, не оперированного человека.

Через соответствующие стадии проходит и тоталитаризм в своем наступлении на общество. Он движется снаружи внутрь, захватывая все более глубокие слои общественного бытия и уродуя все более высокие уровни организации живой материи.

В первые годы после захвата власти большевистский режим опирался исключительно на насилие («революционное»). В вопросах распространения информации проявлялось недопустимое, с точки зрения позднейших времен, легкомыслие. Издавались, например, воспоминания участников гражданской войны, сражавшихся против Красной Армии. Считалось, что «сознательный рабочий» отделит (с помощью предисловия) интересные исторические факты от злобных вымыслов врага. Члены партии имели довольно полную информацию о событиях на верхних уровнях иерархии, и уж, конечно, никому не приходило в голову ограничивать доступ к произведениям «буржуазной» философии. Напротив, считалось, что «врагов нужно знать».

В дальнейшем, однако, выяснилось, что врагов лучше не знать. Не следует также знать, что происходит в высших сферах, в местах заключения и во многих других местах. Так оно спокойнее. Было создано информационно закрытое общество, и его расцвет, его взлет приходился на последние годы жизни Сталина. Сотни тысяч осведомителей следили за каждым словом граждан. Все книги, имеющие хотя бы отдаленное отношение к политике, социологии или философии и написанные «с чуждых позиций», попали в спецхран. Контакты с иностранцами были сведены к минимуму и были возможны только под строгим контролем Государственной Безопасности. Само слово «иностранец» у простого человека вызывало

страх; ассоциации, которые при этом возникали, были: шпионаж, органы, Лубянка.

Это была та стадия развития тоталитарного общества, когда основной упор делался на информационный уровень, а число физически уничтожаемых людей начинает уменьшаться. Конечно, сознание члена общества уже сильно трансформировано, но власти еще не очень этому верят. Поэтому они панически боятся информации, *знания*. Цинизм, необходимый для стационарного тоталитаризма, еще не выработался окончательно, еще не вошел в плоть и кровь общественного сознания. Считалось, что люди *не знают* о миллионах невинных жертв, о чудовищной мясорубке ГУЛага. Многие, действительно, не знали – разумеется, потому, что не хотели, боялись знать. Существовало нечто вроде негласного соглашения между властью и гражданами: власти создают информационные барьеры, а граждане радуются, что они могут как бы «не знать».

На третьей, заключительной стадии тоталитаризма упор делается на поддержание *тоталитарного сознания* членов общества. Эта стадия предполагает, что трансформация сознания закончена, воля к свободе полностью подавлена. При этом возникает возможность дальнейшего сокращения масштабов физического насилия и частичное (только частичное!) открытие информационных каналов – к вящей радости «сытых, благожелательных иностранцев с блокнотами и шариковыми ручками в руках» (А. Солженицын).

В 1956 году старые «сталинские соколы» возражали против разоблачения преступлений Сталина, ибо они боялись, что если люди *узнают и признают, что они узнали*, то это нарушит равновесие и может привести к далеко идущим последствиям. Хрущев же, который делал личную карьеру на разоблачении Сталина, считал, что система достаточно прочна и ничего страшного не произойдет. И он, в общем, оказался прав. Люди *узнали* – и ничего. Советский человек, выражаясь словами Шолохова, «выдюжил». Крупные неприятности произошли только в Восточной Европе, где люди не имели нашей выучки. Двенадцать лет от подавления Венгерского восстания 1956 года до вторжения в Чехословакию в 1968 году были, в сущности, переходным периодом к третьей стадии тоталитаризма. Их можно сравнить с двенадцатью годами с 1922 по 1934 гг., когда совершался переход от голого насилия к информационно закрытому обществу.

1.7. Принять или не принять?

Переходные периоды отличаются от периодов застоя тем, что все-таки что-то происходит, что-то меняется. При этом перед человеком встает проблема определения своего места в происходящих переменах. Вскоре после революции 1917 года русской интеллигенции стало ясно, что большевистский строй – это не тот строй, о котором она мечтала и которого ждала от революции. И встала проблема: принять или не принять? Из тех, кто не эмигрировал во время гражданской войны, большая часть приняла; остальные были ре-

прессированы, небольшая часть сохранилась в виде «внутренней эмиграции». Но так как террор был страшный, осталось ощущение, что и политический режим, и образ мышления навязаны насильно. И я считаю, что можно без колебаний утверждать: так оно и было.

Реабилитация людей – жертв сталинского террора – потянула за собой частичную реабилитацию идей. Стали выходить книги, которые раньше были запрещены. В среде интеллигенции стали говорить о необходимости демократизации, гласности, более свободного обмена информацией. Рано или поздно это должно было вызвать социальное движение. Так оно и случилось. Была найдена подходящая форма – послание петиций высшим органам власти. Это, собственно говоря, была и есть единственная форма открытого политического движения, возможного в советских условиях. Людей, подписавших такие петиции, окрестили «подписантами».

В течение некоторого времени число «подписантов» увеличивалось, и казалось, что движение может захватить широкие слои интеллигенции. Тогда власти стали принимать ответные меры. По сравнению со сталинским временем эти меры были смехотворны: обсуждение и осуждение на собраниях, отмена зарубежных командировок, понижение в должности, иногда – увольнение с работы. Для членов партии (были и они в числе подписантов) – выговоры, а для упорствующих – исключение из партии. Многим просто ничего не было, они только были взяты на заметку. Я, например, хоть и подписал несколько коллективных протестов, в то время вообще избежал неприятностей.

Однако и этих мер оказалось достаточно, чтобы остановить движение. Максимум «подписантства» приходился на февраль-март 1968 года. К лету того же года, еще до вторжения в Чехословакию, стало уже ясно, что подписантство быстро идет на убыль. 21-е августа только закрепило победу, одержанную тоталитаризмом. Подписанты оказались в меньшинстве – в ничтожном меньшинстве; основная часть интеллигенции не поддержала их. Советский интеллигент снова был поставлен перед проблемой выбора – и он снова сделал выбор в пользу тоталитаризма, однако на этот раз – под несравненно меньшим давлением.

При Сталине рот был заткнут чудовищной, неумолимой силой. Идти хоть в чем-то против означало почти верную и почти немедленную смерть. Активистам демократического Движения казалось, что теперь, когда можно что-то делать для восстановления основных прав личности, люди должны ухватиться за эту возможность и движение – хотя бы в среде интеллигенции – должно разрастись лавинообразно. Это было заблуждение, оно обнаруживалось в процессе сбора подписей, и у многих активистов опускались руки. Великого Страхта сталинских времен уже не было. Но работала инерция страха. Не зря трудились основатели нового строя. Страх не прошел бесследно. Он затаился в тайниках сознания, он изуродовал души, изменил представления о нравственных ценностях, о добре и зле.

Интеллигенция больше, чем любой другой слой общества, нуждается в основных демократических свободах и страдает от их отсутствия; они нужны ей профессионально –

для выполнения своей общественной функции. Поэтому интеллигенция и должна в первую очередь заботиться о соблюдении прав личности, добиваться их. Она отвечает за них перед обществом в целом. Борьбаться с предрассудками и обскурантизмом, добиваться интеллектуальной и духовной свободы – такой же прямой долг интеллигента, как долг врача – следить за здоровьем людей.

Я уже говорил о той ситуации выбора, в которой находится человек творческого труда в тоталитарном обществе, когда требования совести противоречат интересам работы. Однако эта ситуация не влечет с необходимостью ту пассивность интеллигенции, которую мы видим вокруг. Ситуация выбора и необходимость компромисса всегда присутствовали и будут присутствовать в любой сфере жизни; сама жизнь – это непрерывный компромисс. И если бы интеллигенция обладала твердым желанием выполнять свой долг, идя, когда это необходимо, на компромиссы, то общественно-политическая атмосфера в стране была бы совсем другой. Но такого желания нет. Почему? В следующем разделе я воспроизвожу свой ответ на этот вопрос, содержащийся в первом варианте «Инерции страха» (осень 1968 года).

1.8. Философия коровы, догматический пессимизм и другие теории

Страшным результатом сталинского террора было не только физическое уничтожение людей, но и дегуманизация оставшихся в живых, потеря ими человеческого облика. В той или иной степени этот процесс затронул каждого, а благодаря взаимодействию между поколениями повлиял и на молодежь, не заставшую сталинских времен. И самое печальное, что мы привыкли к этому, смирились с этим, нашу исковерканную психику мы принимаем за норму.

Когда бандит наводит дуло револьвера на безоружного человека, тому на выбор предоставляются только две возможности: подчиниться или умереть тут же на месте. Никто не может осудить того, кто подчинится в таких условиях. Но вот бандита нет. Не пора ли начать принимать человеческий облик?

Мы так привыкли к массовой, систематической лжи, что считаем ее не только вполне дозволенной, но даже как будто совершенно естественной и необходимой для поддержания общественного порядка. Мы считаем вполне нормальным говорить дома и с друзьями одно, а на людях – совсем противоположное, и мы учим этому своих детей. Нам нисколько не стыдно проголосовать на собрании за решение, которое мы считаем неправильным, и тут же, выйдя из зала, поносить это решение. Мы не считаем позором и предательством не выступить в защиту несправедливо обвиненного товарища. Порой совесть требует от нас

сущего пустяка, но мы отказываем ей и в этом. Мы трусливы и беспринципны.

На какие только ухищрения мы не пускаемся, каких только жалких доводов не изобретаем, чтобы оправдать себя в своих собственных глазах и в глазах своих друзей! Многие представители научной интеллигенции укрываются за гениально простой отговоркой: это не мое дело; мое дело — наука, все остальное меня не касается, и я буду делать что угодно, лишь бы мне не мешали; так я принесу максимальную пользу обществу. Это философия коровы, которая умеет только давать молоко и готова давать его кому угодно.

Рассуждая так, ученый претендует на несомненную исключительность своей профессии или своей личности. И действительно, такая претензия, когда она исходит от ученого, выглядит как будто более основательно, чем если бы она исходила от представителей других профессий. Мы часто ставим науку на выделенное место, придавая ей высшую ценность, независимую от остальных ценностей, связанных более непосредственно с общественной жизнью. На начальных стадиях развития науки и, может быть, еще в прошлом веке такую точку зрения можно было считать в какой-то степени оправданной. Тогда наука развивалась более или менее автономно, ей нужно было еще накопить силы, чтобы стать важным общественным явлением. Веря, что в конечном счете наука преобразует общество к лучшему, копить силы было, возможно, тактически правильно. Но сейчас наука уже неразрывно связана со всей общественной жизнью; общие, глобальные проблемы науки неотделимы от проблем общества. Жертвовать решением общих проблем, чтобы несколько быстрее решить отдельную узкую проблему, — можно ли защищать такую точку зрения, не занимаясь самобманом? За подобными взглядами обычно кроются чисто эгоистические соображения...

Так обстоит дело, если рассуждать только об интересах науки. Но проблемы общественной жизни — это не только проблемы науки, это проблемы счастья и горя, жизни и смерти многих людей. Неужели это менее важно, чем вопрос о том, будет ли, допустим, осуществлен данный эксперимент на год раньше или на год позже?

Наконец, само противопоставление заботы об общественных проблемах деятельности в своей узкой области — не оправдано. Тот, кто желает выполнить свой общественный долг, всегда найдет для этого способы, не ударяющие фатально по его работе. Философия коровы нужна тем, кто хочет уклониться от выполнения долга, откупившись от него молоком. Кстати, и молоко-то у этих людей бывает чаще всего жидкое...

А что сделаешь? — говорит другой интеллигент. — Кругом ложь и подлость. Высунешься — стукнут, только и всего. Ничего не изменится, разве только в худшую сторону. Нет уж, лучше сидеть и помалкивать... Напрасно вы будете указывать ему на перемены, которые непрерывно происходят в нашей жизни, напрасно будете спрашивать, как — по его представлениям — вообще происходит в мире прогресс, он будет либо мазать все черной краской, либо уходить от разговора. Его пессимизм — догма, которую он вовсе не намерен подвергать сомнению и которая поэтому абсолютно неуязвима. Убеждение, что ничего сделать нельзя,

необходимо ему для самооправдания. Когда побеждают силы разума и добра, он только пожимает плечами; но зато каждый раз, когда берет верх зло и невежество, он не упускает случая позлорадствовать:

— Вот видите! Я же говорил! Я же предупреждал! И он радуется, что его не удалось «спровоцировать» на «необдуманный» поступок...

Есть еще теория, которую можно назвать «Сама пойдет...»

— Ну что вы! — говорит проповедник этой теории. — Конечно, улучшение происходит. Только медленно, под действием объективных законов. Его нельзя ни остановить, ни ускорить. Надо просто ждать. Придет время, все будет хорошо...

Как будто это улучшение происходит само собой, каким-то мистическим образом, без всякого участия людей! Как будто этим улучшением мы не обязаны как раз тем людям, которые отдают ему свою энергию, здоровье, жизнь!

Да, можно просто ждать. Можно упасть в воду и, даже не барахтаясь, ждать пока тебя вытащат. Возможно, что в конце концов и вытащат, — свет не без добрых людей. А возможно, что и не вытащат: не потому, что не захотят, а потому, что не смогут.

Есть еще много отговорок, помогающих интеллигенту уклоняться от поступков, которых требует совесть. Высокопоставленные говорят, что вот-де хорошо «простым людям» — им нечего терять. «Простые люди» говорят: хорошо высокопоставленным — их не тронут. Один как раз заканчивает диссертацию, другой не хочет «подвести» начальника, третий боится сорвать зарубежную командировку. Молодой считает, что он слишком молод, старый — что он слишком стар.

Все эти оправдания не стоят ломаного гроша, они рассыпаются при первой же попытке серьезного и честного размышления. Но интеллигент и не хочет размышлять серьезно и честно, он предпочитает сохранять эти декорации, прикрывающие его страх и глубокий душевный надлом. И он осторожно пробирается между ними, чтобы не задеть и не разрушить их нечаянно. А к тем, кто разрушает декорации, кто подает пример честного и мужественного поведения и ставит интеллигента перед нравственным выбором, он испытывает порой настоящую ненависть, ибо такие люди нарушают его покой. Он не только лжет и боится, он не хочет перестать лгать и бояться — так он привык, так ему удобнее и спокойнее. Это — глубочайшее нравственное падение.

Нравственность. Совесть. Честь. Странное у нас отношение к этим понятиям. Нельзя сказать, что мы отрицаем их вовсе, относя к буржуазным предрассудкам. Нет. Но мы считаем эти понятия какими-то несерьезными, старомодными, «немарксистскими». Дескать, выплавка чугуна и стали — это серьезный фактор, это — *базис*, это важно для общества. А всякая там нравственность — это так, *надстройка*... Однако бывает, что с выплавкой чугуна и прочим «базисом» дело обстоит более или менее благополучно, а препятствием для нормального развития общества является именно массовое забвение некоторых элементарных

нравственных принципов.

Именно так и обстоит дело у нас. Если заграничные тряпки для нас дороже чистой совести, если, боясь неприятностей по службе, мы способны предать товарища, – мы недостойны называться людьми и не заслуживаем человеческой участи.

Мы вовсе не должны требовать друг от друга какого-то героизма, какого-то необыкновенного мужества. Но разве не мы сами являемся источником лжи и лицемерия! Разве честные люди не могли бы договориться между собой просто быть честными, если бы они этого действительно хотели? Разве мы делаем хотя бы то, что вполне в наших силах? Нет, мы предпочитаем находить отговорки, мы предпочитаем без остатка погружаться в мелочные эгоистические заботы и не думать о долге и совести, о жизни и смерти, мы предпочитаем голосовать за неправду и, возвратясь домой, спокойно лгать своим детям, что мы – честные люди.

1.9. Морально-политическое единство

*Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит
головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего
на плечах ярмо капиталистического рабства.*

И. Сталин⁴

Годы, последовавшие за 1968-м, были годами поляризации. Выкристаллизовалась категория людей (численно крошечная), которые отказались принять основной принцип тоталитаризма: подавление прав личности; их окрестили пришедшим с Запада именем «диссиденты». Остальные вернулись в лоно тоталитарного большинства. Общество безмолвно и безучастно наблюдает, как власти расправляются с диссидентами.

Я помню, как осенью 1972 года я обращался к одному известному астрофизику Икс с просьбой помочь астроному Крониду Любарскому, над которым вскоре должен был состояться суд. К. А. Любарский, автор нескольких десятков научных работ и бывший председатель Московского астрономического общества, был арестован за участие в издании «Хроники текущих событий». От академика Икс я просил немногого: написать для суда характеристику Любарского как ученого. Я знал по опыту других политических процессов, в частности по процессу математика Р. И. Пименова, что такая характеристика, подписанная видным ученым, академиком, способствовала бы смягчению приговора. Икс принадлежал к числу первых академиков – подписантов, и это давало мне основания надеяться на положительный результат моей миссии. Однако надеждам не суждено было оправдаться. Времена переменились. Академик отказался написать характеристику.

Кронид Любарский был осужден на пять лет строгого режима. Он – тяжело больной человек, у него ампутирована большая часть желудка. Каждый день пребывания в тюрьме

для него – пытка. Недавно произошел случай, незначительный сам по себе, но очень характерный для атмосферы последних лет. Профессор Ю. Ф. Орлов, физик, член-корреспондент Армянской Академии наук, позвонил академику Игрек, тоже физика, чтобы договориться о встрече и обсудить какие-то вопросы. Увы,

Ю. Ф. Орлов известен не только как физик, но и как один из наиболее активных диссидентов. Едва Игрек понял, кто с ним говорит, и не успев еще услышать, о чем тот хочет разговаривать, он поспешил предупредить:

— Только учтите, проблемы поступательного движения человечества меня не интересуют.

А ведь Игрек тоже подписал некогда письмо-протест против применения сталинских методов. Однако нынче диссиденты не в моде. Ведь «все равно ничего не сделаешь». Серьезные люди этим не занимаются. Будет ли человечество двигаться вперед или назад – академику это безразлично. Он заботится только о том, чтобы его не втянули в разные там выступления в защиту невинно заключенных и прочую чепуху.

По поводу отдельных случаев – которых любой из диссидентов может привести великое множество – всегда есть возможность возразить, что это все-таки отдельные случаи, а не статистика. Но вот есть форма общественной активности, где статистика набирается автоматически, сама собой: это голосование на собраниях и заседаниях коллективных органов, таких как ученые советы научных институтов. Ленинградского литературоведа Эткинда уволили с работы в результате того, что КГБ довело до сведения руководства свое мнение о его неблагонадежности. Для увольнения человека, занимающего конкурсную должность в научном институте, необходимо решение ученого совета института, которое принимается путем тайного голосования. Такое решение и было принято, причем члены ученого совета высказались за увольнение Эткинда *единогласно*. Иностранцы корреспонденты в Москве, передавая сообщение об этом за границу, очень удивлялись: как это так, что из пятидесяти с чем-то человек не нашлось ни одного, который при *тайном голосовании* оказался бы против увольнения по политическим причинам? Как это может быть?

Может быть, господа, может быть. Не зря советская пропаганда кричит на весь мир о морально-политическом единстве советского общества. Она, конечно, производит подтасовку, смещает смысл слов, но все же не врет напропалую. В своем пренебрежении к правам личности, отсутствии чувства собственного достоинства, в своем раболепии перед властью советское общество едино: и морально, и политически.

Мне говорили (не знаю, насколько это верно), что члены ученого совета по какой-то причине имели зуб на Эткинда, и это отчасти объясняет (хотя, разумеется, никак не оправдывает) результат голосования. Но вот перед моими глазами другой случай. В одном научном институте работал физик А. – человек большой доброты и безукоризненной честности, с румяным круглым лицом – живой символ русского добродушия и общительности. Я думаю,

во всем институте не было и одного человека, который был бы настроен к нему недоброжелательно. И вот А. «провинился». Будучи членом КПСС, он написал письмо в высшие партийные инстанции, которое этим инстанциям не понравилось. Обратите внимание, А., в сущности, лишь выполнял устав КПСС, согласно которому коммунист должен сообщать вышестоящим инстанциям о тех действиях нижестоящих инстанций, которые с его точки зрения являются неправильными. К тому же письмо, как и полагается, было закрытое. Однако дело было в конце 1968 г., и в институте было то, что на партийном языке называется «сложная обстановка». Поэтому сверху спустили инструкцию: осудить вольнодумца. Ладно. В два счета провели партсобрание, осудили, вынесли строгий выговор. Потом собрали ученый совет. Сидят физики и думают: дело дрянь, обстановка сложная, надо А. наказать, а то как бы чего не вышло. Вносится предложение: перевести его с должности старшего научного сотрудника на должность младшего научного сотрудника. Это влечет понижение зарплаты более, чем на треть (а у А. жена и двое детей).

Лишь один человек счел предложение несправедливым – заведующий лабораторией Б. Встает он и говорит: зачем же понижать в должности? Ведь работает он прекрасно. Никаких претензий у нас здесь нет. Вынесли выговор по партийной линии, и хватит.

Тут все зашумели, замахали на Б. руками. Дескать, как можно так рассуждать, надо думать об интересах института и т. д. Перешли к тайному голосованию. Результат: единогласно за понижение в должности. Б тоже голосовал *за*: ведь если был бы один голос против, ясно было бы, что этот голос его. Впрочем, это его не спасло: через некоторое время Б. был переведен с должности заведующего лабораторией на должность старшего научного сотрудника.

Репрессии против людей творческих профессий – ущемление или полное изгнание с работы – проводятся, как правило, вполне законным, «демократическим» путем. Общество само оскопляет себя, и эта традиция самооскопления передается следующему поколению.

Из института, в котором я работал до увольнения летом 1974 г., был уволен незадолго до меня кандидат технических наук А.М. Горлов. Вся его вина состояла в том, что он был знаком с А. Солженицыным и однажды, приехав к нему на дачу в отсутствие хозяина, нарвался на сотрудников КГБ, которые не то делали там обыск, не то устроили засаду. Горлова как следует избili и пригрозили, что если он не будет молчать, то ему будет худо. Горлов, однако, молчать не стал, и дело получило огласку. Естественно, у него начались неприятности на работе, и в конце концов он был уволен путем тайного голосования. Горлов проработал в этом институте 15 лет.

1.10. Личный опыт

Мой личный опыт также содержит немало поучительного.

Когда в конце августа 1973 года началась клеветническая газетная кампания против академика Сахарова, я выступил с кратким заявлением в его поддержку. Через неделю я уже присутствовал на общем собрании сотрудников института, созванном с целью осудить мой недостойный поступок. Часть выступавших восклицала, что не может быть такой человек, как я, заведующим лабораторией и руководить людьми (в течение шести месяцев я, действительно, по недосмотру властей в процессе перехода из одного института в другой, был — о чудо! — заведующим лабораторией). Другие ораторы требовали вообще изгнать меня из института, утверждая, что мне не место в их здоровом коллективе. Одна пожилая женщина патетически воскликнула:

— Я вот смотрю, к нему все студенты ходят. Разве мы можем, товарищи, доверить такому человеку воспитание наших детей? Резолюция, осуждающая мое поведение, была принята единогласно. Из трехсот человек, присутствовавших на собрании, ни один не проголосовал против или хотя бы воздержался.

Вскоре после этих событий из издательства «Советская Россия», где готовилась к выходу моя книга «Феномен науки» (уже был начат набор), мне сообщили, что работа над книгой остановлена «из-за нехватки бумаги». Рукопись другой моей книги «Программирование на языке РЕФАЛ», которая была сдана в издательство «Наука», находилась в это время у рецензента. Рецензент вернул рукопись в издательство, заявив, что он считает себя «морально не вправе» рецензировать книгу автора с таким политическим лицом.

1.11. Морально-политическое единство...

Осуждение моего выступления на собрании в институте производилось открытым голосованием. Но есть у меня опыт и тайного голосования.

В сентябре 1973 г., вскоре после собрания, была расформирована моя лаборатория, но я был оставлен в институте в должности старшего научного сотрудника. В течение последовавших месяцев я спокойно работал и надеялся, что мне удастся совместить свое диссидентство с продолжением профессиональной деятельности. Не тут-то было. Весной 1974 г. подошло время моего утверждения ученым советом института в занимаемой должности. Сначала вопрос о моем утверждении был отложен: вероятно, начальство не знало, как поступить, и запрашивало инструкций. Затем было дано указание «треугольнику» отдела составить на меня характеристику. В деловой части характеристики, написанной в отделе, были только хорошие слова по моему адресу. Но последний абзац характеристики гласил:

«В то же время, будучи близко связанным с академиком Сахаровым, В. Ф. Турчин сделал в сентябре 1973 г. заявление для представителей буржуазной прессы, в котором оправдывал поведение Сахарова. Этот поступок В.Ф. Турчина был единодушно осужден

сотрудниками института».

В июле 1974 г. состоялось заседание ученого совета института, на котором рассматривался, в частности, вопрос о моем утверждении в должности. Председательствовавший на совете заместитель директора не стал зачитывать деловую часть характеристики, а прочитал только заключительный абзац, начиная со слов «В то же время. . . » Затем он выразил надежду, что члены ученого совета «сделают соответствующие выводы» из зачитанного абзаца. Больше по этому поводу не было сказано ни слова. Моя работа не обсуждалась. Хотя за месяц до этого на заседании отдела было принято решение рекомендовать ученому совету института утвердить меня в занимаемой должности, заведующий отделом, который присутствовал на заседании как член ученого совета, не считав необходимым встать и объявить об этом. Результат тайного голосования был таков: 5 за утверждение, 19 – против. Так я вылетел из института. Один из моих знакомых, когда я ему рассказал об этих событиях, воскликнул:

— Ого! Пять человек из двадцати четырех голосовали против. Это – дай-ка мне линейку – почти 21%. У вас на редкость порядочные люди в институте!

После увольнения я пытался устроиться в несколько научно-исследовательских институтов, но безрезультатно. Схема была всегда одна и та же: заведующий лабораторией хотел меня взять, но когда вопрос поднимался на уровень партбюро и дирекции института, ответ неизменно был отрицательным. Иногда мне говорили: «Вот если бы вы дали обещание вести себя. . . иначе, тогда еще можно было бы попытаться вас устроить». А в одном институте человек, который хотел меня взять, объявил мне с унынием в голосе, что не только директор, но и несколько человек, которые были заинтересованы во мне как в специалисте, сказали, что они, тем не менее, против моего приема. Они не хотят неприятностей.

Повествование об академиках я закончу следующей историей. Один мой знакомый спросил академика Зет, не может ли он помочь мне устроиться на работу. С академиком Зет мы не только знакомы более пятнадцати лет, но даже имели совместные работы. Академик ответил кратко и ясно:

Нет. Эти люди идут против общества. Такие дела.

1.12. Отщепенцы

Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье. . .

О. Мандельштам

У меня нет иллюзий: мой конфликт – не только и, пожалуй, даже не столько, конфликт с властями, сколько конфликт с обществом. Я хочу примерно того же и смотрю на вещи примерно так же, как люди круга, к которому я принадлежу. Это – конфликт ценностей. Но

именно система, иерархия ценностей – что мы считаем более, а что менее важным – определяет в конечном счете наши поступки; и от нее зависит, оказываемся ли мы с большинством или попадаем в отщепенцы, диссиденты.

Не то чтобы я возражал против отщепенства как такового. Отщепенцы нужны каждой стране и человечеству в целом. Нужны люди, которые ведут себя не так, как большинство – экспериментируют на себе (и – увы! – на своих близких). Без этого не было бы развития, движения вперед. Все новое бывает сначала в меньшинстве. В конце концов и доказательство теоремы зарождается в одной голове, прежде чем стать признанным фактом. Для меня диссидентство – часть моей жизненной задачи, как и научная работа.

Само по себе наличие отщепенцев – вещь естественная. И ясно, что люди, нарушающие общественные нормы поведения, не могут рассчитывать на легкую жизнь в своем обществе – это, опять-таки, естественно. Но неестественно и противоестественно другое: та линия, которая отделяет советских диссидентов от общества. Ведь для того, чтобы попасть в отщепенцы, достаточно просто отказаться от лжи (хотя бы по умолчанию), достаточно один раз заступиться за невинного человека, которого терзают на твоих глазах. А для того, чтобы попасть в полу диссиденты, в неблагонадежные, достаточно еще меньшего: живое слово, отказ от активного, систематического мракобесия. И это – в XX веке, в Европе, после того как основные принципы гуманизма и права личности давно признаны, казалось бы, цивилизованным миром.

Гуманистов XVI века поддерживало, вероятно, чувство, что они – первооткрыватели, прокладывающие дорогу к новому общественному порядку. Советские диссиденты всего лишь призывают помнить об уже открытых, ставших азбучными, истинах. Они всего лишь обороняются от наступающей тьмы.

1.13. Все все знают

Один американец, с которым мы обсуждали влияние технического прогресса на общественную жизнь, сказал мне:

— У нас считают, что технический прогресс в Советском Союзе имеет важное значение для демократизации общества. Возьмем такой пример. Сейчас у вас в стране производится недостаточно автомашин. Их производство будет увеличиваться. Тогда любой человек сможет сесть на машину и проехать по стране. Он тогда увидит, например, что во многих городах нет мяса и что вообще газеты пишут неправду.

Это соображение меня, признаться, рассмешило. Вовсе не обязательно иметь автомашину, чтобы знать, что газеты пишут неправду. У каждого есть глаза и уши, а также родные и знакомые в разных частях страны. И, в сущности, все все знают.

Знают, что мяса нет и что газеты врут. И что слова о свободе и демократии – чистый

вздор, а на самом деле начальство делает, что ему заблагорассудится. И что надо сидеть тихо, а то угодишь в лагерь. И что рабочие в Америке живут лучше, чем у нас профессора. И многое другое.

Все все знают. И признают, что они знают. В этом отличие тоталитаризма третьей стадии – стадии сознания – от тоталитаризма второй – информационной стадии. Акцент делается теперь на принятии неизбежного, на необходимости режима. Подобно тому, как при Сталине существовало негласное соглашение между властью и гражданами, что граждане как бы «ничего не знают», теперь существует такое же соглашение, что граждане как бы «ничего не могут сделать», хотя и знают почти все. На официальном языке это соглашение именуется «коммунистической сознательностью» советского народа.

Занятная это вещь – официальная советская фразеология. . . Нельзя сказать, что она использует слова в смысле прямо и открыто противоположном *работа на*. Разрушать нечего – все и так в развалинах. Нужны их истинному смыслу. Нет. Это скорее смещение смысла слов, которое происходит не прямо на поверхности, а на некоторой глубине. Сложные абстрактные понятия предполагают наличие некоторой лестницы, иерархии понятий, с помощью которой они декодируются, расшифровываются до уровня простых наблюдаемых объектов реальности. Где-то посередине этой иерархии и происходит изменение смысла на противоположный, что приводит к смещению расшифровываемого понятия. Благодаря тому, что обращение смысла происходит не на поверхности, а в глубине, становится возможным *двоемыслие*, на которое указал впервые Орвелл и которое столь характерно для тоталитаризма. Ключевые для общественной жизни слова используются одновременно в двух смыслах: «теоретическом», то есть исходном, не смещенном, и «практическом» – смещенном.

Теоретический смысл несет положительную эмоциональную нагрузку, но – увы! – не имеет отношения к действительности. Зато в «практическом» смысле эти же слова правильно отражают реальность. Так и образуется гибрид, кентавр, которым успешно пользуется тоталитарный человек в своем мышлении.

Согласно теории, коммунистическая сознательность – это принятие коммунистической идеологии в свободном обществе в результате борьбы идей и в обстановке свободного доступа к информации и к аргументам оппонентов. На деле же коммунистическая сознательность – это сознание, вырабатываемое под давлением чудовищной машины пропаганды и насилия, когда каждую кроху информации приходится буквально вырывать зубами в постоянном страхе угодить за решетку. Однако я хочу подчеркнуть сейчас не различие между «теоретическим» и «практическим» смыслом коммунистической сознательности, а их сходство. Вспоминая жуткий сталинский террор и сравнивая с ним современное положение вещей, мы все же можем сказать, что современный советский человек принимает тоталитаризм добровольно и сознательно. В этом-то и трагизм положения.

Сейчас у властей уже нет того панического страха перед информацией, который был прежде. Конечно, пресечение обмена информацией остается одной из важнейших задач — это основа основ тоталитаризма, но теперь власти знают, что в условиях «коммунистической сознательности» масс просачивание отдельных капель информации не представляет собой серьезной угрозы. Действительную угрозу представляет то, что может повлиять на сознание людей, — идеи. Поэтому свою первейшую задачу власти видят в поддержании идейного вакуума.

Года два назад в журнале «Вестник Российского христианского студенческого движения» была напечатана статья, подписанная XV. В ней, в частности, анализировались причины уменьшения циркуляции самиздата в Советском Союзе по сравнению с концом 60-х годов. Объяснение — с моей точки зрения, совершенно правильное — было таково. В 60-х годах волна самиздата состояла главным образом из *разоблачений*, касающихся как сталинского, так и современного периодов. Теперь эта волна кончилась: общество насытилось саморазоблачениями. нужны новые идеи, а идеи, в отличие от простой информации, требуют диалога. Самиздатские условия гораздо менее благоприятны для выработки идей, чем для разоблачений.

Сознание тоталитарного человека — это прежде всего сознание опустошенное и развращенное. Задача борьбы с тоталитаризмом — это задача не разрушения, а созидания. Это не *борьба против*, это положительные идеалы. Нужна вера в их осуществимость. Нужна программа постепенной демократизации общественной жизни.

Строить, как известно, трудно, а разрушать — легко. И еще легче мешать строительству. Этим-то делом занимается пропагандистская и карательная машина государства. Огромная, мощная машина. Неудивительно, что мракобесы чувствуют себя так уверенно. Последние годы свидетельствуют о планомерном наступлении на культуру. Эпоха «хрущевского либерализма» вспоминается как какое-то золотое время, когда еще иногда *выходили книги*? С тех пор была проведена фундаментальная чистка всех учреждений, имеющих отношение к средствам массовой информации. Каждое живое слово рассматривается как потенциально опасное и вымарывается безжалостно. Казалось бы, какой смысл проявлять столь мелочную бдительность, если советский человек может по радио — скажем, в пределах «Немецкой волны» — услышать гораздо более опасные формулировки? А оказывается, в этом есть смысл. Ибо нестандартное слово, сказанное живым человеком и появившееся в печати, может явиться — на вполне законной основе — центром объединения инакомыслящих. Следить за тем, чтобы этого не случилось, поручено специального сорта людям, профессиональным мракобесам. И они свое дело знают, эти стратеги выжженной земли, мастера глубокого вакуума.

1.14. Марксистско-ленинская теория

Что же все-таки думает советский человек? Является ли официально исповедуемый марксизм-ленинизм его действительной идеологией? Или же это только идеология партийно-государственной иерархии? Или же, наконец, и сама иерархия не верит в то, что проповедуется в миллионах печатных изданий и вещается по радио чуть ли не на всех языках мира?

Марксизм-ленинизм именуется у нас передовой и единственно научной *теорией* общественного развития. Каков бы ни был ответ на поставленные выше вопросы, одно можно сказать сразу же: теорией как средством предвидения и планирования марксизм-ленинизм заведомо не является, и никто так к нему не относится, в том числе и партийные иерархи: не настолько они наивны.

Один мой знакомый, работавший в государственном аппарате на среднем уровне иерархии, рассказал такую историю. Он получил повышение в должности и вместе с повышением – новый кабинет. Кабинет был отремонтирован, стены заново выкрашены, и, как полагается, надо было украсить их портретами вождей. Мой знакомый зашел на склад – и первое, что ему попало на глаза, был портрет Маркса; он велел повесить его у себя в кабинете. На следующий день к нему зашел его начальник – человек, принадлежащий уже к весьма высокому уровню иерархии. Увидев портрет Маркса, он скривился:

— Фу! Зачем ты этого еврея повесил? Ты бы сказал мне, я бы тебе Ленина дал.

Интересно в этой истории не то, что начальник настроен антисемитски (это-то само собой), а то, что здесь явственно проглядывает пренебрежение к учению, созданному «этим евреем». Советский иерарх – это прежде всего реалист, и как реалист он прекрасно знает, что практическая политика партии ни в какой связи с теорией Маркса не состоит. И его отношение к портретам определяется факторами чисто человеческими: Маркс – еврей, чужой; Ленин – наш, свой, основатель государства.

Любопытно, что иностранные наблюдатели, даже очень хорошо знакомые с жизнью в Советском Союзе, склонны переоценивать роль теоретических принципов или догм в определении конкретных, практических шагов советских руководителей. Недавно я прочитал одну статью Роберта Конквиста⁵, автора книги «Великий террор» – одного из первых фундаментальных исследований сталинской эпохи. В целом это очень интересная статья, содержащая совершенно правильный, с моей точки зрения, анализ взаимоотношений Советского Союза с Западом. Но его оценка роли теории мне представляется завышенной. Р. Конквист пишет:

«Никто, я полагаю, не думает, что Брежнев декламирует «Тезисы о Фейербахе» каждый вечер перед тем, как отойти ко сну. Но все-таки «марксистско-ленинская» вера – это единственное основание для него и для его режима, и не просто вера в частную политическую

теорию, но вера в трансцендентальную, всепоглощающую важность этой политической теории. Как заметил Джордж Кэннан:

«Дело не столько в конкретном содержании идеологии. . . сколько в абсолютном значении, связываемом с нею». С этим нельзя не согласиться. Однако дальше мы читаем:

«Но мы можем, в действительности, документально засвидетельствовать – и без большого труда – привязанность советского руководства к конкретным догмам. Вторжение в Чехословакию было ярким проявлением доктринальной дисциплины. Другим поразительным примером является экстраординарный и явно в течение долгого времени обдумывавшийся совет, данный сирийским коммунистам в 1972 году и просочившийся через националистически настроенных членов местного руководства. Было две отдельные серии совещаний с советскими политиками и теоретиками соответственно. И даже первая из этих групп, двое членов которой были идентифицированы как Суслов и Пономарев, сформулировала в чрезвычайно схоластических терминах вывод, что в соответствии с принципами марксизма нельзя признать существование «арабской нации». Или, если взять более важный вопрос, советская сельскохозяйственная система основывается исключительно на догме и является вследствие этого чрезвычайно неэффективной».

С этим я уж никак не могу согласиться. Я охотно верю, что ответ сирийцам по поводу «арабской нации» долго обдумывался и обсуждался. Но обсуждение шло, несомненно, в чисто политическом плане: отвечает ли интеграция арабов в данный момент интересам Советского Союза. Пришли, очевидно, к выводу, что не отвечает. А затем поручили каким-то работникам аппарата сформулировать этот вывод в «чрезвычайно схоластических терминах», подобрать необходимые цитаты и т. д. В Чехословакии советские руководители стремились избежать заразного примера – опять-таки с политической точки зрения. А колхозная система была создана Сталиным для решения весьма практической задачи: централизованного управления и выжимания соков из крестьянства. И система эта в своем социальном аспекте не новая: это то, что советские марксисты называют «азиатским способом производства».

Марксизм-ленинизм преподается во всех без исключения институтах, и отношение студентов к этой премудрости весьма показательно. Все знают, что не следует пытаться *понять* ее, а надо только произносить те слова, которые велено произносить. Иногда случается, что какой-нибудь добросовестный новичок пытается отнестись к этой науке всерьез как к науке. Он обнаруживает в ней внутренние противоречия и противоречия с действительностью и начинает задавать преподавателям вопросы, на которые те отвечают путано и невразумительно, а иногда и вовсе не отвечают. Для однокурсников это служит развлечением на фоне скучных занятий по «общественным наукам». Однако развлечение обычно скоро кончается, так как «любопытный слоненок» обнаруживает, что его любознательность отнюдь не способствует получению хороших отметок. Напротив, за ним устанавливается ре-

путация *идейно незрелого*, что может иметь весьма неприятные последствия. А чаще всего находится доброжелатель, который – жертвуя развлечением – объясняет товарищу, как надо относиться к марксистской теории. . .

1.15. Теория и действительность

А как, собственно говоря, можно относиться к теории, если она находится в явном противоречии с действительностью?

Согласно теории, в промышленно развитых странах давно уже должна была произойти пролетарская революция, однако ничего такого не случилось и – как всем уже ясно – в обозримое время не предвидится.

Согласно теории, в капиталистическом обществе происходит непрерывное обнищание – относительное и абсолютное – рабочего класса. В действительности же уровень жизни рабочих непрерывно растет, и он гораздо выше, чем в так называемых «социалистических» странах.

Согласно известному высказыванию Ленина, производительность труда – это, в конечном счете, тот фактор, который определяет прогрессивность общественно-политического строя и обуславливает его победу. В действительности же производительность труда у нас намного ниже, чем в передовых капиталистических странах. По сравнению с США у нас даже в промышленности производительность труда ниже по крайней мере в два-три раза, а в сельском хозяйстве – не менее чем в десять раз.

Согласно теории, немцы, стонущие под игом капитала в Западной Германии, должны рваться в социалистическую Восточную Германию. В действительности же миллионы немцев бежали из Восточной Германии в Западную, и остановить это бегство удалось только с помощью пулеметов и колючей проволоки.

Согласно теории, мы живем в самом свободном и демократическом государстве на земном шаре. А в действительности? И говорить не хочется. Все все знают. . .

Много раз мы были свидетелями того, как марксистско-ленинская теория служила оправданием для совершенно противоположных выводов. Достаточно вспомнить, как Сталин открыл, что по мере продвижения к социализму классовая борьба не затухает, а обостряется! Ленинская идея прорыва цепи мирового капитализма в слабом звене с целью дальнейшего расширения революции превратилась в ленинскую же идею мирного сосуществования стран с различным общественным строем. А ленинская ставка на новое, сознательное отношение к труду превратилась в ленинский принцип материальной заинтересованности.

Нет, глупы и наивны были бы люди, которые в самом деле искали бы ответы на конкретные вопросы в такой теории. Советский руководитель-это кто угодно, но только не догматик, не доверчивый простака, который «тычет в книжку пальчик», чтобы найти реше-

ние волнующих его проблем.

Однако было бы большой ошибкой думать, что огромные деньги, которые тратятся на внедрение в сознание каждого советского человека марксистско-ленинской теории, тратятся впустую. И усиленная марксистско-ленинская выучка, которой подвергаются работники партийного аппарата, отнюдь не проходит для них бесследно. Вопрос о взаимоотношении теории с действительностью отнюдь не так прост.

Прежде чем служить для предвидения событий в окружающем нас мире, всякая теория дает нам понятийный аппарат, язык для описания действительности. Верны или не верны окажутся предсказания, но язык теории остается. И мы видим действительность через призму этого языка, этих понятий. Здесь я опять могу с полным согласием процитировать уже упоминавшуюся выше статью Роберта Конквиста: «Марксистско-ленинский язык, используемый правящей партией, это не просто какая-то формула. Это единственный способ, с помощью которого руководители могут представлять себе явления, с которыми они имеют дело. «Каждый язык вырезает свой собственный сегмент действительности. И мы проносим этот язык через всю жизнь...» Это замечание известного лингвиста (Джорджа Штейнера) несомненно приложимо к использованию в политике, начиная с самого рождения, определенного политического диалекта. Очевидно, советские руководители просто неспособны думать в каких-либо других категориях».

К сожалению, не только руководители. Этот язык и способ мышления навязываются, начиная с самого рождения, каждому гражданину тоталитарного государства. В функциях, выполняемых марксистско-ленинской теорией в советском государстве, можно выделить формальную и содержательную стороны. В XX веке государство не может обойтись вовсе без «теории»: надо же что-то говорить и писать, как-то объяснять события гражданам. Единая и единственно разрешенная государственная идеология – необходимый элемент тоталитаризма. Это символ веры. Его принятие без обсуждений и сомнений – «причастие буйвола». В этом аспекте идеология служит в качестве армейской формы – для отличения своих от чужих; содержание теории здесь роли не играет. Именно эта формальная роль теории отражена в замечании Дж. Кеннана, цитированном Р. Конквистом. Однако формальной функцией роль марксизма-ленинизма не исчерпывается. Эта теория и по своему содержанию чрезвычайно подходит тоталитарному обществу, необходима ему. В частности, я хочу подчеркнуть значение основополагающего принципа исторического материализма: «бытие определяет сознание». Это – краеугольный камень, на котором зиждется тоталитарное сознание, теоретическое оправдание жизненного принципа: все равно ничего не сделаешь, плетью обуха не перешибешь. Позже мы уделим этому вопросу специальное внимание.

Казалось бы, явное противоречие между теорией и действительностью должно было бы дискредитировать теорию в глазах советского человека. Формальную функцию теории это противоречие, конечно, не нарушает. Но содержательную? Как можно совместить осознание

противоречия теории и действительности с верой в теорию в целом? Не является ли это само по себе патологией?

В оправдание советского человека мы должны признать, что нет, не является. Ибо за исключением чисто математических теорий, никакие другие не являются *полностью формализованными*. Теории содержат иерархию понятий и принципов, переход от высших уровней к низшим далеко не всегда осуществляется путем однозначных, строго формальных выводов или вычислений. Напротив, на пути от высших принципов к непосредственно наблюдаемым явлениям приходится делать дополнительные допущения, приближения и т. п. Случаются и ошибки. Когда, например, физик обнаруживает противоречие между результатами своих экспериментов и теоретическими предсказаниями, он не спешит отвергнуть все здание теоретической физики. Сначала он будет проверять, не сделал ли он простой арифметической ошибки в вычислениях. Затем будет исследовать, учтены ли все факторы, влияющие на исход эксперимента. Потом будут поставлены под сомнение модельные упрощения, которыми почти наверняка пользовался физик-теоретик в своих расчетах, результаты экспериментов других ученых, которыми он тоже почти наверняка пользовался и т. д.

Если так обстоит дело даже в физике, то чего же ожидать от наук об обществе? Тот факт, что противоречие с действительностью на нижнем уровне понятийной иерархии не ведет к немедленному разрушению в сознании людей всей иерархии в целом, несколько не удивителен.

1.16. Идеологическая иерархия

В советской идеологической системе, которая именуется в целом марксизмом-ленинизмом, можно выделить следующие четыре уровня (описание содержаний уровней дается схематически, в расчете на знающего читателя).

- 1) *Уровень философии*. Диалектический материализм. Материя первична, сознание вторично. Развитие как борьба противоположностей. Исторический материализм. Общественное бытие определяет общественное сознание.
- 2) *Экономико-социологический уровень*. Учение о классах в обществе. Классовая борьба. Общественно-экономические формации. Необходимость перехода от капитализма к социализму путем пролетарской революции (поправка последнего времени: революция может быть «мирной»). Диктатура пролетариата.
- 3) *История КПСС и советского государства*. Необходимость партии нового, ленинского типа. Демократический централизм. Конкретная история (разумеется, отлакированная до блеска и трансформированная с точки зрения интересов текущего момен-

та). Октябрьская революция 1917 г. как социалистическая революция, предсказанная Марксом. Сбылась вековая мечта человечества.

- 4) *Текущая политика*. Вооруженный единственно научной марксистско-ленинской теорией, героический советский народ совершает славные трудовые подвиги под мудрым руководством Коммунистической партии Советского Союза и ее ленинского (!) Центрального Комитета. Уверенной поступью. . . и т. д.

Я совершенно убежден, что большая часть советских людей видит фальшь пропаганды четвертого уровня и относится к ней соответственно. Но я точно так же убежден, что уже третий уровень принимается в целом большинством населения. Условно эту психологию можно обозначить как проведение разделительной черты между Лениным и Сталиным или между принципами и их осуществлением. В принципах все, в общем, верно, но вот из-за разных ошибок, «перегибов», плохих людей и т. п. на практике получается не очень хорошо. Это психология массового человека, которого не учат – и даже мешают – проводить самостоятельный анализ связи между принципами и действительностью.

Люди, которым все же удалось выполнить этот анализ, которые всерьез задумывались об истории своей страны и о том, что происходит вокруг, отвергают третий уровень официальной идеологической иерархии. Хотя эти люди и в меньшинстве, они, несомненно, исчисляются многими миллионами. Но из них лишь очень немногие решаются на переоценку принципов второго и первого уровней. В особенно выгодном положении находится принцип «бытие определяет сознание» – святая святых тоталитарного марксизма-ленинизма. Я много раз убеждался, с какой цепкостью этот принцип держится в умах людей, даже весьма образованных и думающих. Он подкупает своей кажущейся реалистичностью, «научностью». Противоположная точка зрения кажется беспочвенным идеализмом, попыткой выдать желаемое за действительное. Кроме того, имеет место своеобразная *экранировка* первого уровня вторым, на котором провозглашаются благородные цели создания справедливого общества, а возможность достижения этих целей – и даже необходимость их конечного торжества – как бы выводится из того же принципа исторического материализма.

Понятие экранировки вообще очень важно для понимания работы идеологической иерархии. Нижние уровни иерархии экранируют верхние уровни, ибо они отнимают у человека часть «энергии отрицания», если можно так выразиться. Очень трудно отрицать все. Человек, отвергающий под давлением фактов какие-то концепции, принятые его окружением, обычно ощущает потребность доказать окружающим (и себе!), что он делает это именно под давлением фактов, а вовсе не упивается отрицанием ради отрицания. Поэтому ему хочется где-то остановиться; его «энергия отрицания» исчерпывается по мере движения по ступеням лестницы от конкретных фактов ко все более абстрактным понятиям. Задача про-

паганды четвертого уровня – отнять как можно больше энергии отрицания. Так получается, что ложь – сколь это ни парадоксально – не расшатывает «теорию», а укрепляет ее. Слова четвертого уровня, слова-солдаты, бросаются в бой миллионами. Им никто не верит, они гибнут массами, не дойдя до цели, как будто впустую. Но за горами их трупиков укрываются более важные слова: слова-офицеры и слова-генералы. Именно ради этих последних, самых высокопоставленных слов и строится вся идеологическая иерархия. Внешне незаметно, но непрерывно и постоянно эти слова-генералы и стоящие за ними представления воспитывают тоталитарного человека.

Вернемся к нашему сравнению марксистско-ленинской идеологической иерархии с теоретической физикой. Мы отметили сходство в иерархической структуре и в непрямом и небыстром пути, соединяющем принципы с наблюдаемыми фактами. Различие же состоит в целях, ради которых строится теория. Физика в самом деле создается ради того, чтобы предсказывать факты. Поэтому накопление противоречий между теорией и фактами в конце концов обязательно приводит к перестройке теории на всех уровнях – включая самые высшие. Идеологическая система тоталитарного государства строится ради самой себя, ради консервации своих основных принципов. Поэтому расхождение с действительностью и не может ее изменить. Таким образом мы видим здесь сочетание наихудших свойств теорий вообще. С одной стороны, эта теория не обладает предсказательной силой, с другой стороны, она навязывает мертвый, не способный к развитию понятийный аппарат. Марксистско-ленинская теория – это кукла, манекен, занимающий то пространство, где должен быть живой человек. Это опилки, которыми забиваются головы людей, чтобы не осталось места для живой мысли.

Идеологическая картина советского общества будет неполной, если мы не упомянем о людях, которые отвергают марксистско-ленинскую идеологию целиком, а именно: по принципу сверху вниз, а не снизу вверх. Я имею в виду людей религиозных. Они образуют, так сказать, идеологические меньшинства – впрочем, довольно многочисленные. По официальным данным на 1974 г., в стране насчитывается в общей сложности 32 миллиона верующих⁶. Все они в той или иной форме притесняются. Особенно жестоко преследуют сектантов, которые препятствуют проникновению в свою среду информаторов и других угодных государственным органам лиц. Борьба верующих за свои права вызывает сочувствие и поддержку всех тех, кто выступает в защиту основных прав личности. Мужество и упорство в убеждениях, которое проявляют многие из них, является примером для основной массы населения. Наличие отстаивающих свои права идеологических, как и национальных, меньшинств – серьезное социальное явление. Но в плане мировоззрения их влияние незначительно, и я не вижу – вопреки высказываемой иногда точке зрения – чтобы их влияние возрастало. Людям свойственно судить о других по себе, и при всех недостатках этого метода от него никуда не денешься. Разделяя многие идеи христианства, признавая их значение

для современной цивилизации и испытывая глубокое восхищение перед личностью Христа, я в то же время не могу понять, как это можно в наше время принять христианство *целиком* как веру и систему мышления. Едва отвергнув одну догматическую и устаревшую систему, принять другую, пусть более заслуженную, но еще более догматичную и устаревшую? Мне кажется, для этого надо совершить над собой какое-то насилие, быть может, замаскированное и безотчетное. То же относится, конечно, и к другим традиционным религиозным системам.

Нет, единственная альтернатива фальшивой государственной идеологии – это ее анализ с позиций критического научного мировоззрения и создание положительных идеалов с тех же позиций. Первая часть этой задачи сравнительно проста, вторая – невероятно трудна; само выражение «положительные идеалы» представляется нам каким-то устаревшим, ненаучным. Зато даже скромные результаты на этом пути имеют большой вес.

1.17. Бытие определяет сознание?

Кажущийся «трезвый реализм» основного принципа исторического материализма подкупает многих. Даже люди, выступающие против марксистского тоталитаризма, находят порой этот принцип наименее спорной частью марксизма⁷. Между тем, этот принцип и вытекающая из него концепция личности, общества и истории – основа основ тоталитаризма.

Ленин пишет: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие – вот в чем состоит учение Маркса... Сознание вообще отражает бытие – это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие – невозможно».⁸

В чем же состоит материализм? Согласно марксизму-ленинизму, перед философами всех времен и народов всегда стоял и будет стоять вопрос: что первично – материя или сознание? Если вы отвечаете: первична материя, то вы материалист и хороший человек, ибо этот ответ правильный и научный. Если вы отвечаете: первично сознание – вы идеалист и плохой человек. Если вы отвечаете: не знаю, то вы агностик и тоже плохой человек.

Для философа, стоящего на позициях современного научного мировоззрения, сам вопрос – в той форме, в которой его задают марксисты-ленинцы, бессмыслен. Это не значит, что его не следует задавать. Задавать бессмысленные вопросы надо. Но потом надо их анализировать и обнаруживать, в чем их смысл – или бессмысленность. Величайшее достижение философии XX века как раз и состоит в углубленном анализе абстрактных философских понятий, которые ранее представлялись чем-то первичным, само собой понятным. Это направление мышления, в числе основоположников которого мы видим физика Эрнста Маха, полностью отвергается марксизмом-ленинизмом. В своей печально знаменитой книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин предал анафеме Маха и его после дователей из

числа социалистов. С тех пор нет худшего врага для ленинцев, чем махисты. Критическая философия не нужна ленинцу. Он должен глядеть в глаза начальству и отвечать без тревог и сомнений: материя первична, а сознание вторично, товарищ генерал.

Отвергая критический анализ понятий, марксистско-ленинская философия остается на уровне наивного реализма предшествующих столетий. И больше ей ничего не нужно, ибо наивного реализма вполне достаточно для пропаганды; он даже наиболее удобная позиция для пропаганды. Философские понятия используются в неточном, приблизительном, нарочно смещенном смысле; они нагружаются эмоционально в соответствии с бытовыми ассоциациями и в таком виде отлично служат для воспитания «классового сознания» масс. Чего стоит, например, такой шедевр логики, который мы находим в советском учебнике по истории философии:

«Представители господствующих эксплуататорских классов, имеющие монополию на занятие умственной деятельностью, всегда стремились создать впечатление, будто физический труд, материальная производственная деятельность трудящихся масс является чем-то второстепенным, подчиненным труду умственному, играющему якобы главную роль в жизни общества. Подобные утверждения идеологов реакционных классов неминуемо вели к философскому идеализму, к попыткам обосновать первичность духовных явлений и вторичность явлений материальных».⁹

Однако, если понимать под материализмом программу исследования явлений, которые мы называем «духовными», через явления, которые мы называем «материальными», то я целиком за такой материализм, ибо в этом подходе – сущность науки. Я могу также согласиться с марксистской формулировкой, что научный подход к явлениям духовной жизни (и в частности, к сознанию) – это рассмотрение их как *формы движения материи*.

В какой же связи находится так понимаемый материализм с основным принципом исторического материализма Маркса? Ни в какой. Мы имеем перед собой две группы явлений: общественное бытие и общественное сознание. И те и другие связаны с человеком – его телом и мозгом. И те и другие надо рассматривать как формы движения материи. И ниоткуда не следует, что явления одной группы определяют явления другой группы.

В приведенной выше цитате Ленин связывает исторический материализм с положением о том, что сознание *отражает* бытие. Сознание отражает бытие, это верно. Но для того, чтобы перейти отсюда к тезису: *бытие определяет сознание*, надо сделать гораздо более сильное допущение – что сознание не только *отражает* бытие, то есть включает в себя какое-то его отражение, но и *является* отражением, то есть исчерпывается им. Что это за концепция? Это концепция, согласно которой вся так называемая духовная жизнь человека есть просто совокупность отражений-рефлексов, то есть прямых однозначных реакций на возбуждение нервных окончаний внешней средой. Стоит ли опровергать эту точку зрения? В открытую под ней не подпишется в наше время даже марксист-ленинец. Он назовет такую

точку зрения «вульгарно-материалистической». Однако потихоньку она кладется в основу философии истории.

Понятие о рефлексе ввел Декарт. Но для него рефлексы лишь свидетельствовали об устройстве нашей телесной машины; кроме рефлексов у человека, по Декарту, есть еще и *душа*; Декарт высказывал даже определенные соображения по поводу того, какой именно участок мозга является органом души. Подчеркивая различие между рефлексами и душой, Декарт приводит такой пример. Допустим, что кто-либо взмахнет рукой перед нашими глазами, собираясь как бы ударить нас. И хотя бы мы и знали, что он делает это только в шутку и далек от мысли причинить нам зло, нам все же трудно удержаться, чтобы не закрыть глаза. «Это показывает, – пишет Декарт, – что глаза закрываются отнюдь не при участии души, так как это происходит помимо нашей воли. . . это происходит от того устройства машины нашего тела, благодаря которому движение руки перед глазами возбуждает другое движение в нашем мозгу, и мозг направляет животные духи в мускулы, опускающие глазные веки».¹⁰

Если отвергнуть существование души как «идеализм и поповщину» (любимое ругательство Ленина), то останутся одни рефлексы.

1.18. Мышление в свете кибернетики

Что такое душа? Человечек задумчивый. . .

Булат Окуджава

Рене Декарт был ученый. Ученый строит модели малопонятных, неизученных явлений, опираясь на явления более изученные. Но когда он видит, что для какого-то явления он не может построить сколько-нибудь внушающей доверие модели, он так и говорит: стоп, об этом я ничего путного сказать не могу. И для описания таких явлений он употребляет те самые слова и понятия, которые были раньше и которые не претендуют на «научность». Например, душа. Прекрасное слово.

Со времен Декарта наука значительно продвинулась вперед в понимании мышления. И хотя наши модели мышления через какое-то время будут вызывать у ученых улыбку, как вызывают у нас улыбку некоторые механические модели Декарта, то, что мы знаем уже сейчас, весьма существенно для разбираемого вопроса.

Еще во времена И.П. Павлова понятие о рефлексе было, по существу, единственным научным понятием, которое использовалось при описании поведения живых существ. Современная кибернетика при описании поведения животных и человека опирается на несколько новых понятий. Прежде всего это понятия о цели, обратной связи и регулировании.

Когда ребенок подносит ко рту ложку супа, то в его мозгу не только фиксируется, «отражается» текущая ситуация – положение ложки, но и идеальная, желаемая ситуация – ложка

во рту. Это – *цель*. Механизм, который обеспечивает достижение цели, в общих чертах таков. Реальная ситуация сравнивается с идеальной, и в результате вырабатываются нервные импульсы, которые сокращают мышцы таким образом, чтобы приблизить реальную ситуацию к идеальной. Измененная ситуация воспринимается с помощью органов чувств и снова сравнивается с идеальной. Таким образом, поток информации замыкается. Это – *обратная связь*. Непрерывная коррекция действий при наличии цели с помощью обратной связи называется *регулированием*.

Какие материальные структуры в мозгу хранят цели? Как осуществляется сравнение цели с реальной ситуацией? Как фиксируется алгоритм выработки нервных импульсов в результате сравнения? Обо всем этом мы знаем очень мало, почти ничего. Но у нас нет сомнения, что все эти процессы осуществляются с помощью каких-то материальных образований, и мы можем представить себе эти образования как некие программы или *планы* поведения¹¹ по аналогии с программами, хранящимися в памяти вычислительной машины.

Еще одно важное понятие кибернетики, необходимое для описания поведения, это – *иерархия*. Цели и планы поведения образуют иерархию, в которой более сложные и общие цели требуют для своего осуществления постановки и осуществления ряда более простых, вспомогательных целей; соответствующие планы поведения включают – или вызывают – более простые планы, подобно тому как программа для вычислительной машины может вызывать несколько вспомогательных программ. Прежде чем съесть ложку супа, ребенок должен научиться держать ложку в руке, зачерпывать ею суп из тарелки, перемещать ложку таким образом, чтобы суп не выливался. Планы, осуществляющие эти действия, входят в качестве составных элементов в план «съесть суп». Съедение супа в свою очередь является элементом более сложного плана – у взрослого, во всяком случае. Прежде чем съесть суп, надо его сварить, а для этого надо иметь продукты, для чего необходимо иметь деньги. Чтобы иметь деньги, надо работать, а чтобы работать, надо сначала учиться, приобрести профессию. Так мы приходим к целям и планам самого высокого уровня.

При движении вверх по иерархии целей и планов цели становятся все более общими и долговременными. То же относится и к планам поведения. Для их выражения становятся необходимыми все более общие, абстрактные понятия. Параллельно с временным масштабом естественным образом растет и пространственный масштаб. Когда вы бежите к автобусу, стоящему на остановке, с единственной целью успеть вскочить в него, вы не думаете больше ни о чем и ни о ком. Это – масштаб секунд и минут. Когда вы планируете свои действия в масштабе часов и дней, ваши интересы и планы неотделимы от интересов и планов вашей семьи и других близких вам людей. Планы в масштабе лет и десятилетий неотделимы от классовых и национальных интересов. Наконец, когда вы думаете в масштабе поколений, вы должны думать о человечестве в целом.

Уже фиксация цели мозгом пробивает серьезную брешь в концепции «бытие определяет

сознание». Птица, начинающая вить гнездо, руководствуется своим инстинктом; никакого реального «бытия» гнезда пока не существует. Однако еще важнее вопрос о происхождении целей и планов. Я буду разбирать этот вопрос в духе того подхода, на котором основана моя книга «Феномен науки»¹², а именно — на основе понятия о «метасистемном переходе».

1.19. Метасистемный переход

Этот раздел покажется странным в общем контексте. Однако читателю придется смириться с этим. Язык и понятия кибернетики становятся частью общего образования, как арифметика, и я думаю, что это очень многообещающее явление. Так как мне все-таки приходится быть очень кратким, я приношу извинения за проистекающую отсюда фрагментарность и конспективность. За связным и детальным изложением отсылаю к «Феномену науки».

Итак, представим себе некоторую систему S . И представим, что какое-то число систем S или систем типа S соединены в единое целое и снабжены вдобавок какой-то управляющей ими системой. Образованную таким образом систему S^+ назовем *метасистемой* по отношению к системе S . Метасистема S^+ содержит ряд систем S в качестве своих подсистем и содержит также средства, позволяющие *управлять* этими подсистемами — в самом широком смысле: координировать их работу, модифицировать их, генерировать и т. д. Переход от системы S к метасистеме S^+ мы называем *метасистемным переходом*.

Данное нами определение касается структурного аспекта. Очень часто мы не знаем детальной кибернетической структуры сложных систем, с которыми имеем дело, но можем наблюдать за внешним проявлением деятельности этих систем, за их функционированием. Как будет выглядеть метасистемный переход в аспекте функциональном? Пусть система S обнаруживает некоторую деятельность. Будем наблюдать за деятельностью метасистемы S^+ . Мы обнаружим новый тип деятельности — A^+ , который состоит в *управлении деятельностью*.

В «Феномене науки» я рассматриваю метасистемный переход как элементарную единицу или *квант* эволюции. Все качественные шаги на пути эволюции являются метасистемными переходами большего или меньшего масштаба. Уже существующие, сформировавшиеся образования могут совершенствоваться в известных пределах путем мелких количественных изменений под действием естественного отбора. Но для радикальных сдвигов в структуре живого есть только один путь: метасистемный переход, при котором уже существующие образования используются природой как строительные блоки для нового сооружения. Естественный отбор, конечно, работает и здесь (природа всегда действует по методу проб и ошибок), но он теперь направлен на создание метасистемы S^+ из подсистем S . Образуется новый уровень иерархии по управлению, новый уровень организации живой материи. Или

– неживой! Ибо и человек, конструируя и усложняя создаваемые им вещи, пользуется тем же – единственно существующим – методом.

Примеры метасистемных переходов: возникновение многоклеточных животных из одноклеточных; образование нервной системы для управления движениями; переход от безусловного рефлекса к условному; производство орудий, а также производство орудий для производства орудий и т. д.; образование общества из индивидуумов; разделение законодательной, исполнительной и судебной власти; станки с автоматическим управлением; возникновение понятия о доказательстве в математике; возникновение математической теории доказательства в математике (метаматематика).

Сравним условный рефлекс с безусловным. В первом случае ассоциации представлений врождены и фиксированы, они не зависят от индивидуального опыта животного. Во втором случае ассоциации *управляемы*, они возникают и исчезают в результате воздействия внешней среды на данную особь. Животное приобретает способность *ассоциирования*, оно становится обучаемым. Это – метасистемный переход.

Переход от высших животных к человеку это еще один – и решающей важности – метасистемный переход; возникает способность *управления ассоциированием*. У животного ассоциации возникают только под воздействием внешней среды, человек же способен сам, по своему произволу, создавать новые ассоциации. Эта способность проявляется как воображение, языкотворчество, планирование, припоминание, самообучение. Короче говоря, это то же, что мы обычно называем *мышлением*. Эта же способность приводит и к низвержению абсолютной власти инстинкта.

1.20. Человек свободен

По мере увеличения способности к обучению инстинкты становятся более абстрактными, и все большая часть планов поведения усваивается живой особью путем подражания или вырабатывается самостоятельно путем проб и ошибок. Однако у животного инстинкт все же остается верховным судьей и распорядителем поведения. У каждой иерархии есть высший уровень. Цели и планы поведения животных на этом уровне инстинктивны и изменению не подлежат; они меняются только в процессе эволюции вида.

Человек – первое живое существо, которое способно само себе ставить цели и разрабатывать планы, в том числе и самого высшего уровня. Конечно, основной объем планов поведения человек усваивает путем подражания старшим. Однако он может в процессе размышления отвергать их или модифицировать, или создавать заново. И новые планы поведения могут идти наперекор даже самым стойким, основным инстинктам: самосохранения и размножения. Благодаря способности управления ассоциированием иерархия планов поведения оказалась незамкнутой, открытой для экспериментирования.

Человек свободен. Это единственное живое существо, которое обладает абсолютной свободой поведения. Человек получает эту способность вместе с генами, как другие создания получают инстинкты. Как и всякая способность, она может остаться неразвитой. Ее можно подавить, как можно с помощью сильных средств подавить тот или иной инстинкт у животного. Но эта способность есть. Появление человека открывает новую эру в эволюции жизни. Инструментом эволюции всегда был и остается метод проб и ошибок. Но если раньше пробы и ошибки происходили на материале носителей наследственности – генов и эволюция была лишь эволюцией биологической, то теперь возникла эволюция человеческой культуры. Это процесс, при котором пробы и ошибки происходят в воображении и в поступках людей. Человек способен к сознательному творчеству. Он может то, что раньше могла только природа в целом. Поэтому он и несет ответственность за жизнь на планете. А может быть – и во вселенной.

Что такое сознание? Что такое воля? Как соотносится ощущаемая нами свобода воли, относящаяся к категории «духовных явлений», с физическими законами природы и с данными об устройстве мозга? На эти вопросы мы не можем пока дать вразумительных ответов. Поэтому не будем отрицать, что у человека есть душа.

Есть душа. И она неразрывно связана с самым удивительным и важным аспектом наблюдаемой нами вокруг себя реальности – с тем аспектом, который отражается понятиями: творчество, метасистемный переход, эволюция.

1.21. Перестановка верхних уровней

Однако вернемся к основному тезису исторического материализма. Что такое общественное сознание? Самые общие социальные нормы поведения, выраженные в самых общих понятиях и определяющие, «что такое хорошо и что такое плохо». Иначе говоря, это планы, которые вместе с самыми общими планами биологического происхождения (инстинкты самосохранения и размножения) образуют высший уровень в иерархии планов поведения. Что такое общественное бытие? Сюда входит прежде всего материальная компонента цивилизации – те предметы, с которыми мы имеем дело в повседневной жизни и в производстве. Но сюда входят также и определенные планы поведения: навыки обращения с предметами, отношения с людьми, в которые мы вступаем в процессе производства (производственные отношения), формы участия в процессе распределения материальных благ. Короче, эти планы поведения можно назвать *экономическими*. Это тоже очень общие планы, и они, можно сказать, образуют второй уровень иерархии, непосредственно следуя за планами высшего, *этического* уровня.

Каково взаимоотношение между этими уровнями? Можно ли сказать, что один из них определяет другой? Конечно, нельзя. Отношение между ними – это отношение *управления*,

как и в любой иерархии. Генералы не «определяют» своих солдат: не воспроизводят их по своему образу и подобию, ни даже по своему желанию. Но они *командуют* солдатами. Это опять-таки не означает определения каждого действия, каждого движения солдата; командование ведется в определенных общих понятиях, а выбор средств в рамках задания остается на усмотрение солдата. Точно так же общебиологические и этические планы поведения «командуют» имеющимися в распоряжении экономическими планами: осуществляя выбор между ними, включая и выключая их, отчасти модифицируя и т. п.

Что же утверждает по этому поводу марксизм? Что общественное бытие определяет общественное сознание. В последнем советском учебнике по историческому материализму мы читаем: «К.Маркс и Ф.Энгельс показали полную несостоятельность идеалистических воззрений на общество, которые ранее господствовали в социологии. Они научно доказали, что главной и определяющей стороной общественной жизни является не идеальный, а материальный фактор, и прежде всего производство жизненных благ. Материальное производство, согласно учению исторического материализма, составляет основу и решающую силу общественного развития, определяющую в конечном счете все другие стороны общественной жизни. Сознание людей не только является первичным по отношению к материальной жизни общества, но наоборот зависит от нее, определяется ею.»

Тремя страницами ниже находим следующее, весьма примечательное пояснение:

«Мысли, желания, настроения людей возникают и видоизменяются на базе их практических жизненных потребностей и зависят в конечном счете от степени развития их материального бытия, от их экономического положения в обществе.»

Таким образом, здесь происходит перестановка двух верхних уровней иерархии; утверждается, что те планы поведения, которые нам кажутся высшими, на самом деле являются производными от планов поведения – и вообще от реальности – экономического уровня. Где же «научное доказательство» этого чрезвычайно сильного утверждения, данное якобы Марксом и Энгельсом? В учебнике мы его, конечно, не находим, ибо такового не существует и никогда не существовало в природе. Все, что можно найти на эту тему у основоположников марксизма, это указание на несколько параллелей между развитием материального производства и идеями, господствующими в обществе.

Но эти параллели (существование которых бесспорно и не Марксом впервые отмечено) ничего не доказывают. Идеи и материальное производство взаимозависимы и развиваются в теснейшей связи, это несомненно. Вопрос состоит в том, каков характер этой связи. Никто не отрицает, что действия генералов существенно зависят от того, а в чем-то и определяются тем, какие у них солдаты. Но значит ли это, что «в конечном счете» солдаты командуют генералами? Что от искусства полководца не зависит исход битвы?

Для отношения управления характерно то, что нижний уровень не определяет, а лишь ограничивает возможности; *определяет-то* как раз верхний, управляющий уровень: опре-

деляет выбор между различными возможностями. Имея взвод солдат, ни один, даже самый гениальный, полководец не сможет разбить армию. Только в этом тривиальном смысле и можно говорить, что бытие определяет сознание. Что же касается развития, то его пружины надо искать в области управляющего, а не управляемого.

В марксизме экономическая жизнь именуется *базисом*, а институты, выражающие общественное сознание, — *надстройкой*. С этой терминологией вполне можно согласиться. Но почему отсюда следует, что базис имеет определяющее значение, а *надстройка* — нечто второстепенное, производное? Такой вывод можно сделать только, если ограничить свое мышление средневековыми категориями субстанции, количества и качества, первичности и вторичности и т. п. Именно таков стиль мышления марксистов. Кибернетик и вообще современный человек, мыслящий в терминах систем и отношений, обнаружив базис и *надстройку* в сложной системе, скорее сделает вывод об управляющей, определяющей роли надстройки. В конце концов, и голова у человека — *надстройка* над телом! Так что же существенно в отличии человека от животного: детали пищеварительного процесса или устройство головы?

Голодное брюхо к ученому глухо, — справедливо замечает пословица. Но это вовсе не значит, что, съев мозг умного человека, можно поумнеть самому и научиться тому, что умел делать покойник. Основное положение исторического материализма напоминает наивную веру дикаря в прямое воздействие съеденной пищи на образ мышления. Интересно отметить, что эта вера основывается не на опыте, а на внешне правдоподобных «общих соображениях». Точно то же имеет место и в случае исторического материализма. Фактов нет. Есть только «общие соображения».

Влияние экономики на политику и идеологию, столь милое сердцу марксиста, конечно, существует. И, конечно, оно бывает не только явным, но и неявным, скрытым. Проследить и обнаруживать его — важная задача историка и социолога. Но возводить это в принцип общественного развития можно только догматически, вопреки очевидности.

Мы едим для того, чтобы жить, а не живем для того, чтобы есть. Мы знаем, что экономические факторы налагают на нас определенные ограничения. Но мы знаем, что у нас есть также и другие — высшие — цели. И мы умеем соотносить с ними экономические цели. «Все это иллюзии, — говорит нам марксист. — На самом деле все ваши высшие цели — это ловко замаскированный интерес класса, к которому вы принадлежите.»

О, волшебное сочетание слов «на самом деле»! Когда вам показывают на белое и говорят, что *на самом деле* это черное, и только кажется вам белым, то возразить нечего. Можно только попытаться понять, *почему* или *зачем* вам это говорят. По отношению к Марксу это главным образом *почему*, по отношению к современному марксистскому тоталитаризму — это *зачем*.

1.22. Почему

Он был непрактичен в мелочах, но практичен в великих делах. Совершенно беспомощный в тех случаях, когда приходилось справляться с собственным маленьким хозяйством, Маркс с несравненным талантом умел вербовать армию и руководить армией, которая должна совершить переворот в мире.

Ф. МЕРИНГ¹³

Основным побуждением, двигавшим Марксом, было отрицание современного ему капиталистического строя. И в самом деле, нельзя признать разумным и справедливым общество, в котором небольшая прослойка богатых людей почти бесконтрольно распоряжается производством материальных благ, а миллионы бедных людей вынуждены продавать им себя как рабочую силу и владеть при этом полуголодное существование. Такое общество требует коренной перестройки. Средства производства, имеющие теперь четко выраженный общественный характер (и огромную стоимость), должны быть поставлены под эффективный контроль общества. Капитализм должен уступить место социализму.

Но Маркс не был первым социалистом. Он не был также первым революционером. И не он один понимал, что именно неимущие промышленные рабочие – пролетариат, численность которого в то время непрерывно возрастала, представлял собой в тогдашней Европе потенциальное взрывчатое вещество для революции. «Практичный в великих делах», Маркс был первым, кто поставил своей задачей – в целях «вербовки армии», разумеется, – *доказать неизбежность* победоносной пролетарской революции, сделать пролетариат *избранным народом*, призванным проложить путь в светлое будущее. В известном письме к И. Вейдемейеру¹⁴ Маркс пишет:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и обществу без классов.»

Каким должно быть доказательство? Разумеется, *научным*; иного не приняли бы в середине XIX века. Но что значит *научно* доказать? Это значит найти какой-то *объективный* закон, т.е. закон, не зависящий от воли и сознания людей, подобно закону всемирного тяготения. Где искать такой закон? В экономике, на которую наука во времена Маркса уже начинала распространять свои методы. Так и возникает «исторический материализм», согласно которому материальное производство развивается по своим имманентным законам,

а воля и сознание людей являются лишь их слепыми орудиями. И развитие производства «с неизбежностью» приводит – куда бы вы думали? – к бесклассовому обществу, где все поровну, все справедливо, где человек человеку друг, товарищ и брат. Какая мудрость со стороны паровых машин, рычагов первого и второго рода и тому подобных железок!

Концепция Маркса является, по существу, историческим *детерминизмом*, а не материализмом, причем детерминизм этот *нигилистический*, отрицающий ведущую роль духовной культуры в истории. Оба эти аспекта Маркс заимствовал из современной ему науки. Но это еще не делает марксизм научным мировоззрением, ибо он отвергает самое главное в науке – критический научный метод. По своему стилю мышления марксизм – учение религиозно-догматического типа.

Когда человек основывает свою политическую деятельность на принципе «бытие определяет сознание», он должен непрерывно убеждать себя и других в справедливости этого принципа. Логика борьбы приводит к тому, что этот принцип постепенно преобразуется (на деле, если не на словах) к виду «экономика – все, духовная культура – ничто». И человек становится нигилистом – врагом духовной культуры, а значит, и культуры вообще.

1.23. Марксистский нигилизм

Многих приверженцев марксизма привлекают в нем его позитивные аспекты: социалистические идеалы и решимость искать действенные методы для их осуществления. Однако нигилистический аспект марксизма – это его важнейшая черта, определяющая судьбу марксистских политических течений. Именно эта черта была взята Лениным за основу, когда он переносил западное учение на восточную почву. Многого утерялось в процессе переноса, но марксистский нигилизм остался. Он дал чудовищные всходы на новой почве и привел ленинскую партию к массовому уничтожению людей, а затем и к самоуничтожению. Вопрос этот хорошо исследован русскими философами – свидетелями возникновения и развития русского марксизма: Бердяевым, Франком.

По марксистской теории считается, что в основе всего учения лежит диалектический материализм; затем из него выводится исторический материализм, а из этого последнего – социальные и политические установки. Можно не сомневаться, что действительное движение в процессе становления марксизма шло в обратном направлении: от политической установки на пролетарскую революцию к общим принципам исторического материализма, а отсюда – к диалектическому материализму как философии природы. Тезис – материя первична, сознание вторично – сам по себе не имеет точного смысла; если под этим понимать только то, что сознание появляется на определенном уровне развития материи (то есть всеобщей реальности), то это общеизвестный научный факт. Однако этот тезис включает в себя в обычной марксистской интерпретации нечто большее: утверждение, что сознание *нас-*

сивно, что оно *исчерпывается* отражением действительности. Представление о творчестве и о связи этого понятия с сознанием и волей личности, которое столь характерно для современной европейской философии (беря начало, по-видимому, от А. Бергсона), полностью отсутствует в марксизме. Маркс писал, что для него процесс мысли есть только отражение процессов реальности, перенесенное в человеческую голову. Тезис «сознание вторично» имеет нигилистическую эмоциональную окраску: уменьшение значения таких понятий, как сознание и мысль, вплоть до полного их устранения как чего-то несущественного, «вторичного». Посмотрите, как недвусмысленно (и с каким восторгом!) пишет об этом советский марксист Деборин:

«Историческая задача, стоявшая перед Марксом и Энгельсом, состояла в том, чтобы *«поднять восстание против этого господства мысли»*, как говорится в проекте предисловия к «Немецкой идеологии». В этих нескольких словах действительно резюмируется тот огромный переворот в области философии, исторической науки и мировоззрения вообще, который совершен марксизмом. Марксизм *поднял восстание против господства мысли, подчинив ее материальной действительности.*»¹⁵

Хороша философия, нечего сказать.

Если даже для мысли марксизм уготовил такую жалкую участь, то что ожидает доброту, терпимость, любовь?

Перестановка двух высших уровней в иерархии планов поведения, производимая марксизмом, уничтожает общечеловеческие ценности. Для революционера-разрушителя эта операция – сущая благодать. Человека как такового больше нет. Есть только представители различных классов. Классовый интерес – наивысший интерес, а кто говорит, что он думает об общечеловеческих *надклассовых* интересах, – обманщик. Общество распадается. По отношению к «классовым врагам» все позволено – вот вывод, к которому приходит марксизм и ради которого существует вся его философская часть.

С этой точки зрения интересно сравнить Маркса и Энгельса с Фейербахом. Единственная по-настоящему ценная идея диалектического материализма – перетолкование гегелевской диалектики в материалистическом духе – принадлежит, как известно, Фейербаху. Такое же материалистическое, позитивистское толкование дает Фейербах и религии, в частности христианству. Читая «Сущность христианства», испытываешь порой удивление, как современно это сочинение по подходу, методу, и как много высказанных в нем мыслей сохранило до сих пор свое значение.

Что же не понравилось Марксу и Энгельсу в Фейербахе? То, что в основе социальной философии Фейербаха лежит понятие о *человеке* и *общечеловеческих* ценностях. Поэтому марксизм признает Фейербаха материалистом вообще, но объявляет идеалистом в области истории. В письме Марксу от 19 августа 1846 г. Энгельс дает такую характеристику только что вышедшей новой книге Фейербаха «Сущность религии»: «Если отвлечься от

нескольких тонких замечаний, то он, в общем, торчит целиком в старом болоте... Опять все «сущность», «человек» и пр.» Особенно возмущает Энгельса, когда в социологическом или философском контексте говорят о *любви*. В брошюре, посвященной Фейербаху, он пишет: «Мы не должны, однако, забывать, что именно за обе эти слабые стороны Фейербаха ухватился «истинный социализм», который, как зараза, распространялся с 1844 г. в среде «образованных» людей Германии и который научное исследование заменял беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставил освобождение человечества посредством «любви» – словом, ударился в самую отвратительную беллетристику и любвеобильную болтовню.»¹⁶ Это писалось в 1888 году. Вероятно, лет на 3040 раньше Энгельс написал бы не «путем экономического преобразования производства», а «путем победоносной пролетарской революции» или что-нибудь в этом роде. С годами он стал менее воинственным, но отвращение к слову «любовь» сохранилось в полной мере. Чтобы убедить читателей в неуместности этого слова, Энгельс несколько раз в своей брошюре прибавляет к слову любовь прилагательное «половая», совершая таким образом явную подтасовку, подлог при обсуждении учения Фейербаха. Он пишет: «И таким образом у Фейербаха, в конце концов, половая любовь становится одной из самых высших, если не самой высшей формой исповедания его новой религии.»¹⁷ Между тем, на этой же странице приводится цитата из Фейербаха, в которой говорится, что «сердце – сущность религии». Сердце, а не половые органы.

Марксизм отличается от других социалистических учений тем, что он последовательно делает ставку на ненависть – классовую ненависть. Кто отрицает ненависть, рассматривается марксизмом как враг – такой же опасный, как и прямой классовый враг. Отсюда и желчь Энгельса по отношению к «любви». Он снова и снова возвращается к этой теме:

«Но любовь! – Да, любовь везде и всегда является у Фейербаха чудотворцем, который должен выручать из всех трудностей практической жизни, – и это в обществе, разделенном на классы с диаметрально противоположными интересами! Таким образом, из его философии улетучиваются последние остатки ее революционного характера и остается лишь старая песенка: любите друг друга, бросайтесь друг другу в объятия все, без различия пола и звания, – всеобщее примирительное опьянение!»¹⁸ Практичность Маркса и марксистов в великих делах по меньшей мере сомнительна. Отказ от общечеловеческих ценностей не про ходит безнаказанно. Сначала объявляются вне закона представители «враждебного класса». Но аппетит приходит во время еды. У Ленина мы читаем:

«Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласным. Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию». Но ведь «отколовшаяся организация» представляет тот же класс! Читаем дальше:

«... Надо было возбудить в массе ненависть, отвращение, презрение к этим людям, ко-

торые *перестали* быть членами единой партии, которые стали политическими врагами, ставящими нашей с.-д. организации подножку в ее выборной кампании. По отношению к *таким* политическим врагам я вел тогда – и в случае повторения или развития раскола *буду вести всегда* – борьбу *истребительную*». ¹⁹

Систематически сеять ненависть, вести истребительную войну – это ключевые понятия ленинизма. Теперь этот арсенал применяется уже не к враждебному классу, а к соперничающей фракции в партии. Известно, к чему это привело в конечном счете. Волна ненависти и истребления прокатилась по всей стране, сметая выдуманные, не существующие реально границы между классами, партиями и фракциями. Ибо только граница, отделяющая человека от животных, существует реально, да и та не является абсолютной. А границ между классами нет вовсе.

У хищных животных, наделенных орудиями убийства, существует система инстинктов, которая не позволяет им убивать друг друга в массовом порядке. У человека таких инстинктов нет, а орудия убийства есть, и много более страшные. Но вместо инстинктов у человека есть культура, а в ней – установления, которые выполняют ту же функцию. Пока культуры были племенными, эти установления относились только к соплеменникам; когда культура стала глобальной, они стали общечеловеческими. Когда эти установления разрушаются, человек превращается в нечто гораздо худшее, чем животное. Теоретическая желчь Энгельса по поводу «старой песенки: любите друг друга» оборачивается на практике Соловками и Магаданом.

1.24. Зачем

«Сколь жалко то общество, – восклицает Маркс, – которое не знает лучшего способа защиты, чем палач!» Но во времена Маркса палач по крайней мере еще не сделался философом. . .

А. КАМЮ²⁰

Но если нигилизм по отношению к общечеловеческим ценностям духовной культуры, который выводится из принципа «бытие определяет сознание», оказывает разрушительное действие на общество, то зачем же нужен этот принцип тоталитарному обществу?

Ответ прост: разрушение духовной культуры опасно для общества, в котором духовная культура является основой стабильности или хотя бы ее существенным элементом. Для тоталитарного общества, основанного в конечном счете на страхе перед физическим насилием, разрушение духовной культуры необходимо для стабильности. Так, ядовитые вещества убивают органическую материю, но не вредят мертвой металлической конструкции: они лишь очищают ее от наростов. Поэтому одна и та же система идей, один и тот же язык и стиль мышления с успехом используется тоталитарным марксизмом как для разруше-

ния общества до захвата власти, так и для его це ментирования после захвата власти. Но это це ментирование – насильственное, механическое скрепление частей, это заключение в кандалы.

Здесь я должен сделать оговорку, которую, быть может, стоило бы сделать раньше. В каждом общественно-политическом течении, в частности в марксизме, обычно существует много различных слоев и прослоек. Есть марксисты, которые выступают за плюралистическую демократию. Есть марксисты, которые готовы принять позитивистскую философию природы. Есть марксисты, которые принимают Ленина, хотя и с некоторыми оговорками, но активно выступают против тоталитаризма. И все они – как и правоверные адепты советского марксизма-ленинизма – ссылаются на Маркса и Энгельса, находят в их сочинениях выражение своих взглядов и считают себя их последователями. Я знаю, что некоторые из честных и мыслящих людей, считающих себя марксистами, будут обвинять (и на деле уже обвиняют) меня в том, что я искажаю концепцию Маркса, подхожу к ней односторонне и упрощаю ее. Мне будут говорить (и уже говорят), что то, с чем я воюю, – это не «настоящий» марксизм, а его вульгаризованный советский вариант, далекий от взглядов основоположников.

Это в значительной мере так и есть. Я говорю действительно о советском официальном марксизме-ленинизме и имею на то веские основания. Ибо именно этот марксизм и есть *настоящий* марксизм, под знаком которого живут миллионы людей, который преобразовал и продолжает (увы!) преобразовывать мир. Я не ставлю своей задачей подвергать всестороннему анализу взгляды Маркса и Энгельса в их отношении к советскому марксизму. Конечно, Маркс и Энгельс не были проповедниками тоталитаризма. Напротив, к концу жизни они явственно увидели угрозу тоталитарного («казарменного») социализма и сделали несколько предупреждений. Но это не меняет дела. Марксизм стал огромной мировой силой именно в тоталитарной форме. Это невозможно отрицать и невозможно приписать случайности. В марксизме есть черты и элементы, которые я не только принимаю и приветствую, но в которых вижу единственную надежду на спасение человечества; я буду говорить об этом во второй части книги. Но не эти элементы *специфичны* для марксизма, они щедро рассыпаны по всей европейской культуре 19-го и 20-го века. Специфичны для марксизма как раз те элементы, которые в своей совокупности привели – и всегда будут приводить – к тоталитаризму. Эти элементы просты и примитивны. Их невозможно вульгаризировать, потому что они и так до предела вульгарны. Все просто, как сказано у Михаила Булгакова.

После захвата власти марксистами принцип «бытие определяет сознание» меняет свой язык (выражаясь языком математики) благодаря простому приему, которому нельзя отказать даже в некотором логическом изяществе. Новое общество объявляется бесклассовым или почти бесклассовым – в том смысле, что если классы и остаются, то отныне противоречия между ними объявляются «не антагонистическими». Теперь вся та аргументация,

которая работала на развал государства, начинает работать на укрепление государства. Гениально и просто. И действительно, нет в мире государства сильнее марксистского. Правда, Маркс учил, что государство при социализме отомрет, но марксисты об этом помнят почему-то только до захвата власти, а после захвата власти сразу же забывают. Диктатура пролетариата – а на деле, конечно, диктатура партийной бюрократии – которая считается в теории лишь переходным этапом, оказывается конечным этапом, целью преобразования. И это неудивительно, ибо, по правде говоря, марксистское учение об отмирании государства – чистый вздор, романтическое пустословие. Государство не может отмереть, и люди, пришедшие к власти, это очень хорошо понимают. Согласно марксистской теории обобществление средств производства должно решить все основные социальные проблемы. В действительности, конечно, ничего подобного не происходит. Новые властители встают перед теми же проблемами, что и прежние властители. Но они верят только в экономические преобразования, в необходимость сплоченности, в железную дисциплину, в руководящую роль партии, в то, что бытие определяет сознание – во что угодно, но только не в ведущую роль духовного начала, в необходимость терпимости и любви. Причем эта вера – вопрос не только *практики*, но и *теории, принципа*. Какое же государство, кроме тоталитарного, могут основать эти люди?

1.25. Экономический фетишизм

Исторический материализм. Бытие определяет сознание. Что это все означает в понимании советского человека?

Философские категории и формулировки нельзя приравнивать к утверждениям науки, которые могут быть проверены или использованы для предсказания событий, планирования действий и т. п. Философия соединяет в себе черты науки и искусства. Как и наука, она пользуется абстрактными понятиями. Как и искусство, она использует сугубо неформализованный и, пожалуй, неформализованный язык; она работает на уровне интуиции, создавая определенную атмосферу или стиль мышления, не осознаваемую отчетливо систему образов, предпочтений, оценок. На поведение человека эти образы и оценки оказывают самое решающее влияние – более сильное, как правило, чем логические рассуждения и точный расчет. Говоря об образах и атмосфере философии, бессмысленно вступать в споры по поводу отдельных утверждений и контрутверждений: в философских текстах, как и в художественной литературе или в священных книгах разных народов, всегда можно найти достаточно материала, чтобы сделать желаемый формальный вывод или отвернуться от нежелаемого. Например, советские философы, долго и со вкусом доказывая, что бытие определяет сознание, тут же обязательно делают (вместе с основоположниками) оговорку об «относительной независимости сознания». Один Бог знает, что под этим подразумевается,

но зачем делается оговорка, ясно: чтобы их нельзя было обвинить в полном зачеркивании, отрицании роли сознания. Однако эта оговорка ничего не меняет по существу, она не меняет общей атмосферы, общего стиля исторического материализма. Философская атмосфера — нечто гораздо более определенное, чем формальные ответы на те или иные вопросы.

В тезисе «бытие определяет сознание» советский человек понимает бытие как некую внешнюю самодавящую силу. Прежде всего, это материальное производство, которое развивается по своим собственным имманентным законам, имеющим детерминистический характер. Детерминизм вообще чрезвычайно характерен для советского стиля мышления. Современная наука твердо пришла к выводу, что законы природы — это, по существу, только *запреты*. Они не столько *определяют* развитие событий, сколько *запрещают* некоторые варианты. Советского человека всячески оберегают от таких представлений, внушают, что они «идеалистичны и ненаучны». Советский человек живет в атмосфере детерминизма 19-го века, он склонен к фатализму.

Я уже говорил и хочу подчеркнуть снова, что основной тезис исторического материализма ничего общего не имеет с философским материализмом. Он утверждает только, что материальные явления, связанные с производством жизненных благ, являются решающими для исторического развития, а материальные явления в мозгу человека, связанные с мышлением и духовной культурой, есть нечто производное и вторичное — «отражение» первой группы явлений. Во всяком случае, именно так этот тезис воспринимается миллионами. Это не материализм, а обскурантизм, примитивная философия потребителя. Она создает теоретическую базу для регресса, дегуманизации.

В учебнике исторического материализма мы читаем:

«Как система знаний о мире наука возникла необходимым образом из практики и для практических потребностей человечества. Современные же буржуазные идеологи рассматривают науку как чистое создание человеческого разума, считая, что все важнейшие события в истории науки происходили благодаря энтузиазму и жажде к знаниям отдельных одаренных людей. *Однако при таком объяснении нельзя понять, откуда берутся энтузиазм, жажда к знаниям и интерес одаренных людей*». ²¹ Простим советскому автору безбожное перевираание взглядов своих оппонентов — это обычная практика: ему и в голову не приходит, что жажда к знаниям может быть имманентным свойством человеческой личности. . .

Какой парадокс: Маркс в своей теории исходил из борьбы с товарным фетишизмом, обвиняя общество в том, что фетишизм является *частной* религией граждан; последователи Маркса возвели тот же экономический фетишизм в ранг обязательной *государственной религии*.

1.26. Личность и общество

Одно из любимых слов советской пропаганды и учебников марксизма — это «народ». «Народ — творец истории». «Народные массы — решающая сила исторического развития». Но для советского человека «народ» — такая же абстракция, такая же внешняя, безличная сила, как и «бытие». Чтобы установить связь между понятиями «я» и «народ», надо проанализировать, каким образом акт моей свободной воли может повлиять на народ в целом. Если анализировать эти информационные пути конкретно, то мы неизбежно приходим к понятиям об основных правах личности. Но это как раз то, чего советская идеология стремится ни в коем случае не допустить. Термин «народ» используется для того, чтобы затушевать роль личностного начала. А что я? — говорит советский человек. — Я — как все.

Как трактует марксизм понятие о человеческой личности?

Раскроем «Философский словарь» последнего издания.²² Эта книга, между прочим, имеет свою предысторию. В сороковых-пятидесятых годах вышло несколько изданий «Краткого философского словаря», очень точно отражавших боевой дух той эпохи. «Краткий философский словарь» прославился тем, что в одно из его изданий вошел только что появившийся термин «кибернетика», и объяснен он был примерно так: реакционная лженаука, созданная лакеями империализма для отвлечения трудящихся от классовой борьбы. Эта формулировка стала притчей во языцах и испортила много крови советским философам. Пришлось признать ее ошибочной. В относительно либеральную эпоху конца 60-х годов было решено составить новый словарь философских понятий. К работе были привлечены многие философы, слывшие вольнодумцами; для многих из них дорога в печать была в дальнейшем совершенно перекрыта, иные и эмигрировали. Новый словарь разительно отличается от старого. Исчезли бранные слова, стало видно желание дать хоть какую-то информацию о «потусторонней» философии.

Так вот, раскрываем этот либеральный словарь на статье «Личность» и читаем: «Человек, со своими социально обусловленными и индивидуально выраженными качествами: интеллектуальными, эмоциональными, волевыми. Научное понимание Личности опирается на марксистское определение сущности человека как совокупности общественных отношений. Отсюда вытекает, что свойства, присущие Личности, не могут быть врожденными, а в конечном счете определяются исторически данным строем общества...»

Стоп, говорим мы и протираем глаза. Личности без врожденных свойств — это уже чересчур, даже для марксистов. Не может быть. Здесь что-то не так.

И действительно, присмотревшись внимательнее, мы замечаем, что между началом расшифровки, которую мы читаем, и заголовком статьи («Личность») стоит цифра 1. Несколько ниже стоит цифра 2, и начинается вторая расшифровка: «В психологии — каждый отдельный человек с присущими ему индивидуальными особенностями характера, интеллек-

та, эмоциональной сферы. К психологическим свойствам Личности относятся...» и т. д.

Вот оно, оказывается, в чем дело! Для марксизма существует два разных понятия Личности. В истории и социологии личность – это совокупность общественных отношений. Личности – не живые люди со своими врожденными и благоприобретенными свойствами, а ходячие аспекты общественных отношений, как бы их олицетворения. Эти призраки, эти зомби, подчиняясь объективным (еще бы не объективным – объекты ведь!) законам, определяют динамику развития общества. В психологии личность – это как раз то, что обычно и понимается под личностью. Но к истории, к социальным проблемам это понятие не имеет ни малейшего отношения. Оно касается только ситуаций вашей личной жизни: скажем, когда вы ссоритесь с женой или идете лечиться к психоневрологу.

Трудно выразить яснее сущность тоталитарной философии.

Роль выдающейся личности в истории марксизмом не отрицается, но она сводится к выражению «объективной необходимости», причем какой-либо вполне конкретной необходимости. Представление о том, что будущее открыто перед нами, что оно есть результат нашего свободного – индивидуального и коллективного – выбора, это представление совершенно чуждо советскому стилю мышления. Когда наставники общества смотрят назад и объясняют нам то, что произошло, они в каждом повороте событий усматривают объективную необходимость – благо задним числом это сделать нетрудно. Когда они смотрят вперед, они заранее каждое будущее решение властей объявляют тоже объективной необходимостью. Творческий акт, открытие, изобретение – все это также оказывается формами объективной необходимости. Изобретатель, согласно марксизму, не изобретает, а «удовлетворяет объективную потребность в изобретении».

Как всякий детерминизм и фетишизм советский марксизм не лишен доли мистицизма. Слова «объективная необходимость» только по форме напоминают о науке, по своему содержанию это эквивалент Рока у греков и Божьей воли у христиан. И подобно тому как христианские монархи производили свою власть от Бога, вожди марксистского общества производят свою власть от объективной необходимости. Услужливые жрецы истолковывают объективную необходимость так, как им велено сегодня. Рядовой советский человек, как и человек средневековья, принимает прорицания жрецов с некоторой долей недоверия, но саму законность жречества, законность основных принципов и подхода он под сомнение не ставит. Исторический материализм подается ему как наука, а к науке он испытывает полное уважение и доверие; наука для него – нечто бесспорное, как Бог для средневекового человека.

Параллель между стилем мышления советского человека и человека средневековья до Реформации, которую я настойчиво провожу, – отнюдь не внешнее, а напротив, глубинное сходство при чрезвычайно различающихся внешних символах. Мы имеем здесь то же социальное мироощущение, ту же концепцию личности и общества, личности и истории.

Средневековый стиль мышления и средневековый стиль жизни поддерживают друг друга. Говорят, что если человеку настойчиво внушать, что он вор, то он в конце концов и впрямь становится вором. Когда человеку постоянно внушают, что бытие определяет сознание, то это бытие в конце концов действительно начинает определять его сознание. Его личностное начало выветривается, он становится рабом обстоятельств. А так как вокруг себя он видит таких же ущербных людей, как и он, живущих по тем же законам, что и он, то его вера в справедливость основного тезиса исторического материализма становится незыблемой – с вытекающими отсюда последствиями для его поведения. Круг замыкается. И уже невозможно разобрать: ведет ли себя советский человек столь послушно по тому, что верит в истмат, или он верит в истмат для того, чтобы ему было удобнее вести себя послушно.

Ну а начальство?

Те, кто стоит на самом верху лестницы, которым никто не может ничего приказать – свободны ли они, ощущают ли они себя творцами истории?

Вряд ли. Для того чтобы творить историю, мало занимать высокое положение; надо еще *уметь творить*. Все, что мы знаем о наших вождях, заставляет думать, что они этого не умеют. А без этого умения, без глубокого понимания мира и проникновения в будущее, люди остаются рабами обстоятельств. Они живут в сутолоке сиюминутных проблем, они только реагируют, делают только необходимое, чтобы сохранить свое положение. Политика в этих условиях сводится к интриге. Движение нашего общества не подчинено творческой воле человека, оно происходит само по себе, вслепую, стихийно.

Я говорил выше о разных марксистах. Я хочу теперь процитировать Жана Жореса:

«Маркс заявлял, что до сих пор человеческое общество управлялось только фатальными силами, слепым движением экономических сил; институты, идеи были не сознательным делом свободных людей, а отражением осознанной общественной жизни в человеческом мозге. В этом смысле мы находимся только в предисторическом периоде. Человеческая история начинается по-настоящему только тогда, когда человек, освободясь от тирании бессознательных сил, будет управлять самим производством по своему разуму и желанию».²³

Такой подход вызывает у меня полное понимание. Я, правда, не могу согласиться с чрезмерно категорической оценкой всего прошлого человечества – были в ней все же светлые прорывы влияния гения; в этих прорывах, быть может, и есть сущность истории. Но поставленную здесь цель я приветствую всей душой. Увы, мы сейчас дальше от этого идеала, чем когда бы то ни было. При переходе на уровень политики марксистско-ленинская философия естественным образом преломляется в полное отсутствие понятия о правах личности. Вот передо мною лежит книга «Основы политических знаний». Москва, 1974 год. Я листаю ее и читаю заголовки и подзаголовки. «Человеческое общество и его развитие... Общественные формации... Производство и его развитие... Почему рабочему клас-

су необходима партия... Какая партия нужна рабочему классу... Чего требует партия от коммуниста... Формы и методы партийного руководства... Экономика развитого социалистического общества... Укрепление Советского государства... Развитие социалистической демократии... «Стоп. Может быть, здесь будет что-то о правах личности? Нет. «Советы депутатов трудящихся... Задачи профсоюзов... Марксизм-ленинизм о воспитании нового человека... Развитие сознания масс... Социалистическое соревнование...»

Понятие о правах личности не входит в основы политических знаний в стране победившего социализма.

1.27. Тоталитаризм и экономика

Уничтожая личность, тоталитарное общество лишает себя источника творчества. Жестко ограничивая обмен информацией и идеями, оно закрывает себе дорогу для нормального развития и, в частности, для развития народного хозяйства. Ниже я привожу выдержки из нашего совместного с А. Д. Сахаровым и Р. А. Медведевым письма руководителям Советского Союза весной 1970 года. В течение последнего десятилетия в народном хозяйстве нашей страны стали обнаруживаться угрожающие признаки разлада и застоя, причем корни этих трудностей восходят к более раннему периоду и имеют глубокий характер. Неуклонно снижаются темпы роста национального дохода. Возрастает разрыв между необходимым для нормального развития и реальным вводом новых производственных мощностей. Налицо многочисленные факты ошибок в определении технической и экономической политики в промышленности и сельском хозяйстве, недопустимой волокиты при решении некоторых неотложных вопросов. Дефекты в системе планирования, учета и поощрения часто приводят к противоречию местных и ведомственных интересов с общенародными, общегосударственными. В результате резервы развития производства должным образом не выявляются и не используются, технический прогресс резко замедляется. В силу тех же причин нередко бесконтрольно и безнаказанно уничтожаются природные богатства страны: вырубаются леса, загрязняются водоемы, затопляются ценные сельскохозяйственные земли, происходит эрозия и засоление почвы и т. д. Общеизвестно хронически тяжелое положение в сельском хозяйстве, особенно в животноводстве. Реальные доходы населения в последние годы почти не растут; питание, медицинское обслуживание, бытовое обслуживание улучшаются очень медленно и территориально неравномерно. Растет число дефицитных товаров. Налицо некоторые явные признаки инфляции. Особенно тревожно для будущего страны замедление в развитии образования; фактически наши общие расходы на образование вдвое меньше, чем в США, и растут медленнее. Трагически возрастает алкоголизм, и начинает заявлять о себе наркомания. Во многих районах страны систематически увеличивается преступность. В ряде мест растут симптомы явлений коррупции. В работе научных и научно-технических

организаций усиливается бюрократизм, ведомственность, формальное отношение к своим задачам, безынициативность.

Решающим, итоговым фактором сравнения экономических систем является, как известно, производительность труда. И здесь дело обстоит хуже всего. Производительность труда у нас по-прежнему остается во много раз ниже, чем в передовых капиталистических странах, а рост ее резко замедлился. . .

Сравнивая нашу экономику с экономикой США, мы видим, что наша экономика отстает не только в количественном, но и — что самое печальное — в качественном отношении. Чем новее и революционнее какой-либо аспект экономики, тем больше здесь разрыв между США и нами. Мы опережаем Америку по добыче угля, отстаем по добыче нефти, безнадежно отстаем по химии и бесконечно отстаем по вычислительной технике. Последнее особенно существенно, ибо внедрение вычислительных машин в народное хозяйство — явление решающей важности, радикально меняющее облик системы производства и всей культуры. Это явление справедливо называют второй промышленной революцией. Между тем, мощность нашего парка вычислительных машин *в сотни раз* меньше, чем в США, а что касается использования вычислительных машин в народном хозяйстве, то здесь разрыв так велик, что его невозможно даже измерить. Мы просто живем в другой эпохе.

Не лучше обстоит дело и в сферах научных и технических открытий. И здесь не видно возрастания нашей роли. Скорее наоборот. В конце пятидесятых годов наша страна была первой страной, запустившей спутник и пославшей человека в космос. В конце шестидесятых годов мы потеряли лидерство, и первыми людьми, ступившими на луну, стали американцы. Этот факт является одним из внешних проявлений существенного и все возрастающего различия в ширине фронта научной и технологической работы у нас и в передовых странах Запада.

В двадцатые-тридцатые годы капиталистический мир переживал период кризисов и депрессий. Мы в это время, используя подъем национальной энергии, порожденной революцией, невиданными темпами создавали промышленность. Тогда был выброшен лозунг: догнать и перегнать Америку. И мы ее действительно догоняли в течение десятилетий. Затем положение изменилось. Началась Вторая промышленная революция, и теперь, в начале семидесятых годов века, мы видим, что, так и не догнав Америку, мы отстаем от нее все больше и больше.

В чем дело? Почему мы не только не стали застрельщиками второй промышленной революции, но даже оказались неспособными идти в этой революции вровень с передовыми капиталистическими странами? Неужели социалистический строй предоставляет худшие возможности, чем капиталистический, для развития производительных сил, и в экономическом соревновании между капитализмом и социализмом побеждает капитализм?

Конечно, нет. Источник наших трудностей — не в социалистическом строе, а наоборот,

в тех особенностях, в тех условиях нашей жизни, которые идут вразрез с социализмом, враждебны ему. Этот источник – антидемократические традиции и нормы общественной жизни, сложившиеся в сталинский период и окончательно не ликвидированные и по сей день. Внеэкономическое принуждение, ограничения на обмен информацией, ограничения интеллектуальной свободы и другие проявления антидемократических извращений социализма, имевшие место при Сталине, у нас принято рассматривать как некие издержки процесса индустриализации. Считается, что они не оказали серьезного влияния на экономику страны, хотя и имели тяжелейшие последствия в политической и военной областях, для судьбы обширных слоев населения и целых национальностей. Мы оставляем в стороне вопрос, насколько эта точка зрения оправдана для ранних этапов развития социалистического народного хозяйства – снижение темпов промышленного развития в предвоенные годы скорее говорит об обратном. Но не подлежит сомнению, что с началом Второй промышленной революции эти явления стали решающим экономическим фактором, стали основным тормозом развития производительных сил страны. Вследствие увеличения объема и сложности экономических систем на первый план выдвинулись проблемы управления и организации. Эти проблемы не могут быть решены одним или несколькими лицами, стоящими у власти и «знающими все». Они требуют творческого участия миллионов людей на всех уровнях экономической системы. Они требуют широкого обмена информацией и идеями. В этом отличие современной экономики от экономики, скажем, стран Древнего Востока.

Однако на пути обмена информацией и идеями мы сталкиваемся в нашей стране с непреодолимыми трудностями. Правдивая информация о наших недостатках и отрицательных явлениях засекречивается на том основании, что она может быть «использована враждебной пропагандой». Обмен информацией с зарубежными странами ограничивается из боязни «проникновения враждебной идеологии». Теоретические и практические предложения, показавшиеся кому-то слишком смелыми, пресекаются в корне без всякого обсуждения, под влиянием страха, что они могут «подорвать основы». Налицо явное недоверие к творчески мыслящим, критическим, активным личностям.

В этой обстановке создаются условия для продвижения по служебной лестнице не тех, кто отличается высокими профессиональными качествами и принципиальностью, а тех, кто, на словах отличаясь преданностью делу партии, на деле отличается лишь преданностью своим узко личным интересам или пассивной исполнительностью.

Ограничение свободы информации приводит к тому, что не только затруднен контроль за руководителями, не только подрывается инициатива масс, но и руководители промежуточного уровня лишены и прав, и информации и превращаются в пассивных исполнителей, чиновников. Руководители высших рангов получают слишком неполную, приглаженную информацию и тоже лишены возможности полностью использовать имеющиеся у них полномочия. . .

Какую бы конкретную проблему экономики мы ни взяли, мы очень скоро придем к выводу, что для ее удовлетворительного решения необходимо научное решение таких общих, принципиальных проблем социалистической экономики, как формы обратной связи в системе управления, ценообразование при отсутствии свободного рынка, общие принципы планирования и др. Сейчас у нас много говорится о необходимости научного подхода к проблемам организации и управления. Это, конечно, правильно. Только научный подход к этим проблемам позволит преодолеть возникшие трудности и реализовать те возможности, которые, в принципе, дает отсутствие капиталистической собственности. Но научный подход требует полноты информации, непредвзятости мышления и свободы творчества. Пока эти условия не будут созданы (причем не для отдельных личностей, а для масс), разговоры о научном управлении останутся пустым звуком.

Нашу экономику можно сравнить с движением транспорта через перекресток. Пока машин было мало, регулировщик легко справлялся со своей задачей, и движение протекало нормально. Но поток машин непрерывно возрастает, и вот возникает пробка. Что делать в такой ситуации? Можно штрафовать водителей и менять регулировщиков, но это не спасет положения. Единственный выход – расширить перекресток. Препятствия, мешающие развитию нашей экономики, лежат вне ее, в сфере общественно-политической, и все меры, не устраняющие этих препятствий, обречены на неэффективность.

Пережитки сталинского периода отрицательно сказываются на экономике не только непосредственно, из-за невозможности научного подхода к проблемам организации и управления, но в неменьшей степени и косвенно, через общее снижение творческого потенциала представителей всех профессий. А ведь в условиях Второй промышленной революции именно творческий труд становится все более и более важным для народного хозяйства.

В этой связи нельзя не сказать о проблеме взаимоотношений государства и интеллигенции. Свобода информации и творчества необходима интеллигенции по природе ее деятельности, по ее социальной функции. Стремление интеллигенции к увеличению этой свободы является законным и естественным. Государство же пресекает это стремление путем всевозможных ограничений, административного давления, увольнений с работы и даже судебных процессов. Это порождает разрыв, взаимное недоверие и глубокое взаимное непонимание, делающее трудным плодотворное сотрудничество между партийно-государственным слоем и самыми активными, то есть наиболее ценными для общества слоями интеллигенции. В условиях современного индустриального общества, когда роль интеллигенции непрерывно возрастает, этот разрыв нельзя охарактеризовать иначе как самоубийственный.

1.28. Наука и шахматы

*Да здравствует партия Ленина-Сталина, открывшая миру Мичурина и
создавшая в нашей стране все условия для расцвета передовой
материалистической биологии!*

Т. Д. ЛЫСЕНКО, 1948 г.

Детальный анализ влияния тоталитаризма на все аспекты жизни не входит в мою задачу. Я хочу сделать лишь несколько штрихов. Как оценить вклад Советского Союза в мировую науку? Можно попытаться сделать это, взяв в качестве критерия Нобелевские премии по естественным наукам. Ежегодно присуждаются три Нобелевские премии за важнейшие открытия в области трех ведущих естественных наук: физики, химии и физиологии или медицины. Объективность присуждения этих премий признается во всем мире, они являются высшей международной наградой для ученого, и число Нобелевских премий, полученных гражданами какой-либо страны, можно считать приблизительным выражением вклада страны в продвижение границ мировой науки (приложения и технология не учитываются).

Возьмем список Нобелевских премий за послевоенные тридцать лет: с 1945 по 1974 год включительно. Когда премия присуждается сразу двум или трем ученым, будем считать, что каждый получает половину или одну треть премии соответственно. Мы найдем, что за указанное время граждане двадцати стран получали Нобелевские премии. Если подсчитать полное число премий, полученных гражданами каждой страны, то первые шесть мест будут поделены между странами следующим образом:

1	США	422/3 премии
2	Англия	182/3
3	Германия	55/6
4, 5	СССР, Швеция	по 31/6
6	Франция	21/2

Мы видим, что наш вклад не сравним с вкладом двух ведущих научных держав мира: США и Англии, которые вместе получили за последние 30 лет более 60 из 90 Нобелевских премий.

Чтобы как-то оценить эффективность нашей системы в отношении научной продукции, вычислим для всех стран удельное число Нобелевских премий в расчете на каждые 10 млн. человек населения («малая страна»). Получим следующую таблицу (стр. 61).

Разумеется, порядок, в котором входят страны в эту таблицу, нельзя считать точным отражением их научной эффективности из-за большой относительной флуктуации нашего показателя в случае стран, граждане которых участвовали в получении премий один-два раза. Однако в своей совокупности приведенные цифры позволяют сделать качественные выводы. Мы видим, что по удельному числу Нобелевских премий Советский Союз занимает двадцатое место из двадцати возможных. Мы опережаем только те страны, граждане

которых за рассматриваемый период не получили ни одной Нобелевской премии. Если ограничиваться крупными странами с населением более 40 млн. человек, то это будут: Китай, Индия вместе с Пакистаном и Бангладеш, Индонезия, Бразилия, Нигерия и Мексика. Мы можем смело сказать, что наука развита у нас лучше, чем в этих странах.

№	Страна	Население (в млн. чел. на 1968 г.)	Полное число премий за 1945–74 гг.	Удельное число премий
1	Швеция	7.9	3 1/6	4.0
2	Англия	55.3	18 2/3	3.4
3	Швейцария	6.1	1 5/6	3.0
4	Норвегия	3.8	5/6	2.19
5	США	200.0	42 2/3	2.133
6	Финляндия	4.7	1	2.128
7	Ирландия	2.9	1/2	1.55
8	Голландия	12.8	1 1/3	1.04
9	Германия (ФРГ + ГДР)	74.0	5 5/6	0.79
10	Чехословакия	14.4	1	0.69
11	Австралия	12.2	5/6	0.67
12	Аргентина	23.6	1 1/3	0.56
13	Португалия	9.5	1/2	0.53
14	Франция	50.3	2 1/2	0.50
15	Канада	20.8	1	0.48
16	Австрия	7.3	1/3	0.46
17	Бельгия	9.6	1/3	0.35
18	Италия	52.8	1 1/2	0.28
19	Япония	101.4	1 2/3	0.16
20	СССР	237.8	3 1/6	0.13

Люди, интеллектуально одаренные, лучше других видят фальшь и убогость нашей идеологической и политической системы. Уже одно только эстетическое чувство – независимо от нравственных факторов – мешает интеллектуально развитому человеку стать «своим» для системы; когда это удастся, то только ценою самоискалечения. Так что одаренные люди не только отталкиваются системой, но и сами стремятся от нее оттолкнуться. Это проявляется в том, что они ищут для себя как можно более «теоретического» поприща деятельности, где они могли бы быть в наименьшей степени связаны с системой, достичь результатов в одиночку. В ту же сторону работают слабость нашей массовой технологии, организационная

бестолковщина. Последствия этих факторов легко усмотреть в сравнительных успехах различных сторон советской культуры. На фоне мировых стандартов положение в математике у нас лучше, чем в физике, а в науке вообще – лучше, чем в промышленной технологии. Но лучше всего, в Советском Союзе быть шахматистом!

Человек, играющий в шахматы, делает ход *сам*, на свой страх и риск; никто им не руководит и никто ему не мешает. Правила игры строго определены, постоянны и *интернациональны* – это, кажется, единственный случай трогательного единства взглядов между представителями всех классов и партий. Нравственность партийна, искусство партийно, наука партийна и только шахматы беспартийны – какая радость! И никому никогда – даже в лучшие сталинские времена – не приходило в голову разделить шахматные дебюты на материалистические и идеалистические. Наконец, государство любит и поддерживает шахматистов – в целях завоевания престижа на международной арене. И вот вам результат: СССР – неоспоримо сильнейшая шахматная держава.

Иногда мне кажется, что лучшие интеллектуальные силы страны брошены на шахматы.

1.29. Искусство

Одно литературное произведение вместе с контекстом его возникновения служит для меня символом советского искусства, каким его желает видеть партийное руководство. Этот символ – карикатурен, но он не выдуман желчным сатириком, а взят из жизни.

Летом 1954 года я, свежеспеченный выпускник университета, работал в городе Обнинске в 100 км от Москвы, в том институте, стараниями которого в конце июня этого года была запущена первая атомная электростанция. 1-го июля во всех центральных газетах была помещена информация Совета Министров СССР об этом событии. Была она помещена и в «Литературной газете» – органе Союза советских писателей. На той же первой полосе газеты было помещено стихотворение Сергея Михалкова под названием «Бесценный вклад». С. Михалков и тогда уже был известным человеком, одним из авторов Гимна Советского Союза; сейчас он важный человек в Союзе советских писателей: председатель правления Московского отделения. Каждый читатель «Литературной газеты» имел возможность срав-

нить информацию Совета Министров с поэтическим шедевром Михалкова:

Совет Министров СССР:

В настоящее время в Советском Союзе усилиями советских ученых и инженеров успешно за вершены работы по проектированию и строительству первой промышленной электростанции на атомной энергии полезной мощностью 5 000 киловатт.

27 июня 1954 г. атомная электростанция была пущена в эксплуатацию и дала электрический ток для промышленности и сельского хозяйства прилежащих районов.

Впервые промышленная турбина работает не за счет сжигания угля или других видов топлива, а за счет атомной энергии – расщепления ядра атома урана.

Вводом в действие атомной электростанции сделан реальный шаг в деле мирного использования атомной энергии,

Все здесь проявилось: и задача, которую ставит себе поэт, и метод работы, и характер конечного продукта. . . Не обошлось и без дефекта. Дело в том, что в информации Совета Министров был еще один – пятый – абзац, который почему-то не нашел отражения в стихотворении Михалкова. Мне кажется невероятным, что Михалков мог допустить такой промах и не написать пятого куплета. Возможно, причина была техническая – не хватило места на полосе или что-нибудь в этом роде. Так или иначе, я тут же решил исправить ошибку и дописать необходимый куплет, который я и привожу вместе с последним абзацем информации Совета Министров:

Сергей Михалков:

Советские ученые
Внесли в науку вклад,
Пустив электростанцию
В пять тысяч киловатт.

Во имя счастья Родины
Рабочих и крестьян
На дело благородное
Использован уран.

Стоит электростанция
Могуча и сильна,
На атомной энергии
Работает она.

Стоит электростанция,
Как явственный пример,
Что мирным делом заняты
У нас в СССР.

Советскими учеными и инженерами ведутся работы по созданию промышленных электростанций на атомной энергии мощностью 50-100 тыс. киловатт.

Советские ученые Готовят новый вклад: Рассчитывают станции В сто тысяч киловатт!

Мое завершение неоконченной Михалковым работы нашло полное одобрение моих товарищей – тех самых, которые как раз и рассчитывали новые станции.

В уже цитированном мною учебнике по историческому материализму мы читаем:

«В буржуазном обществе вместо подлинно высокого искусства трудящимся навязывают продукты так называемой массовой культуры, примитивные по форме и антигуманистические по содержанию «творения» ремесленников от искусства. Лишь социалистическая революция открывает народу доступ к настоящему, высокому искусству, дает возможность каждому человеку, обладающему художественным вкусом, стать творцом искусства»²⁴.

1.30. Для послушных

Счастливы ли советский человек?

При оценке субъективного мироощущения человека нашего общества в сравнении с людьми более открытых и свободных обществ очень важно учитывать фактор возраста. Как известно, онтогенез – индивидуальное развитие особи – до некоторой степени повторяет филогенез – историю развития вида. Что-то похожее имеет место и в культурном развитии. Особенности тоталитаризма относятся к высшему уровню социальной организации и культуры, поэтому до поры до времени, пока человек осваивает предыдущие слои культуры, он не чувствует непосредственно, впрямую оков тоталитаризма. Дети – везде дети. И между детьми в разных странах больше общего, чем между детьми и взрослыми в одной стране. Взрослые могут видеть, как тоталитаризм калечит сознание детей с самого раннего возраста, как он воспитывает из них тоталитарных человеков. Но сами дети либо не чувствуют этого вовсе, либо воспринимают как нечто второстепенное. И правда, внутренний мир ребенка так динамичен и ярок, процесс познания действительности столь захватывает все его существо, что конкретные черты этой действительности отступают на задний план. То же относится и к юношескому периоду. Зрелище влюбленной пары или молодой матери с ребенком одинаково трогает при любом социальном строе. Любят везде одинаково; во всяком случае, это верно в смысле сравнения Советского Союза со странами Запада, ибо соответствующие слои культуры у нас примерно совпадают.

Но вот кончается период роста, и начинается период плодоношения. Субъективное чувство удовлетворенности зависит теперь от того, насколько человек *осуществляет себя*, то есть в какой степени его вклад в культуру, в жизнь на планете соответствует тому, что он

хочет и может дать. Потребность в самоосуществлении варьируется у людей в широких пределах. Есть люди, лишенные ее и вполне удовлетворяющиеся одной комфортабельностью жизни. Но это, я думаю, можно рассматривать как аномалию. Для нормального человека самоосуществление – необходимое условие субъективной удовлетворенности, счастья.

И здесь тоталитарное общество ставит человеку свои жесткие пределы, и они тем теснее, чем ярче у человека выражены творческие импульсы. Обычно где-то вблизи тридцати лет человек достигает этих пределов, упирается головой в этот потолок – и превращается в старика, у которого все лучшее в жизни уже позади. В сущности, он умирает, ибо после тридцати лет жизнь без самоосуществления не имеет смысла. Продвижение по службе, купленное ценой насилия над совестью, не дает удовлетворения; ощущение: не то, не то! – остается. Эти-то живые трупы, эти зомби, овеществленные общественные отношения, они-то и голосуют за, горячо одобряют и единодушно поддерживают. А дома предаются своим тихим стариковским радостям.

Что можно сказать о быте, об условиях жизни?

Известно, что условия жизни рядового человека в Советском Союзе много хуже, чем в развитых странах Запада. В течение тридцати послевоенных лет они, в общем, непрерывно улучшались хотя и очень медленно. Быстрое улучшение жизни происходило только в течение нескольких лет после смерти Сталина (в последние сталинские годы уровень жизни в деревнях был ужасающе низок). За последние десять-пятнадцать лет люди стали заметно лучше одеваться. С другой стороны, сохраняется острая нехватка некоторых из основных продовольственных товаров, в частности, мяса. Ассортимент продовольствия чрезвычайно узок, перед потребителями стоит вечная проблема «где достать?». Один француз, проживший в Москве год так резюмировал свои впечатления: «Советский человек идет в магазин так, как первобытный человек шел на охоту»... А что бы он сказал, если бы жил не в Москве, а в провинции?

Недавно одна моя знакомая ездила в Мордовию на свидание с политзаключенным. В поселке, расположенном вблизи лагерной зоны, в тот день царил оживление: в магазин завезли треску, люди сообщали об этом друг другу, жены солдат и офицеров МВД, охраняющих заключенных, становились в очередь. Один офицер МВД говорил другому по телефону: «У нас тут треску привезли. Я на тебя тоже заказал».

Особенно плохое положение с овощами и фруктами, поэтому рацион питания советского человека совершенно неудовлетворителен с точки зрения современного диетолога. Овощи в государственных магазинах – низкого качества, в продаже бывают в ничтожном ассортименте, да и то не всегда. Овощи на рынке очень дороги. Фрукты дороги и на рынке, и у государства. Зарплата моей жены (а у нее высшее образование и немалый стаж работы) целиком уйдет на то, чтобы покупать по государственным ценам два килограмма яблок в день²⁵.

Так как у нас нет свободной печати, нет единственного действенного способа борьбы со злоупотреблениями властью и другими непорядками, затрагивающими интересы граждан. В газетах пишут о недостатках и злоупотреблениях, но лишь в том случае, когда они не связаны со слишком высоким начальством и не имеют общего значения; иначе это уже будет «очернение советской действительности». Данные о преступности, об эпидемиях, о стихийных бедствиях и т. п. официально объявлены секретными. Еще больше данных, которые являются секретными неофициально. Все мы знаем, что медицинское обслуживание в нашей стране находится на ужасающе низком уровне. Врачи перегружены сверх всякой нормы, в поликлиниках – очереди, в больницах невероятная теснота. Каждый может привести случаи, когда ошибки медиков приводили к смерти пациентов. Известно, что у нас практически невозможно достать современные эффективные лекарства, врачам запрещается даже выписывать больным дефицитные лекарства – иначе от них посыпались бы жалобы на отсутствие этих лекарств в аптеках. Но эту проблему нельзя даже поставить открыто. И тем более нет средств потребовать от правительства, чтобы оно приняло какие-то действенные меры. Что же касается медицинского обслуживания высшего партийно-государственного слоя, то этим занимается специальное ведомство – Четвертое Управление Министерства здравоохранения. И там, как всем известно, нет недостатка в современных лекарствах (их привозят из-за границы), а пациенты не стоят в очередях и не лежат в коридорах больниц.

Или возьмем проблему загрязнения среды обитания. Мне рассказали о таком факте. На территории Подольского завода цветных металлов, где расположены, в частности, жилые дома и общежития для рабочих, загрязнение воздуха в 80 раз превышает допустимую норму. Этот вопрос был поднят в ходе Всероссийского рейда по охране природы и обсуждался в местном райисполкоме в сентябре 1974 года. Столь сильное загрязнение воздуха продолжается уже не первый год, и выступавший на заседании главный энергетик завода сообщил, что он не предвидит решения вопроса еще в течение двух-трех лет. Ибо воздухоочистительные сооружения, во-первых, очень дороги, а во-вторых, их очень трудно достать.

Подольск расположен в 40 км от Москвы. Можно предположить, что на периферии подобные факты не менее редкое явление. Но как получить хотя бы оценочные цифры? Если какой-то специалист в этой области и сумеет дать объективную, неприукрашенную оценку положения, то уж опубликовать ее не будет никакой надежды. Основная задача советской печати – «воспитывать», а не информировать; информация допускается лишь постольку, поскольку она не мешает «воспитанию».

Вот как освещает проблему загрязнения атмосферы кандидат географических наук К. А. Муравьев в брошюре, изданной обществом «Знание» для массового читателя:

«Проблема загрязнения атмосферы, как и всей окружающей человека среды, носит социальный характер. На первый взгляд может показаться, что загрязнение природной среды характерно для социалистических и капиталистических стран в равной степени, поскольку

ку везде развита промышленность, и что загрязнение среды – это неизбежное следствие технического прогресса. Но это только на первый взгляд. В действительности же главное различие состоит в отношении данного социального строя к природе, в способности системы к ликвидации загрязнения, к восстановлению жизнеспособной и благоприятной для человека среды.

Капиталистические корпорации отказываются нести ответственность за производимое ими загрязнение окружающей среды и любым способом пытаются скрыть свою вину. Они согласны на половинчатые меры и только при условии, если это не затронет их прибыли. . .

Социализм устранил основные пороки капиталистического общества. . . В социалистическом обществе сохранение природной среды является социальной необходимостью, поскольку это важно для общего блага и здоровья людей и отвечает интересам всего общества. В социалистическом обществе также имеет место загрязнение среды, но в гораздо меньших масштабах, вызвано оно иными причинами, а именно тем, что ему досталась в наследство от капитализма уже в определенной степени загрязненная и нарушенная природная среда».²⁶

Вот, оказывается, в чем беда – в загрязнении среды, произошедшем еще в царской России. Это очень оригинальное объяснение, особенно если принять во внимание следующие факты, которые сообщил мне один биолог:

В связи с загрязнением воды промышленными стоками резко сократилось количество рыбы в реках и озерах Советского Союза. В 1900 г. в Онежском озере вылавливалось 2000 центнеров лосося в год, сейчас – 50 центнеров, то есть в 40 раз меньше. В Ладожском озере и окрестных реках уловы семги и лосося упали в десятки раз. Строительство заводов на берегах Байкала немедленно привело к загрязнению воды и падению уловов рыбы. По данным 1968 года, объем загрязняемой части озера приближался к 75 км³, что в 2500 раз превышает проектную цифру. С 1953 по 1967 г. улов омуля в Байкале уменьшился более чем в шесть раз. В Азовском море лишь за последние 20 лет улов рыбы уменьшился в 11 раз. . .

Советское общество живет в неведении относительно самого себя. Есть старое русское выражение насчет того, что не следует, мол, «выносить сор из избы». Оно всегда поражало меня своей несуразностью: ведь совершенно очевидно, что если из избы не выносить сора, то в такой избе скоро станет невозможно жить. Однако этот принцип и эта поговорка постоянно используются полуофициальной пропагандой. Аргумент таков: разоблачая наши недостатки, мы радуем наших врагов, даем им в руки оружие. И поговорка почему-то работает, она настраивает людей против тех, кто критикует общество, обнажает его пороки. Она апеллирует к поверхностному, пошлому тщеславию, ради которого призывает пожертвовать элементарной чистоплотностью. Удивительно, что такая поговорка могла возникнуть, и еще более удивительно, что она продолжает существовать.

Человек в Советском Союзе живет в полной власти чудовищной бюрократической ма-

шины. Это относится и к так называемым «простым людям», и к тем, кто занимает высокое положение в бюрократической иерархии. Различие лишь в том, какие колесики люди вертят – и, соответственно, какие колесики вертят *ими*. Подчиненность бюрократической машине, принятие ее абсолютной власти над любой формой проявления жизни – одинаково для всех, кроме отщепенцев; оно всех роднит и всех уравнивает. В настоящее время эта машина не так безумна, как раньше: она не уничтожает тех, кто ей подчиняется. Но она остается машиной – вещью неодушевленной. Ее рычаги и колеса – это бессмысленные, повторяемые из года в год формулировки, заменяющие нормальное логическое мышление; автоматическое, единоголосное голосование; априорное признание правильным каждого решения вышестоящей инстанции; перекрытие информационных каналов и подтасовка фактов; тотальная слежка; устранение всякого проявления индивидуальности; демагогия и массовое оболванивание. Тоталитарная государственная машина не поддается воздействию человеческой души и человеческого разума. Она подчиняется своим нечеловеческим законам, и тень этих законов ложится на каждое человеческое лицо.

1.31. Для непослушных

И ты расквасишься, бедный брат.

Заблудший брат, ты будешь прощен.

Под песнопения в свой квадрат

Ты будешь бережно возвращен.

А если упорствовать станешь ты:

– Не дамся!...

Прежнему не бывать!... –

Неслышно явятся из темноты

Люди, умеющие убивать.

Вл. Лифшиц²⁷

При всей важности массовой обработки сознания и воздвижения информационных барьеров прямое физическое подавление инакомыслия продолжает оставаться центральным, необходимым элементом стационарного тоталитаризма. Это та ось, вокруг которой вращается маховое колесо тоталитарной государственной машины. Процент людей, к которому приходится применять насилие, невелик, но зато оно ложится на них всей тяжестью.

Просмотрим «Хронику текущих событий» за последние два года. В этом издании сообщается о тех политических репрессиях, которые становятся известными международной общественности. При чтении «Хроники» поражает жестокость наказаний за осуществление элементарного права человеческой личности – права обмениваться информацией и идеями. Вот краткие сведения о некоторых (отнюдь не всех) судебных процессах.

К. А. Любарский, кандидат физико-математических наук, астроном; октябрь 1972 г., г. Ногинск, Московской обл. Обвиняется в размножении и распространении самиздата: «Технология власти» Авторханова, «Все течет» Гроссмана, «Хроника текущих событий». Приговор: 5 лет строгого режима.

С. Глузман, врач-психиатр; октябрь 1972 г., Киев. Обвинение в антисоветской агитации и пропаганде основывается исключительно на показаниях свидетелей – при обыске у него ничего изъято не было. Ему вменяется в вину «идеологическое разложение» сообщаемой гр. Л. Середняк. Одна из свидетельниц, коллега Глузмана, сообщила, что на вопрос, почему он работает не в Киеве, а в Житомире, Глузман ответил: «Потому что я еврей». Это послужило для суда основанием обвинить его в сионистской пропаганде. Существует мнение, что действительной причиной осуждения Глузмана является подозрение КГБ, что он один из авторов документа, известного как «Заочная психиатрическая экспертиза по делу П. Г. Григоренко». Приговор: 7 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Стефания Шабатура, художник-прикладник. Ее работы упоминались в 6-ом томе «Истории украинского искусства». В 1970 г. Шабатура вместе с группой львовских писателей и художников обратилась с просьбой присутствовать на суде над Валентином Морозом. Приговор: 5 лет лагерей и 3 года ссылки. Детали обвинения неизвестны.

Супруги Калынец, Львов, 1972 г. Как и С. Шабатура, просили допустить их на процесс В. Мороза. Детали обвинения неизвестны. Приговор: 6 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки.

Г. В. Давыдов, инженер-геолог, отец троих детей; Ленинград, июль 1973 г. Обвинение: изготовление и распространение самиздата. Приговор: 5 лет лагерей строгого режима и 2 года ссылки.

В. В. Петров, рабочий, по тому же делу. Приговор: 3 года лагерей строгого режима и 2 года ссылки.

И. М. Дзюба, литературный критик; Киев, март 1973 г. Единственный пункт обвинения – написание и распространение работы «Интернационализм или русификация». На суде Дзюба заявил, что работа не предназначалась для опубликования, а была сделана в виде письма на имя первого секретаря ЦК КПУ. Приговор: 5 лет лагерей строгого режима.

Е. Сверстюк, Киев, апрель 1973 г. Обвинение: работы литературоведческого характера, опубликованные на Западе и в самиздате, «антисоветские» разговоры со знакомыми и соседями. Приговор: 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки.

Надежда Алексеевна Светличная, Киев, март, 1973 г. Инкриминируется хранение самиздата. Приговор: 4 года лагерей. Иван Алексеевич Светличный, литературный критик; Киев, апрель 1973 г. В обвинительном заключении фигурировали пункты, предъявлявшиеся ему в 1965 году, когда он, просидев 8 месяцев в тюрьме, был выпущен за недоказанностью обвинения. Кроме того, ему инкриминировалось хранение неизданной художественной ли-

тературы на украинском языке, а также его собственные литературоведческие рукописи. Приговор: 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки.

Леонид Плющ, математик; Киев, январь 1973 г. Инкриминируется: хранение нескольких экземпляров «Хроники текущих событий», «Украинского вестника» и др.; распространение некоторых из них среди знакомых. Написание 7 статей литературоведческого характера, содержание которых признано «антисоветским». Подписание открытых писем в ООН, «антисоветские разговоры». Л. Плющ был признан судом психически больным и направлен на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа. Дело рассматривалось при закрытых дверях и в отсутствие обвиняемого. До настоящего времени (июль 1975 г.) Л. Плющ находится в закрытой психбольнице. В результате примененного к нему «лечения» его здоровье резко ухудшилось. Судьба Леонида Плюща привлекла внимание общественности во всем мире.

Ионас Лауцюс, завуч средней школы в Литве. Написал роман о жизни литовского народа после 1940 года. Роман был сдан в редакцию «Вага»; напечатан не был, так как был признан «антисоветским», «аморальным» и «антихудожественным». Тогда Лауцюс начал частями пересылать роман по почте своему брату, живущему в США. Арестован в июле, судим в декабре 1971 г. Приговор: 2 года лагерей.

А. А. Болонкин, авиационный инженер, доктор технических наук, автор около 40 научных работ. Москва, ноябрь 1973 г. Обвинение: изготовление и распространение самиздата. Приговор: 4 года лагерей и 2 года ссылки.

В. Лисовой, Е. Пронюк, И. Семанюк. Киев, ноябрь 1973 г. При аресте Е. Пронюка (на улице) в его портфеле было обнаружено много машинописных экземпляров письма в ЦК и «видным людям Советского Союза»: академикам, писателям, государственным деятелям и т. п. Авторы письма – В. Лисовой (кандидат философских наук, член КПСС) и Е. Пронюк – сотрудники Института философии АН УССР. Они обращают внимание работников ЦК на ряд незаконных судебных процессов, прошедших на Украине в последнее время по политическим мотивам. Приговор: Лисовому – 7 лет строгого режима и 3 года ссылки, Пронюку – 7 лет строгого режима и 5 лет ссылки, Семанюку – 4 года строгого режима.

Полный и точный текст обвинительного заключения по политическому делу получить непросто. В тех случаях, когда это удастся, бездоказательность, произвольность обвинения выступают особенно явственно в суконном, казенном языке судебных. Вот, например, обвинительное заключение в суде над тремя крымскими татарами, состоявшемся в г. Запорожье на Украине. Крымские татары, как известно, добиваются права жить на своей родной земле – в Крыму, откуда они были выселены все до единого человека в 1944 году.

«Обвинительное заключение по уголовному делу по обвинению: Куртумерова Эскандера, Халикова Эвазера и Рамазанова Регата по ст. 187-1 УК УССР.

Расследованием установлено:

Обвиняемые Куртумеров Э., Халиков Э. и Рамазанов после предупреждений органов государственной власти о нераспространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, должных выводов не сделали и систематически продолжали свои преступные деяния.

Так, 4 марта 1973 г. в доме № 29 по ул. Циолковского в г. Мелитополе приняли активное участие в собрании молодежи, где в присутствии 25 человек, извращая национальную политику СССР, распространяли заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

18 марта 1973 г. на втором собрании молодежи в доме № 36 по ул. Цюрюпы в г. Мелитополе, на котором присутствовало 20 человек, Куртумеров Э., Халиков и Рамазанов в своих выступлениях также клеветали на советскую действительность.

Кроме этого, обвиняемый Куртумеров изготовил письменные произведения «История», «Крым» и др., которые содержат ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также на брошюрах Т.И. Ойзермана «Марксистско-ленинское понимание свободы», А. Кулагина «Поколение оптимистов» и на журнале «Вопросы истории» учинил явно клеветнические надписи.

Обвиняемый Халиков изготовил рукописные тексты: «Записку председателю Совета национальностей Верховного Совета СССР», «Протест», «Преступники торжествуют» и др., которые содержат клевету на советский государственный и общественный строй.

Обвиняемый Рамазанов также изготовил ряд рукописных текстов: «Людам доброй воли» и т. п., адресованных в различные партийно-советские органы, в которых клеветает на политику КПСС, государственный и общественный строй.

Привлеченные и допрошенные в качестве обвиняемых, Куртумеров и Халиков виновными себя полностью не признали и пояснили, что они действительно принимали участие в собраниях молодежи, но на советскую действительность не клеветали».

Далее следует повторение тех же обвинений по отношению к каждому из трех в отдельности без какой-либо конкретизации. Приговор: Куртумерову – два года, Халикову и Рамазанову – по два с половиной года лагерей.

Все обвинения по политическим делам очень похожи: «клеветнические» разговоры, изготовление и распространение «антисоветской» литературы; часто, как в только что приведенном случае, речь идет даже не о машинописных, а о рукописных документах: заявлениях, письмах и т. п.

Листаем «Хронику» дальше. Весна 1974 года. Виктор Хаустов: 4 года лагерей и 2 года ссылки; Габриэль Суперфин: 5 лет лагерей и 2 года ссылки; Виктор Некипелов (г. Владимир) : 2 года лагерей; Сергей Пирогов (г. Архангельск): 2 года строгого режима; Валентина Пайлодзе (г. Тбилиси, «преступление» – письма религиозного содержания): полтора года лагерей; Фридрих Шнарр, советский немец, добивающийся выезда в ФРГ (г. Джамбул, Ка-

захстан) : 2 года. На допросы во время следствия Шнарра водили в наручниках. В камере следственного изолятора его сокамерники ежедневно, на протяжении трех месяцев, мучили и избивали его. Следователь знал об этом, но не пресекал бесчинства, угрожая Шнарру смертью.

«Хроника» № 33. Сообщается об условиях содержания политических заключенных в лагерях и тюрьмах. Заключенный В. П. Азерников, врач по специальности, в письме, которое ему удалось передать на волю, описывает условия в Мордовских лагерях строгого режима.

Заключенные живут в состоянии «скрытого голода». Калорийность пищи намного меньше той, что необходима по условиям тяжелого труда, которым занимаются заключенные... В пище практически нет животных белков, витаминов. Нередки случаи пищевых отравлений.

Воздух в цехах густо насыщен древесной и абразивной пылью, парами ацетона и кислот. Это способствует развитию легочных заболеваний, силикозов. Лечение начинается лишь тогда, когда болезнь получает кризисное развитие, да и тогда оно сводится лишь к снятию симптомов. Хронические заболевания: желудочно-кишечные, сердечно-сосудистые, глазные болезни, грибковые заболевания, парадонтоз и т. п. не лечатся вовсе, хотя они имеют в лагере массовое распространение. Освобождение от работы можно получить лишь тогда, когда температура больного выше 37,4°. Случаи освобождения при бестемпературных заболеваниях исключительно редки. Врач не может выйти за пределы так называемой «нормы» освобождений – 17% всех заключенных, даже во время эпидемии гриппа. Не во всех лагерях есть врачи, их заменяют фельдшеры, медсестры. Врачи-специалисты посещают лагерь 1-2 раза в год или реже. Врачи-заключенные не могут помочь своим больным товарищам, это запрещено специальной инструкцией. Лагерные врачи имеют лишь простейшие лекарства, срок годности которых иногда давно истек. Присылка медикаментов и витаминов с воли запрещена.

Грунтовая дорога между лагерями и больницей так плоха, а тюремные машины настолько непригодны для перевозки больных, что поездка может угрожать жизни больного. Известны случаи переломов конечностей и травм позвоночника в результате поездки. Для сердечников поездка по этой дороге вообще непереносима. Нередко люди, прибывающие в лагерь абсолютно психически здоровыми, к концу своих длительных сроков заболевают душевно.

2 ноября 1972 г. в Мордовских лагерях в возрасте 33 лет умер Юрий Тимофеевич Галансков²⁸. Он был арестован в январе 1967 г. и приговорен к 7 годам строгого режима за свою деятельность в защиту гражданских прав. Язвенная болезнь в тяжелой форме, которой Галансков страдал еще до ареста, сильно утяжелила его жизнь в лагере. Родственники и друзья Галанскова, а также его сокамерники, обращались к властям с ходатайствами об оказании Галанскову достаточно эффективной медицинской помощи. В частности, они просили

о назначении ему диетического питания и о всестороннем обследовании в центральной больнице МВД, в Ленинграде. Эти ходатайства не были удовлетворены. Осенью 1972 г. Юрия Галанскова, в связи с ухудшением состояния, в очередной раз этапировали в больничную зону Дубровлага в поселок Барашево. После операции у него развился перитонит, и он умер.

В других лагерях положение не лучше. Вот один из эпизодов из жизни Пермских лагерей. Во время одной из медицинских комиссий ее председатель подполковник медицинской службы Т. П. Кузнецов заявил, что он приехал не затем, чтобы помиловать людей по болезни, а чтобы заставить их работать. Многим заключенным сняли инвалидность, которую те имели в течение многих лет. В частности, заключенный литовец Куркис страдал язвенной болезнью много лет и не работал. После решения комиссии о снятии инвалидности он был поставлен на тяжелую работу – вспашку запретной зоны. В первый же день произошло прободение язвы. Начальник лагпункта – 35 Пименов звонил Т. П. Кузнецову (хирургу этого лагеря); тот отказался выехать по вызову, сославшись на плохую погоду. Куркис умер.

Просочилось еще несколько писем от политзаключенных. К. А. Любарский обращается к Всемирной федерации научных работников и к Конгрессу за свободу культуры. Научные работники, пишет он, люди в большинстве немолодые, занимаются в лагерях тяжелым и непривычным для них физическим трудом, который не оставляет ни сил, ни времени для интеллектуальной работы. Ученые дисквалифицируются. «Нас не только временно лишают свободы, – говорит Любарский, – нас навсегда лишают любимого дела, нашей профессии».

В письме группы политзаключенных Пермского лагеря ВС-389/35 говорится о том, что при помощи максимально строгой изоляции власти стремятся скрыть правду о лагерной жизни людей, осужденных вопреки декларациям Конституции СССР о гражданских свободах. Цензурные правила таковы, что фактически позволяют задержать любое письмо. Уничтожение задержанных писем исключает возможность проверки обоснованности задержания. Власти не ставят перед собой провозглашенной, но непосильной для них, задачи переубеждения: их цель – сломить заключенных, заставить отречься от своих взглядов. Этой цели администрация стремится достичь придирками и наказаниями, вопреки закону подвергая заключенных физическим и моральным страданиям – голоду, холоду, унижениям и т. д. Тяжелый, иногда бессмысленный труд стал орудием наказания.

В других сообщениях мы читаем о судьбе борцов за гражданские права, получивших повторные длительные сроки заключения, в частности о Владимире Буковском и Валентине Морозе. Особенно тяжело положение В. Мороза. Украинец, преподаватель истории, он был первый раз арестован в 1965 г. за статьи, ходившие в самиздате, в которых был обнаружен «украинский национализм» и которые, следовательно, были признаны антисоветскими. Он был приговорен к четырем годам заключения. В 1969 году, отбыв срок, он вышел на свободу, а в 1970 г. был снова приговорен по статье 62 УК УССР (аналог статьи 70 УК РСФСР); на

этот раз – к девяти годам лишения свободы, из которых первые шесть лет – в тюрьме, и пяти годам ссылки. Во Владимирской тюрьме сокамерниками В. Мороза оказались уголовные преступники; они изводили его, не давали спать ночью, а один из них порезал ему живот отточенным как нож черенком ложки, так что Мороза пришлось отправить в больницу и наложить швы. После этого случая по просьбе самого Мороза и его жены его поместили в одиночку.

Отсидев больше трех лет в тюрьме, В. Мороз стал просить о переводе его в лагерь. По действующему законодательству, после половины назначенного судом срока тюремного режима он может быть заменен лагерем, при условии соблюдения заключенным правил режима. Валентин Мороз не имел нарушений, кроме одного: во время свидания с женой он говорил с ней по-украински и отказался перейти на русскую речь, за что был лишен свидания. На этом основании ему отказали в переводе в лагерь. 1 июля 1974 г. В. Мороз объявил голодовку.

Жена В. Мороза, Раиса Мороз, обратилась к мировой общественности с призывом спасти жизнь мужа. В течение последовавших месяцев она написала письма в Пен клуб, в Международный Красный Крест. Она много раз обращалась к администрации Владимирской тюрьмы за справками о здоровье мужа. Она обращалась в КГБ при СМ СССР, требуя свидания с мужем. В сентябре-октябре Раису четырежды вызывали на беседы в областное управление КГБ (г. Ивано-Франковск) и уговаривали «перестать хлопотать о своем муже и заботиться лучше о себе». Ей угрожали увольнением с работы и возможностью расправы «со стороны каких-нибудь хулиганов». Через день после разговора об этом камень, брошенный кем-то, разбил окно в ее комнате и попал ей в лицо. Однако 5 ноября ей все же дали свидание с мужем. Обращаясь «ко всем добрым и гуманным людям на земле», Раиса Мороз пишет:

«5 ноября мой муж, политзаключенный Владимирской тюрьмы Валентин Мороз, получил свидание с семьей. Это был 128-ой день голодовки. . .

Валентин ужасающе худ (52 кг. при 175 см. роста). У него опухшее лицо и отеки под глазами. Он жалуется на боли в сердце. Но наибольшие мучения доставляет ему зонд, с помощью которого, начиная с 12-го дня голодовки, осуществляется искусственное кормление. Этот зонд ранит стенки горла и пищевода. Когда его вытаскивают, он весь в крови, а боль, с самого начала сопровождавшая кормление, теперь не утихает, и в перерывах между ними Валентин почти постоянно находится в забытии, но время от времени заставляет себя подняться на ноги, так как боится, что иначе они атрофируются. . .

Сейчас, чтобы сохранить жизнь В. Мороза, его необходимо поместить в больницу и долго, тщательно лечить. Между тем, начальник тюрьмы утверждает, что, независимо от того, будет ли Валентин продолжать голодовку или окончит ее, он останется в тюрьме. Это равносильно смертному приговору. . .

Неужели возможно в современном мире, чтобы человек, вся вина которого — четыре журнальных статьи, признанных судом «антисоветскими», поплатился за это жизнью?».

Одно из самых бесчеловечных изобретений советской карательной системы — помещение инакомыслящих в психиатрические больницы и принудительное «лечение» с помощью средств, подавляющих сознание и волю. Этот метод как бы символизирует роль тоталитаризма в историческом плане. Леонид Плющ в Днепропетровской специальной психиатрической больнице получал по назначению врачей в больших дозах галоперидол в таблетках. На свидании с женой в октябре 1973 г. она увидела его таким: подавленное состояние, апатия, сонливость. В августе-сентябре, до начала «лечения», он написал домой много писем, больших и содержательных. Теперь же он почти перестал писать и даже читать не может. Январь 1974 г.: состояние прежнее — он почти все время спит, читать и писать не может, на прогулку не ходит — мерзнет. В феврале-марте галоперидол заменили уколами инсулина с возрастающей дозировкой. Состоявшаяся в это время психиатрическая экспертиза сочла необходимым продолжать лечение. Члены комиссии с Плющем не беседовали. Лечащий врач Плюща, Л. А. Часовских, на вопрос жены, какие же симптомы заболевания свидетельствуют о необходимости продолжать лечение, ответила: «Его взгляды и убеждения». . . На дальнейшие вопросы о диагнозе и лечении она отвечать отказалась.

На свидании 4 марта 1974 г. Л. И. Плющ был неузнаваем. У него появилась сильная отечность, он с трудом передвигался, взгляд потерял свою обычную живость. Он сообщил, что врачи настаивают, чтобы он отрекся от своих взглядов и убеждений и обязательно в письменной форме. Это он сделать отказался.

На свидании 12 мая становится известно, что в апреле Л. Плющу перестали давать какие бы то ни было препараты. Плющ объясняет это тем, что у него появились боли в брюшной полости и врачи испугались. После отмены лекарств состояние его улучшилось: стали спадать отеки, прошли боли. Его перевели в другую палату, где меньше больных и тише. Он опять стал читать. Но затем ему снова стали делать уколы инсулина с возрастающей дозировкой. Появилась аллергическая сыпь, зуд, однако уколы не прекратили. После каждого укола Плюща на четыре часа привязывали к кровати.

В октябре 1974 г., когда инсулин уже был отменен, а новое лекарство еще не назначено, врачи предложили Л. И. Плющу написать заявление с осуждением своей «антисоветской деятельности» по типу заявлений Якира и Красина. Плющ категорически отказался это сделать:

— Якир солгал. Вы хотите, чтобы я стал лжецом?

Вскоре ему назначили новый препарат — трифтазин в таблетках, большими дозами. 15 ноября 1974 г. Плющ был помещен в «надзорную» палату, где вместе с ним находятся больше 20 агрессивных больных. Свет горит круглосуточно. Больных никуда не выводят: даже уборная находится в палате. Трифтазин ему стали вводить уколами. Уколы вызывают

у него сонливость, инертность, судороги; свет мешает спать. Плющ не гуляет: не может или не разрешают, неизвестно. На очередном свидании с женой Плющ почти ничего не говорил, ни о чем не спрашивал, даже о детях (у них двое детей). Плющи обратились к властям с просьбой разрешить выехать из СССР, но получили отказ.

... Осень 1974 года. Суд над М. Р. Хейфецом, учителем русского языка и литературы в Ленинграде. Главный пункт обвинения – написание им статьи «Иосиф Бродский и наше поколение», которую он показывал нескольким знакомым. Приговор: 4 года лагерей строгого режима и 2 года ссылки. Суд над Л. А. Ладыженским и Ф. Я. Коровиным (г. Рига). Обвинение: распространение самиздата. Приговор: Ладыженскому 3 года строгого режима и 3 года ссылки, Коровину – два года лагеря и два года ссылки.

В течение 1974 года в Армении проходила серия судебных процессов над армянами по обвинению в национализме и, в частности, в принадлежности к «Национальной объединенной партии Армении», ставящей своей целью отделение Армении от СССР. Всего было осуждено 14 человек, получивших разные сроки до семи лет строгого режима.

Винница, декабрь 1974 г. Врач М. Ш. Штерн (56 лет) приговорен к 8 годам лагерей усиленного режима по обвинению в получении взяток и мошенничестве. Люди, знакомые с делом, утверждают, что обвинение не было доказано в судебном разбирательстве. При обыске в квартире Штерна прокурор Кравченко в присутствии сына М. Ш. Штерна Виктора и его жены и понятых сказал: «Предъявление обвинения связано с желанием вашей семьи выехать в Израиль».

Вильнюс, декабрь 1974 г. Пять осужденных. Максимальный срок – 8 лет строгого режима (Петрас Плумна).

Январь-апрель 1974 г. – серия судов в Казахстане над советскими немцами, добивающимися выезда в ФРГ. Абель, Тиссен, Вернер, Фертих – по три года лишения свободы. Братья Валентин и Виктор Клинины – 2 года. Август. Несколько немцев осуждено в Эстонии. . .

Все эти события происходят на фоне множества обысков, допросов, задержаний и внесудебных репрессий (увольнение с работы и т. п.). Готовятся новые судебные процессы. В октябре 1974 г. арестован В. Осипов, в декабре – С. Ковалев. 18 апреля 1975 г. арестован А. Твердохлебов, секретарь советской группы «Международной Амнистии». Одновременно было проведено еще три акции против членов этой группы: в Киеве был арестован, а через два дня отпущен с подпиской о невыезде писатель Микола Руденко, в Москве были проведены обыски у В. Альбрехта и у меня. В течение 12 часов представители прокуратуры и КГБ хозяйничали в моей квартире. Список изъятых материалов (в их числе рукописные наброски, письма и т. п.) включает 212 наименований. В течение июня меня допрашивали шесть раз: формально – как свидетеля по делу Твердохлебова, по существу же, конечно, моя персона также была предметом расследования. Это видно хотя бы из вопросов, которые мне задавались. В их числе были такие: «Какое участие Вы принимали в помощи

детям политзаключенных?», «Откуда у Вас информация о деле Светличного на Украине?»

и т. п.²⁹

Ссылки и примечания к первой части

¹М. К. Ганди. Моя жизнь. ОГИЗ, 1934 г., стр. 166.

²А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Обитаемый остров. Изд-во «Детская литература», Москва, 1971 г., стр. 193.

³Обитаемый остров. Цитирую по первоначальному журнальному варианту: журнал «Нева», № 5, 1969, стр. 100. При издании отдельной книгой (см. 2) термин «Неизвестные Отцы», играющий в романе ключевую роль, был, вероятно, сочтен слишком прозрачным, и его всюду заменили на довольно бессмысленное «Огненосные Творцы».

⁴Речь на 18 съезде ВКП(б).

⁵Robert Conquest. A New Russia? A New World? «Foreign Affairs», April 1975, pp 482–497.

⁶Эта цифра была сообщена слушателям одного семинара для пропагандистов-антирелигиозников.

⁷Я имею в виду замечание проф. Анри Бругманса: «Если вы марксист или хотя бы если вы приняли исторический материализм, наименее спорный принцип марксизма...» Proc. of the Internet. Symp. on the 50th Anniversary of the USSR. December 1972. Published by the Intern. Comm. for the Defense of Human Rights in the USSR. Brussel, p. 18.

⁸В. И. Ленин. Соч. т. 18, стр. 343.

⁹А. Д. Макаров. Историко-философское введение. Москва, 1972, стр. 5.

¹⁰Цитирую по: В. Ф. Асмус. Декарт. Москва, 1956, стр. 260–261.

¹¹См. Д. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. Планы и структура поведения. Москва, 1964.

¹²Рукопись книги была сдана по договору в издательство «Советская Россия» в 1970 г., однако опубликована не была. В настоящее время готовится английское издание в изд-ве Columbia Univers. Press.

¹³Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. Москва, 1957, стр. 257.

¹⁴От 5 марта 1852г.

¹⁵Предисловие к книге: Людвиг Фейербах. Соч., том 2, М-Л, 1926г.

¹⁶Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 281.

¹⁷Там же, стр. 292.

¹⁸Там же, стр. 298.

¹⁹В. И. Ленин. Доклад 5-ому съезду партии. Соч. (5 изд.), т. 15, стр. 297–298.

²⁰Цитирую по английскому изданию: А. Camus. The Rebel, Penguin Books, p. 206.

²¹См. 13, стр. 381.

²²Философский словарь, под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-ье, Москва, 1972.

²³Введение в историю социализма. Цитирую по книге Серваг-Шрейбера «Америка бросает вызов».

²⁴См. 22, стр. 357.

²⁵Она получает 100 руб. в месяц, за вычетом налога подоходного – 90 руб. 10 коп. Если не считать нескольких месяцев в году, государственная цена на яблоки – 1 руб. 50 коп. за килограмм.

²⁶К. А. Муравьева. Человек и атмосфера. Изд. общества «Знание» РСФСР, Ленинград, 1974, стр. 36–37.

²⁷Вл. Лифшиц. Назначенный день. «Сов. Писатель», Москва, 1968. стр. 68–69.

²⁸«Хроника текущих событий», вып. 28, 31 дек. 1972 г.

²⁹Это писалось в июне 1975 года. Владимир Осипов был приговорен в сентябре того же года к восьми годам заключения, Сергей Ковалев – в декабре к семи годам заключения и трем годам ссылки, Андрей Твердохлебов – в апреле 1976 г. к пяти годам ссылки. В январе 1976 г. Леонид Плющ под давлением международной общественности получил разрешение выехать за границу.

Глава 2

СОЦИАЛИЗМ

2.1. Пессимизм и оптимизм

Подлинный оптимизм не имеет ничего общего с какими-либо снисходительными суждениями. Он состоит в стремлении к осознанному идеалу, который внушает нам глубокое и последовательное утверждение жизни и мира. Поскольку ориентированный таким образом дух здравомыслящ и беспощаден в оценке существующего, он при обычном рассмотрении предстаёт пессимизмом.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР

Картина советского общества, нарисованная в первой части книги, может внушить читателю мысль, что автор — пессимист, склонный видеть вещи в мрачном свете. Но это далеко не так. Констатация неприятных истин обязательна и для пессимиста, и для оптимиста. Различие между ними в другом. Пессимист — это тот, кто якобы «видит», что будущее не сулит ничего хорошего; поэтому он и не делает ничего для будущего: в его системе координат это бессмысленно. Оптимист — это тот, кто не предсказывает будущее, а работает на него. Ибо будущее непредсказуемо. Оно зависит, в частности, от того, что мы о нем думаем и что мы для него делаем. Оптимизм — гораздо менее самоуверенная позиция, чем пессимизм. Оптимист вовсе не утверждает, что Добро непременно победит; он только допускает эту возможность и отказывается верить в неизбежное торжество Зла.

В этом смысле я оптимист. Мой оптимизм покоится на двух устоях. Во-первых, это концепция истории, которую можно назвать в противоположность историческому материализму марксистов — «историческим идеализмом». Эта концепция имеет так же мало общего с философским идеализмом, как исторический материализм Маркса — с философским

материализмом. Она утверждает только, что во взаимосвязи между общественным бытием и общественным сознанием именно сознание является ведущим фактором, определяющим динамику развития общества в целом. А если так, то мы, люди, свободны в выборе своей судьбы. И если мы не хотим тоталитаризма, то у нас еще есть возможность его отвергнуть.

Стабилизация тоталитаризма, описанная в первой части, – это то, что происходит сейчас на поверхности явлений, то, что мы наблюдаем непосредственно. Но кроме очевидных событий, всегда происходят и события под поверхностью. Борьба за гражданские права не остается без последствий. И не проходят бесследно бесчисленные частные разговоры, обсуждения и поступки, которые становятся известными лишь узкому кругу, но происходят по всей стране. Общественная жизнь всегда состоит из надземных и подземных течений, и в определенный момент времени подземные течения выходят на поверхность. Но до поры до времени они остаются скрытыми, не привлекающими внимания. Идет процесс созревания, происходит медленная трансформация взглядов на жизнь вообще и подходов к конкретным проблемам в частности.

В каких направлениях может пойти эта подземная трансформация? Может ли она породить общественное сознание, способное противостоять тоталитаризму и добиться социальных перемен?

Мы живем в век науки и промышленности. Научное мировоззрение является в наше время теоретической основой общественного сознания, а промышленное производство определяет условия и формы жизни, в которых общественное сознание развивается. Возникновение тоталитаризма связано, несомненно, с научно-промышленной эрой, тоталитаризм – порождение этой эры. Отсюда иногда делают вывод, что общественное сознание, которое своим краеугольным камнем имеет научное мировоззрение и метод, а не христианскую веру, как это было в Европе в дототалитарное время, приводит к тоталитаризму или, во всяком случае, неспособно вывести из него. Следовательно, единственная надежда на перемены – возврат к христианскому сознанию. Иначе неоткуда взять сил, духовного заряда для борьбы со злом. Такова точка зрения Солженицына, и она имеет некоторое (хотя и не широкое) распространение среди советской интеллигенции. Сборник «Из-под глыб» написан, в основном, с этих позиций.

Для меня возврат к христианскому сознанию невозможен, как невозможен он, по моему глубокому убеждению, и для подавляющего большинства наших современников. Так что, если бы я разделял точку зрения Солженицына, то я был бы глубоким пессимистом. Но я ее не разделяю. Я утверждаю, что идейные предпосылки тоталитаризма связаны с научными и околonaучными концепциями 19-го, а не 20-го века. Я утверждаю, что в наше время последовательное построение мировоззрения на базе научной картины мира и критического научного метода порождает жизнеутверждающее и антитоталитарное общественное сознание, способное к энергичному социальному действию. Это и есть второй устой, на котором

покоится мой оптимизм.

Общественное сознание, о котором я говорю, я буду связывать со словом *социализм*. Это слово употребляется в разных контекстах и в чрезвычайно разных значениях.

2.2. Что такое социализм?

Я начну обсуждение этого вопроса с нескольких цитат из статьи И. Р. Шафаревича «Социализм» в сборнике «Из-под глыб». Шафаревич – убежденный противник социализма, и я совершенно не согласен с его трактовкой причин и сущности этого явления. Но я нахожу знаменательным, что в то время как многие – и, вероятно, большинство – социалистов рассматривают социализм просто как политическое течение, противник социализма призывает видеть в нем всемирно-историческое явление, далеко выходящее за сферу политики и имеющее основу в глубочайших пластах человеческой природы. И в этом я с ним целиком согласен. Прочитовав отрывок из статьи Ленина «Три источника и три составные части марксизма», затем – идеолога «африканского социализма» Дуду Тиамы («африканские общества всегда жили в рамках эмпирического, естественного социализма, который можно назвать инстинктивным») и идеолога «арабского социализма» эль Афгани («Социализм является частью религии ислама. . .»), Шафаревич пишет:

«Что же это за странное явление, о котором можно высказать столь различные суждения? Есть ли это совокупность течений, ничем друг с другом не связанных, но по какой-то непонятной причине стремящихся называть себя одним именем? Или же под их внешней пестротой скрывается нечто общее?»

По-видимому, далеко еще не найдены ответы на самые основные и бросающиеся в глаза вопросы о социализме, а некоторые вопросы, как мы увидим позже в этой работе, даже и не поставлены. Подобная способность отталкивать от себя рациональное обсуждение сама является еще одним из загадочных свойств этого загадочного явления».

В качестве примеров древнего социализма Шафаревич называет Ур (22-21 в. до н. э.) и империю инков. Учение Платона и некоторые средневековые ереси он также относит к социалистическим учениям. Это наиболее расширительное толкование понятия о социализме, и с ним согласятся немногие. Однако я нахожу такое расширение не лишенным оснований. Сходство нашей страны или Китайской Народной Республики с империей инков слишком глубоко и значительно, а ведь не только руководители этих стран, но и просвещенный Запад называет их социалистическими.

Шафаревич далее пишет:

«...если социализм присущ почти всем историческим эпохам и цивилизациям, то его происхождение не может быть объяснено никакими причинами, связанными с особенностями конкретного периода или культуры: ни противоречием производительных сил и произ-

водственных отношений при капитализме, ни свойствами психики африканских или арабских народов. Попытки такого понимания безнадежно искажают перспективу, втискивая это грандиозное всемирно-историческое явление в непригодные для него рамки частных экономических, исторических и расовых категорий. Мы попробуем дальше подойти к этому вопросу, исходя из противоположной точки зрения: признав, что *социализм является одной из основных и наиболее универсальных сил, действующих на протяжении всей истории человечества*.¹

И еще:

«... такая идеология как социализм, способная вдохновлять грандиозные народные движения, создавать своих святых и мучеников, — не может быть основана на фальши, должна быть проникнута глубоким внутренним единством».²

Я тоже так думаю. Расхождение состоит в том, что Шафаревич считает основными и первичными чертами социализма «упразднение частной собственности, уничтожение религии, разрушение семьи». Он считает, что конечная цель социализма — стирание индивидуальности человека, установление всемирной шигалевщины и тоталитарного государства типа Хаксли-Орвелла. Отсюда Шафаревич делает вывод, что торжество социализма будет фактически смертью человечества и скорее всего приведет к его буквальной, физической гибели. А затем он делает следующий — уже совершенно фантастический — вывод, что именно инстинктивное стремление к смерти и является движущей силой социализма:

«Как это ни странно кажется сначала, но чем больше знакомишься с социалистическим мировоззрением, тем яснее становится, что здесь нет ни ошибки, ни aberrации: органическая связь социализма со смертью подсознательно или полусознательно ощущается его последователями, но отнюдь их не отпугивает: наоборот, именно она создает притягательность социалистических движений, является их движущей силой. Такой вывод, конечно, не может быть доказан при помощи логических дедукций, его можно проверить только сопоставлением с социалистической литературой, с психологией социалистических движений. Мы же здесь вынуждены ограничиться лишь несколькими разрозненными иллюстрациями».³

Иллюстрации Шафаревича не убеждают в справедливости его тезиса. Он обнаруживает у социалистов готовность пожертвовать собой для достижения провозглашенной высшей цели, а порой и некоторое любование этой готовностью. Черта эта — вполне общечеловеческая и свойственна отнюдь не только одним социалистам, но почему-то именно у социалистов Шафаревич расценивает ее как проявление инстинкта смерти и «пафос гибели». Приводя замечание Энгельса о неизбежности охлаждения Земли, Шафаревич и здесь усматривает никак не «плоды работы научного ума, вынужденного склониться перед истиной, как бы сурова она ни была», но проявление инстинкта смерти. В тот же котел идет и убеждение Мао, что «гибель половины населения Земного шара была бы не слишком дорогой ценой за

победу социализма во всем мире». Затем ставка делается на теорию Фрейда, что инстинкт смерти является одним из двух основных сил, определяющих психическую жизнь человека.

А дальше логика такова:

«И социализм, захватывающий и подчиняющий себе миллионы людей в движении, идеальной целью которого является смерть человечества, — конечно, не может быть понят, если не допустить, что те же идеи применимы и в области социальных явлений, то есть *что среди основных сил, под действием которых разворачивается история, имеется стремление к самоуничтожению, инстинкт смерти человечества*».

Я все-таки думаю, что инстинкт смерти (если он и существует) здесь ни при чем. Разрушительные и тоталитарные аспекты социализма, которые мы наблюдаем в истории, представляются мне не ядром этого явления, а его оболочкой, шлейфом, который можно и обрубить, если понять его происхождение. Каково же ядро социализма? Я утверждаю, что оно имеет ту же природу, что все великие религии, давшие начало великим цивилизациям прошлого и настоящего. Социализм — религия будущей глобальной цивилизации, той цивилизации, которая рождается сейчас в муках.

Уподобление социализма религии — мысль сама по себе не новая. Их сходство слишком бросается в глаза, чтобы не обратить на него внимания. Но на протяжении более чем ста лет оно неизменно воспринималось со знаком минус: как социалистами, так и людьми религиозными. Максимум, на что пошли христиане, это соединить христианскую *идейную основу* с умеренно-социалистической *политической программой*, что лишь подчеркивает противопоставление социализма религии. Социалисты приходили в ярость, когда им указывали на сходство социализма с религией. Я же провозглашаю это сходство со знаком плюс.

2.3. Религиозное чувство

Я уже говорил об иерархии целей в поведении высших животных и человека. С точки зрения внешнего наблюдателя, достижение животным различных целей, составляющих эту иерархию, необходимо для продолжения существования и размножения, то есть, в конечном счете, для продолжения существования вида. С субъективной точки зрения, процесс достижения целей связан с *эмоциями*. Детали кибернетики эмоций нам не известны. Мы знаем только, что невозможность достижения цели, которая каким-то образом уже вписана в иерархию, в план, порождает отрицательную эмоцию, а достижение цели — положительную. При достижении различных целей, например, насыщении, удовлетворении полового инстинкта, победе над противником и т. д. возникают различные эмоции. Тот факт, что эмоции вызываются целями различных уровней, а также разнообразие эмоций и некоторые данные о строении нервной системы заставляют сделать вывод, что эмоции — весьма древнее и общее явление. Вероятно, не будет ошибкой сказать, что каждой цели соответ-

ствуется своя эмоция, и разнообразие эмоций отражает разнообразие целей.

Вспомним теперь об отличии в механизме образования иерархии целей у человека и животных. Для животного высший уровень иерархии – «Высшая Цель» – представляет собой совокупность фундаментальных инстинктов. Этим инстинктам соответствуют наиболее фундаментальные эмоции. У человека мы находим способность социально обусловленного конструирования наивысшего уровня иерархии целей. Теперь зададим себе такой вопрос: если механизм эмоций заложен глубоко в структуре центральной нервной системы, то не следует ли ожидать, что в процессе метасистемного перехода, превратившего животное в человека, появление нового целевого аппарата должно было сопровождаться, в плане субъективном, появлением нового класса эмоций?

Я отвечаю на этот вопрос утвердительно и даю следующее определение: религиозным чувством я называю эмоцию, соответствующую продвижению к Высшей цели.

В своей отрицательной форме эта эмоция проявляется как безотчетная тоска, когда ясно, что чего-то очень важного не хватает, а чего – непонятно. (Это одно из первых глубоко человеческих чувств.) В положительной форме эту эмоцию называют также ощущением присутствия Бога, мистическим чувством, просветлением, благодатью и другими именами. Но и в своей высшей положительной форме религиозное чувство не лишено привкуса тоски – ибо в отличие от физического голода, духовный голод неутолим до конца: можно продвигаться к Высшей цели, но достичь ее невозможно по определению. Существо, достигшее своей Высшей Цели, должно умереть, как лосось после икрометания.

Попытаемся проанализировать понятия, связанные с религиозным чувством. Первое из этих понятий – понятие о *смысле*, то есть о смысле существования. Религиозность прежде всего понимается как наполненность существования смыслом, который делает осмысленным также и повседневные детали бытия. В свете данного мною определения религиозного чувства и взаимоотношения между высшими и низшими целями в иерархии этот аспект религиозности становится само собою понятным. Другой аспект религиозного чувства – то, что его всегда описывают как нечто «высшее» – также является очевидным следствием из нашего определения.

Далее, с религиозным чувством тесно связаны понятия о бесконечности, вечности, бессмертии. «Приобщение к вечности» – термин, который используют для описания своего опыта многие, если не все, мистики. Этот аспект связан с осознанием человеком своей смертности и со *сверхличным* характером Высшей Цели. Уже инстинкт продолжения рода, который мы находим у животных, ставит перед особью «сверхличные» (если можно так говорить о животных) цели. Но инстинкт животного не является осознанным. У человека выработка Высшей Цели происходит в сознании, в котором отражены как все уже поставленные (в том числе инстинктивно обусловленные) цели, так и ограниченность во времени своего личного существования. Ясно, что такое сознание может быть удовлетворено толь-

ко сверхличной Высшей Целью. Сознание своей смертности – один из ведущих факторов человекообразования. Оно требует какой-то формы приобщения к вечному, бессмертному.

И единственным ответом на это требование для смертного существа является формирование сверхличной Высшей Цели, выраженной в терминах вечного – или, по крайней мере, столь далеко выходящего за пределы человеческой жизни, что наше воображение не отличает его от вечного.

Еще одним важным свойством религиозного чувства является то, что, подобно другим собственно человеческим эмоциям (как например, чувству прекрасного или чувству смешного, связь которых с процессом очеловечивания я анализирую в «Феномене науки»), оно обусловлено *культурой*, а не только биологией. Биологически человек получает лишь *возможность* религиозного чувства, *способность* к нему. Чтобы реализовать эту способность, религиозное чувство должно быть *развито*, подобно тому как развивают воображение, понимание красоты, чувство юмора. Не будучи развито, оно может сохраниться в виде смутных, неосознанных импульсов, не играющих большой роли в жизни.

Логическое понятие о Высшей Цели входит в религиозное чувство, но оно отнюдь не порождает его автоматически. Глубокая связь между миром идей и миром эмоций, конечно, существует; доказательством тому служит хотя бы волнение, испытываемое человеком при удачной мысли. Но связь эта не простая. Смешно было бы думать, что религиозное чувство можно навязать простым декретированием «Высшей Цели», выраженной в тех или иных словесных формулировках. Воспитание религиозного чувства – обычно процесс длительный, требующий не только усвоения каких-то логических понятий и идей, но и каких-то *образов*, а также личного примера и непосредственного воздействия на эмоциональную сферу. Поэтому вся культура общества в целом участвует в воспитании религиозного чувства, во всяком случае – в том, что касается большого числа, масс людей; отдельные люди всегда могут иметь непохожую на других внутреннюю жизнь. Совокупность способов воспитания религиозного чувства, включая сюда, конечно, и сами словесные формулировки Высшей Цели, образуют *религию* общества.

Реальность и сила религиозного чувства не вызывает сомнений: когда человек идет на лишения и трудности и даже жертвует своей жизнью ради каких-то высших целей, то именно религиозное чувство поддерживает его и заменяет другие эмоции.

2.4. К вопросу о терминах

Когда мы используем старые термины в новом контексте – и следовательно, модифицируем соответствующие понятия, – мы берем на себя смелость утверждать, что какие-то аспекты этих понятий «существенны», и мы их сохраняем, а какие-то «несущественны», и мы можем обращаться с ними по своему усмотрению. Я беру на себя смелость утверждать,

что в употреблении термина «религия» существенным является установление сверхличной Высшей Цели (или, что то же самое, сверхличных Высших Ценностей) и наличие системы воспитания соответствующих этой цели эмоций. Наличие этих признаков необходимо и достаточно, чтобы говорить о религии и религиозном чувстве. Остальные признаки известных нам религий, в том числе и столь общие как вера в «потустороннее», выраженная в той или иной форме, должны считаться, я полагаю, несущественными, вторичными. Ибо формирование Высшей Цели — это как раз и есть тот основной элемент религии, который придает ей историческую роль, приводя в движение массы людей. Поэтому я буду называть религией, без всяких кавычек, любую систему формирования Высшей Цели, независимо от того, в какой связи она находится с традиционными религиозными учениями. Что касается этимологии слова «религия», то она тоже не мешает, а напротив, согласуется с расширительным толкованием. Это слово производят от латинского корня, означающего «связывать»; речь идет о связывании низшего, земного, человеческого с высшим, вечным, божественным. Несколько осовременивая эту трактовку, мы можем переформулировать ее как связывание личного со сверхличной Высшей Целью.

Но почему все традиционные религии мира так упорно держатся за элемент потустороннего или, выражаясь более философским языком, трансцендентного? Потому что трансцендентные понятия дают им обоснование Высшей Цели, узаконивают ее как единственно «истинную». Они подводят человека к принятию Высшей Цели.

Одна из тенденций человеческой культуры, хорошо изученная с позитивистских позиций, это тенденция к *объективированию* явлений человеческой сферы, переосмыслению их как явлений вселенского масштаба, внешних по отношению к человеку. Я не знаю, кто впервые в ясной форме указал на эту тенденцию, но у Фейербаха, в его «Сущности христианства», эта идея уже сформулирована и является основой всего сочинения. Объективирование появляется в истории культуры в разных обликах. Объективирование связи между именем и значением порождает магию первобытных народов. Объективирование абстрактных понятий порождает теорию идей Платона, а затем и другие формы философского идеализма. Трансцендентный элемент религии является объективированием трансцендентности Высшей Цели. Действительно, Высшая Цель не может быть выведена ни из какой другой цели, ибо она — высшая. Она не может быть найдена или открыта, потому что она — цель. Она может быть только установлена волевым актом, «создана из ничего», из «запредельного». В объективированном виде существование Высшей Цели преломляется как существование «другого» мира, выходящего за пределы нашего ощущения и познания.

Понятие о Боге маскирует происхождение Высшей Цели. Центр тяжести перемещается на вопрос о *существовании* Бога, а Высшая Цель объявляется одним из его аспектов, выводится из существования Бога. Вопрос *воли* превращается таким образом в вопрос *знания* или *веры* (принципиального различия между этими понятиями нет). Волевой в своей

основе акт предстает как акт откровения, раскрытия сущего. Когда этот акт свершается и религиозное чувство становится для человека неоспоримым и самоочевидным фактом его внутренней жизни, оно принимается как неоспоримое свидетельство существования Бога. Круг замыкается.

2.5. Человек Маркса и человек Достоевского

Маркс в своей исторической теории рассматривал человека как *существо экономическое*. Однако успех его теории, несмотря на ее полную беспомощность в предвидении событий, доказывает как раз обратную истину: человек не есть экономическое существо. Марксизм приобрел огромное влияние потому и только потому, что оказался успешной формой выявления и сгущения религиозного чувства под видом научно-политической теории. Ибо человек — *существо религиозное*.

Не только марксизм, но и позитивизм и, наверное, вся культура 19-го века недооценивали важности религиозного элемента. «Любовь и голод правят миром» — это был один из самых популярных афоризмов. Но любовь и голод мы находим уже в мире животных. Неужели различие между человеком и животными столь незначительно, столь поверхностно, что те самые факторы, которые в мире животных являются важнейшими и определяющими его развитие, определяют развитие и в мире человека?

В рамках моего определения религии и религиозного чувства утверждение, что человек — существо религиозное, становится почти тавтологией. Действительно, в иерархии целей и планов поведения религиозные планы образуют высший уровень. Значит, они определяют наиболее общие и долговременные аспекты поведения. Но этот формальный ответ не слишком убедителен, ибо остается открытым вопрос: до какой степени, сколь интенсивно религиозный уровень влияет на жизнь каждого человека? И как он влияет на историческое развитие общества в целом?

Выраженность религиозного элемента, интенсивность религиозного чувства и роль его в судьбе человека — вещь чрезвычайно индивидуальная и варьируется в широких пределах. Яркие образы людей с сильно — очень сильно — развитым религиозным чувством рисует нам Достоевский. Человек Достоевского — это человек религиозный *по преимуществу*. Религиозная субстанция — проблемы высшей цели и смысла жизни — пронизывает его насквозь, определяет его мысли и поступки в каждой детали, в каждой мелочи. Человек Достоевского — это человек, у которого религиозный этаж чудовищно разросся и подавил собою все остальные этажи иерархии. У человека Достоевского нет тех «простых и естественных» человеческих чувств, которые привязывают нас к материнскому чреву биологической, природной гармонией; он видит и чувствует через призму высших ценностей. И его инстинкты, сколь ни сильны они, преломляются в той же призме. В сущности, каждое

его чувство – религиозное, с присущей ему противоречивостью, ненасытностью, трагизмом. И человек Достоевского остается таковым в любви и ненависти, в добре и зле, в прекрасном и отвратительном. Великая заслуга Достоевского перед мировой культурой состоит в том, что он создал новый тип – если угодно, новый биологический вид – человека: человек религиозный, в его чистом, предельном случае. Этот новый образ, созданный Достоевским, оказал глубокое влияние на культуру 20-го века.

Экономический человек Маркса – это старый добрый человек 19-го века. Не мудрствуя лукаво, он идет на рынок, чтобы обменять один сюртук на двадцать аршин холста. На вложенный им капитал он стремится во что бы то ни стало получить максимальную прибыль и т. д. Он действует исключительно из соображений личной выгоды, из расчета, из стремления к удовлетворению своих *потребностей*. Это слово является ключевым для понимания его сущности. Человек экономический может быть определен как существо, стремящееся к максимальному удовлетворению своих потребностей. (Не могу удержаться, чтобы не процитировать одну фразу из сочинения Энгельса, которое я уже несколько раз использовал в первой части, а именно, из «Людвига Фейербаха»: «... Он (человек) должен иметь общение с внешним миром, средства для удовлетворения своих потребностей: пищу, индивида другого пола, книги, развлечения...»⁴ Трогательная простота, с которой Энгельс причисляет «индивида другого пола» к средствам удовлетворения потребностей, была бы, наверное, невозможна в наше время.)

Экономический человек – вполне законная абстракция. Его поведение относительно просто и более или менее предсказуемо; он может служить как модельный заменитель человека при решении отдельных частных задач, например, связанных с функционированием рынка, обращением капитала и т. п. Но строить на этой основе всеобщую концепцию человеческой истории, да еще с претензиями на конкретные предсказания (о, безмерная самонадеянность 19-го века!) – это то же самое, как объяснять работу электромотора по аналогии с паровой машиной, не имея представления об электрическом токе и магнитном поле.

Человек Достоевского и человек Маркса – два полюса человеческой природы. Человек Достоевского, с предельным доминированием религиозно-этического уровня, с его каждосекундным мучительным присутствием – это, конечно, не норма. Какую же роль играет этот уровень в жизни обыкновенных, нормальных людей? Каков механизм его влияния?

2.6. Исторический идеализм

... Каждая эпоха – сознательно или подсознательно – живет тем, что родилось в головах мыслителей, влияние которых она на себе испытывает.

Платон неправ, когда утверждает, что мыслители должны быть кормчими государства. Характер их господства над обществом иной – более высокий, чем простое издание законов и распоряжений и осуществление официальной власти. Они – офицеры генерального штаба, которые в уединении глубоко и всесторонне обдумывают предстоящие сражения. Те же, кто играет роль в общественной жизни, являются низестоящими офицерами-практикантами, воплощающими содержание директив генерального штаба в конкретные приказы частям и подразделениям: в такое-то и такое время выступить, туда-то и туда следовать, такой-то и такой пункт занять. Кант и Гегель властвовали над умами миллионов людей, которые за всю свою жизнь не прочли ни одной строчки их сочинений и даже не подозревали, что повинуются им.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР⁵

В первой части книги я уже говорил о взаимоотношении между высшими и низшими уровнями в иерархии планов поведения. Рассмотрим теперь этот вопрос более детально.

Наблюдая за сложными кибернетическими системами, устроенными на основе многоуровневой иерархии по управлению, мы обнаруживаем вложенные друг в друга *циклы*, то есть последовательности примерно одинаковых ситуаций, действий и т. п. Большой цикл состоит из некоторого числа повторений меньшего цикла, а сам может входить в качестве элемента в еще больший цикл. Если, например, рабочий на заводе делает заклепки на какой-то детали, то минимальным циклом здесь будет подъем и опускание молотка на заклепку. Некоторое число этих циклов, вместе с какими-то одноразовыми действиями, образуют большой цикл – постановку заклепки. Пусть на каждую деталь надо поставить двадцать заклепок – это будет следующий цикл. Циклы, связанные с производством отдельных деталей и подразумевающие наличие многих рабочих и разнообразного оборудования, соединяются в цикл производства одного изделия. Еще более крупномасштабный цикл – производство и продажа партии изделий вместе с соответствующими элементами закупки сырья и т. п. Наконец, самые крупные циклы связаны с запуском в производство новых изделий, принятием новой технической или экономической политики, сменой высшего руководства и т. д.

Подобная структура функционирования свойственна всем организованным системам. Она отнюдь не случайна, а является следствием того факта, что организованные системы образуются (филогенетически, если не онтогенетически) путем последовательных метасистемных переходов – интеграции уже существующих элементов с созданием нового

уровня управления. Каждому структурному элементу соответствует определенная временная характеристика – длительность рабочего цикла. Вновь созданный уровень управления не заменяет собой уже существующего аппарата управления в каждом из интегрируемых элементов, а лишь координирует их действия и, быть может, модифицирует их. Поэтому характерная единица действия высшего уровня включает в себя некоторую совокупность единиц низшего уровня. Образуется *цикл циклов*.

В поведении животных и человека мы можем выделить три четко различающиеся группы циклов:

- 1) Циклы, связанные с передвижением. Для человека типичным циклом этой группы является один шаг. Характерное время – порядка одной секунды.
- 2) Циклы, связанные с пищеварением. У человека этот цикл занимает несколько часов, то есть примерно 20 000 двигательных циклов.
- 3) Циклы, связанные с половым размножением; один цикл здесь можно отождествить с периодом времени, необходимым для производства потомства и доведением его до половой зрелости. Для человека это время можно принять равным 15 годам, что снова составляет примерно 20 000 циклов предыдущего уровня.

Это деление, конечно, не исчерпывает собою иерархической структуры поведения. Внутри каждого из указанных уровней есть своя тонкая структура, свои подуровни, циклы промежуточного масштаба. Но все эти циклы, имеющие общее биологическое происхождение, имеют и одну общую черту: они не выходят за пределы жизни индивидуума. Только сверхличная Высшая Цель, устанавливаемая религией (в том широком смысле, в котором я употребляю здесь это слово), может создавать нормы поведения, действующие на протяжении многих поколений. Источником этих норм является культура общества, а не биологическая природа человека. Религиозные планы поведения обеспечивают связь между поколениями; только религиозные планы могут иметь протяженность во времени большую, чем продолжительность индивидуальной жизни. По отношению к биологическим планам поведения они находятся в том же самом положении, в котором вообще находятся верхние этажи иерархии по отношению к нижним. Они не отменяют, не подменяют и не противоречат (извращения не в счет) планам поведения низших уровней. Они управляют ими – по мере сил! Да, по мере сил, ибо управление невозможно без сбоев и не тождественно полной власти. Управление, повторяю, не есть подмена собой.

Пройдемся по заводу. Мы увидим рабочих, станки, транспортеры. Но мы не сможем составить себе представления об экономической стороне работы завода: о спросе на его продукцию, о ее сравнительном качестве, себестоимости и т. д. А ведь именно этот аспект определяет, в основном, судьбу завода как целого. То же относится и к жизни общества.

Здесь мы постоянно «среди рабочих и станков». Мы постоянно путешествуем по циклам, вложенным в циклы. И самой близкой к нам, непосредственно данной нам реальностью является реальность самых внутренних, то есть самых коротких циклов. Мы всегда находимся во власти сил, которые движут нас по этим циклам. Это могущественные силы, и мы видим их действие всюду вокруг нас. Тогда мы говорим: любовь и голод правят миром. Но у движения по кругу есть одна особенность: совершив круг, мы возвращаемся в прежнюю точку. Все наши циклы имеют «наибольшее общее кратное» – круг человеческой жизни. Человек рождается, испытывает голод и насыщение, любовь и ненависть – и умирает. Одного этого достаточно, чтобы в масштабе истории сделать решающими не те очевидные и мощные силы, которые двигают нами по кругам, а те, пусть с первого взгляда и не видные, которые действуют постоянно и приводят к несовпадению конечной и начальной точек, превращая круг – по гегелевскому образу – в спираль. Впрочем, это явление происходит и на меньших отрезках времени, сравнимых с продолжительностью нашей жизни. Мы постоянно ставим себе какие-то цели и достигаем их. Круг замыкается. Мы ставим новую цель, но цикл, который она породит, не будет в точности совпадать с предыдущим циклом. Различие между этими циклами будет определяться внешними для них факторами, лежащими в следующем, более высоком, уровне иерархии.

Взгляд на общество как на многоуровневую кибернетическую систему приводит к концепции, которую я назвал выше, в противоположность марксовской концепции, *историческим идеализмом*. Она утверждает, что именно *идеи* (в широком смысле слова), которые господствуют в обществе, определяют в конечном счете его историческое развитие, его судьбу. Во взаимосвязи образа жизни (включая систему производства) и образа мышления динамическим, революционным элементом является именно образ мышления, а не образ жизни. Для кибернетика это почти очевидное следствие самых общих законов природы. Человек редко задумывается над тем, зачем он живет и как надо жить. И чаще всего, когда задумывается – запутывается. Планы поведения высшего уровня, которые господствуют в его обществе, он принимает как нечто само собой разумеющееся и не склонен замечать их влияния на свою жизнь. Ему кажется, что «всякие там высшие цели» и рассуждения о смысле жизни – это досужее философствование, не имеющее отношения к реальной жизни, к ее реальным проблемам. Но на больших отрезках времени планы поведения высшего уровня оказываются решающим фактором: они определяют трансформацию внутренних циклов с временем. Они не устраняют целей низшего уровня, но определяют методы достижения этих целей. Удовлетворить голод можно многими различными способами, и *не* чувство голода определяет, какой из этих способов будет избран. Человек Маркса, которому предложено выбрать между работой с зарплатой 150 руб. в месяц и работой с зарплатой 151 рубль, выберет вторую, независимо ни от каких «высших соображений». В действительности же, как показывают исследования социологов, фактор престижности при выборе молодым человеком

работы играет не меньшую, а как правило, большую роль, чем фактор зарплаты. А понятие о престижности различных видов деятельности – это непосредственное отражение в массовом сознании Высшей Цели, которая осознанно или неосознанно присутствует в культуре общества.

В войнах, революциях, массовых движениях, индивидуальных акциях, требующих напряжения душевных сил, – во всех этих событиях, в которых как бы происходит сгущение истории, решающее значение приобретает религиозный элемент. Не расчет, а страсти движут в этих ситуациях людьми. Человек Маркса прячется под кровать, человек Достоевского выпрямляется во весь рост со своими солнечными и теневыми сторонами.

Маркс и Энгельс при построении своей теории опирались исключительно на историю Европы. Они видели параллелизм в развитии экономики и идеологии и объявили экономику, материальное производство, первичным, лидирующим фактором, а духовную культуру, идеологию – вторичным. Этот вывод был произвольным, так как на основании единичного явления нельзя делать заключений о причинно-следственных связях. Культурный фон Западной Европы оставался для Маркса постоянным фактором, роль которого невозможно было выяснить, так как ему не было альтернативы. Со времен Маркса мы получили много свидетельств решающего влияния культурных факторов на экономические. В конце 19-го века началось быстрое проникновение европейской технологии и идеологии во многие страны: независимые и колониальные. Сравним экономическое развитие Японии и Турции. Ни та, ни другая страна никогда не была колонией. Обе, казалось бы, имели одинаковые возможности использования современных методов производства. Почему же мы видим такое резкое различие между этими странами по уровню и по темпу развития? Ясно, что именно в сфере культуры надо искать те отличия, которые позволили Японии встать на ее специфический «японский» путь развития и достичь поразительных экономических результатов. Другое сопоставление не менее поучительно. В работах Макса Вебера показана глубокая связь между протестантизмом – культурным фактором, который на первый взгляд ничего общего не имеет с экономикой, – и развитием капитализма в Европе. Европейская колонизация Америки дает блестящую иллюстрацию этой связи. Здесь мы имеем почти чистый эксперимент. На новый континент прибывают переселенцы из протестантских стран и из католических стран. Жизнь начинается заново, все находится в более или менее равных условиях. Протестантская Америка – США и Канада – становятся ведущими промышленными державами мира. Католическая Латинская Америка до сих пор числится в слаборазвитых.

2.7. Определение социализма

Социализм – это религия, провозглашающая Высшей Целью интеграцию человечества.

Давая это определение, я, как и в случае определения религии, беру на себя смелость утверждать, что в многочисленных учениях и течениях, называемых социалистическими, именно этот признак является «существенным». Я утверждаю, что именно он дает социалистическим течениям их силу, опирающуюся на религиозное чувство. В качестве альтернативы можно было бы предложить при определении социализма взять за основу стремление ко всеобщему равенству и справедливости. Однако эти черты социализма являются, как мне кажется, производными от идеи интеграции. Справедливость в социалистических учениях обычно понимается как равенство, а равенство служит средством для установления всеобщего братства. Человечество должно сплотиться в единую дружную семью – такова мечта социалистов. Сама по себе идея равенства вряд ли может вызвать религиозное чувство. Уничтожение собственности и семьи, которое проповедуется некоторыми социалистическими течениями и которое Шафаревич принимает за одну из первичных черт социализма, является производной второго порядка, выведясь из идеи равенства.

Конкретное содержание понятия интеграции может быть различным в различных социалистических учениях, но, в отличие от традиционных религий, всем им свойственно «земное», посягательство на истолкование этого понятия. Стремление приобщиться к чему-то бесконечному, вечному – органическая черта религиозного чувства. Социализм отвергает или по крайней мере не удовлетворяется трансцендентной трактовкой интеграции. Понятие о Высшей Цели неотделимо для него от человеческого общества и бессмысленно без него. Отсюда и слово «социализм». Как бы ни конкретизировалось понятие блага, для всех социалистов общественное благо – высшая цель, которую может иметь и должна иметь личность.

Вряд ли можно усомниться, что интеграция индивидуумов задевает какие-то глубоко лежащие струны в душе человека, вызывает сильнейшие эмоции. Это хорошо известный в психологии факт. Эффект интеграции мы встречаем как со знаком плюс, так и со знаком минус. Со знаком минус он описывается такими словами, как «эффект толпы», «массовый психоз». Со знаком минус мы оцениваем такие аспекты интеграции, как снятие личной ответственности, экстаз подчинения, отказ от бремени свободы. Упоение властью, с другой стороны, также имеет, по-видимому, в своей основе явление интеграции. Описывая эффект интеграции со знаком плюс, говорят о «чувстве локтя товарища», о «радости быть членом коллектива» и т. д. Индивидуализированные личностные связи – отношения дружбы и любви, основанные на тесном духовном общении, также относятся к эффектам интеграции, которым всегда приписывается знак плюс.

Из этого перечня разнообразных аспектов интеграции можно сделать вывод, что и социалистические тенденции могут приводить как к положительным, так и к отрицательным результатам. Это мы и наблюдаем в действительности. Лишь приверженность к идее интеграции безусловно роднит все социалистические течения, являясь источником их энергии и

проявляя наибольшую устойчивость по сравнению со всеми остальными чертами теории и практики. Особенно наглядно это видно на примере истории советского государства. Идеи свободы, равенства, демократии, которые содержались в исходном учении наряду с идеей социальной интеграции (стоявшей во главе угла: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), растерялись по дороге. Осталась одна интеграция. При данном мною пока определении социализма современная коммунистическая государственность должна быть причислена к одной из его форм – тоталитарной форме. Тоталитаризм – это варварская, уродливая форма социализма, когда интеграция индивидуумов достигается ценой такого насилия над ними, в результате которого они теряют свою человеческую сущность: сначала возможность, а затем и способность к творчеству, к полноценной духовной жизни.

Россия, Китай, Куба... Мы видим, как социалистические революции неизменно приводили к тоталитарному строю. С другой стороны, когда социалистические партии приходят к власти в североевропейских странах мирным парламентским путем, они не спешат называть свои страны социалистическими. Так что социализм, называющий себя социализмом, существует пока лишь в форме тоталитаризма. Это заставляет нас задать вопрос:

Возможен ли нетоталитарный социализм?

Современные тоталитарные системы порождены марксистской, а не какой-либо другой формой социализма. Поэтому в поисках пути к нетоталитарному социализму мы снова возвращаемся к анализу марксизма, чтобы исследовать как причины его успеха, так и корни тоталитарно-социалистического варварства.

2.8. Научный социализм

Прошло более ста лет с момента возникновения марксизма, а он и по сей день остается самой активной и, наверное, самой распространенной формой социализма – даже исключая тоталитарно-социалистические страны, где он навязывается насильно. Какие же черты марксизма обеспечили ему это положение? Общеизвестно, что ни одно предсказание Маркса не сбылось. Почему же так много людей упорно называют себя марксистами?

Ответ на второй вопрос заключается, как мне кажется, в том, что сами марксисты (хотя они в этом и не склонны признаваться) относятся к марксизму именно как к *религиозному учению*, а не научной теории. Если все (пусть – многие) предсказания теории оказываются ложными, то от теории не остается ничего. И в этой ситуации люди обычно меньше всего склонны держаться за имя создателя теории. Скорее, они стремятся откреститься от него, стремятся подчеркнуть, что теперь они создали или создают *новую* теорию, которая, в отличие от старой, дает правильные предсказания. Напротив, когда речь идет о целевой установке, лежащей в основе религии, люди склонны связывать ее с именами первых, самых древних основателей. Древность религии идет ей на пользу. Она доказывает, что ее целе-

вая установка свойственна природе человека, играет роль в истории человечества. Время освещает Высшую Цель, делает ее традиционной. Религиозная преемственность поколений несет в себе идею интеграции: интеграции во времени.

Причина огромного влияния Маркса на историю, очевидно, в том, что он осуществил чрезвычайно удачный для своего времени синтез религиозного элемента с политическим и научными элементами.

Синтез социалистической религии и политического революционного движения осуществляется посредством понятия о пролетариате как о классе, исторической миссией которого является установление социализма путем революционного ниспровержения существующего порядка. Ленин пишет: «Направление социализма к слиянию с рабочим движением есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата». Создатели, руководители и наиболее активные участники марксовского социализма не были рабочими; не за свое собственное, личное, освобождение от уз капитала они боролись, не за кусок хлеба для своей семьи. Ими двигали силы религиозные, стремление к социалистическому идеалу. И самым верным – нет, единственно возможным – способом достижения этого идеала они считали опору на гнев обездоленного человека, на его революционный потенциал. Задача социалистов-интеллигентов, учил Ленин, есть привнесение революционной социалистической идеологии («социалистической сознательности») в рабочие массы.

Синтез религии и науки был осуществлен Марксом посредством создания им понятия о *научном социализме*. Осознание огромной роли науки и технического прогресса и влияния их на общество не было, конечно, чем-то новым в эпоху Маркса. Идея прогресса – любимое детище Эпохи Просвещения второй половины 18 века. Гердер, Кондорсе и другие упиваются идеей прогресса, она уже принимает у них религиозный характер. На рубеже 18-го и 19-го столетий происходит соединение философского рационализма с традиционными атрибутами религии, с религиозной эмоцией, начинается конструирование рационалистических религий. Якобинцы проповедуют культ Разума. Робеспьер выступает на празднестве в честь «Верховного существа». Огюст Конт (1798-1857) проповедует позитивистскую религию человечества. Во французском социализме (домарковском) развитие науки и промышленности – один из столпов учения. У Сен-Симона мы находим формулу: «основой свободы является промышленность». Более того, Сен-Симон провозглашает, что к истории общества надо подходить с научных позиций и что такой подход приводит к выводу о неизбежности установления нового общественного порядка. Таким образом, не Маркса, а Сен-Симона следовало бы считать основателем научного социализма. Однако случилось так, что именно концепция Маркса покорила многих современников как наиболее тесно связанная с научным мышлением, и термины «марксизм» и «научный социализм» стали отождествляться.

Этому, конечно, способствовало и то, что Маркс и Энгельс постоянно подчеркивали научный характер своего вероучения, называли его не иначе, как научной теорией, научным открытием. В работе «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс пишет:

«Этими двумя великими открытиями – материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости – мы обязаны Марксу. Благодаря этим открытиям социализм стал *наукой*, и теперь дело прежде всего в том, чтобы разработать ее дальше во всех ее частностях и взаимосвязях». Наконец, нельзя не признать, что Маркс и Энгельс сами были учеными, специалистами в области науки об обществе, и были неплохо знакомы с естественными науками. Сильные и слабые стороны их учения отражают дух науки того времени.

Что такое «научный социализм»? Если социализм – это религия, то не является ли это сочетание слов противоречивым, бессмысленным?

Высшая Цель не может быть выведена ниоткуда. Даже из науки. Сколько бы мы ни занимались наукой, сколько бы мы ни изучали устройство мира, мы никогда не узнаем, к чему мы *должны* стремиться. Но наши познания о мире, понятия, которые мы используем, язык, на котором мы говорим, – все это имеет, тем не менее, самое непосредственное отношение к формированию и выражению Высшей Цели. Научный метод, научная картина мира не определяют однозначно религиозных ценностей, то есть религиозной Высшей Цели. Но они создают ограничения, делают одни варианты религии более приемлемыми, а другие – менее приемлемыми; они дают способы выражения религиозных ценностей. Волевая компонента – декларирование Высшей Цели – является ядром религии. Но это ядро не висит в безвоздушном пространстве, оно неразрывно связано с культурой общества в целом. Если помнить об этом, то понятие о научном социализме представляется совершенно естественным. В эпоху науки социализм, чтобы иметь шансы на успех, должен быть научным.

Взглянув в свете этих соображений на научный социализм Маркса, мы сможем разделить его мнимое и подлинное значение и в противоречии между ними усмотреть одну из причин его деградации. Марксизм с самого начала выдавал себя за научную теорию. Он, действительно, содержал в себе элемент научной теории, которая, как и все теории в науке об обществе, была весьма упрощенной, приблизительной (можно даже сказать сомнительной) и очень быстро устарела. Но подлинное значение марксизма состояло в том, что он был религией, опирающейся на современную ему науку, религией, выражаемой и проповедуемой в научных терминах. Это был, действительно, научный социализм. И именно в этом качестве он произвел неотразимое впечатление на современников и продолжает производить впечатление до сих пор. Ибо в 19-ом веке возникла потребность заполнить вакуум, образовавшийся вследствие распада христианства. Эта потребность стала в 20-ом веке еще более настоятельной. Порок марксизма не в том, что он есть форма религии (напротив, это

его достоинство), а в том, что он, во-первых, не хочет это открыто признать, а во-вторых, базируется на безвозвратно пройденном этапе научной мысли.

2.9. Век нынешний и век минувший

Как я отмечал в первой части, логика становления марксизма – это логика политического прагматизма, ставящего своей целью во что бы то ни стало и как можно скорее осуществить социальную революцию. Но содержание и успех марксизма – нечто отличное от логики его становления. Политический прагматизм бывает свойственен лидерам движений, рядовые же участники вовлекаются в них не в результате хитрого расчета, а под действием эмоциональных и интеллектуальных факторов, имеющих более глубокую природу и часто не осознаваемых. Марксизм – социализм 19-го века. Марксистский нигилизм, идейную основу тоталитаризма, нельзя объяснить одним лишь политическим прагматизмом, он имеет корни в научном мировоззрении той эпохи. Картина мира, которую рисовала Марксу и Энгельсу современная им наука, была в общих чертах такова. В более или менее пустом трехмерном пространстве (то есть совершенно пустом, по одним теориям, и заполненном почти нематериальным эфиром, по другим теориям) движутся весьма малые частицы вещества. Эти частицы действуют друг на друга с силами, которые однозначно определяются их взаимным расположением и скоростью. Силы взаимодействия, в свою очередь, однозначно (по законам Ньютона) определяют дальнейшее движение частиц. Таким образом, каждое следующее состояние мира однозначно определено (детерминировано) его предыдущим состоянием. Детерминизм был характерной чертой научного мировоззрения того времени.

В этом мире нет места для свободы, она иллюзорна. Человек, который сам есть лишь совокупность частиц, не принадлежит самому себе, а движется, подобно заведенному часовому механизму. Вообще, вся духовная жизнь человека и человеческая личность – иллюзорные понятия.

Конечно, философы всегда понимали относительность всякой картины мира. Тот факт, что все наши знания о мире – продукт чувственного восприятия, был осью, вокруг которой вращалась вся европейская философия. Великий критик Иммануил Кант, предвосхищая науку 20-го века, даже пространство, время и причинность – святая святых механистического мировоззрения – отказался признать «вещами в себе», а объявил формами нашего восприятия действительности. Но как раз философы-материалисты в то время были наименее чувствительны к критической философии. Вместе с неискушенным «простым человеком» они стояли на позициях наивного реализма, который критическую философию просто отбрасывал, не зная, что с ней делать. По-видимому, большинство естествоиспытателей также стояло на наивно-реалистических позициях. И это было естественно. Наука в то

время еще не нуждалась в критической философии. В некотором смысле для ученого было даже «правильнее» быть наивным реалистом, чем критиком: это активизировало работу в рамках механистической концепции, пока она себя не изжила.

Социализм 19-го века возник на почве материалистической наивно-реалистической философии. Маркс и Энгельс воспитывались как гегельянцы, то есть в духе предельно некритическом, антикритическом. Перейдя в материализм, они лишь сделали, как говорят в математике, некоторые переобозначения. Ленин был в такой степени политическим прагматиком, что не ясно, можно ли говорить о наличии у него взглядов как чего-то отличного от целей. А его целям, разумеется, соответствовал наивный реализм «простого человека»; со страстью и руганью защищал он его от подъема научно-критической философии в начале 20-го века.

Итак, основатели социализма и первые поколения их последователей действовали на фоне механистической картины мира 19-го века. Строения, которые они воздвигли, хорошо вписываются в этот пейзаж. Неудивительно, что в них неуютно жить человеку. Основу общества, как и основу мира, составляют бездушные, абстрактные сущности: производительные силы, производственные отношения, классы. И они неумолимо трансформируются под действием столь же бездушных и вневечных сил.

Даже самый рьяный сторонник научного мировоззрения (а я себя отношу к таковым) не может не признать, что в социализме 19-го века ровно столько человечности, сколько осталось в нем от христианского, то есть донаучного, мировоззрения. Для Маркса и Энгельса понятия о личности и свободе были чем-то само собой разумеющимися. Они употребляли их довольно часто и не видели большой беды в том, что эти понятия не входят в *основания* их системы. Вероятно, они этого просто не замечали. Но это так, и это очень важно. В лучшем случае понятия личности и свободы в качестве наследства предыдущей эпохи могли быть пристегнуты к системе, умерив «социалистичность» социализма. Так и произошло в тех странах, где это наследство прочно укоренилось в общественной традиции. А там, где такой традиции не было, марксистская система взглядов действовала в чистом виде и привела к своему естественному результату: тоталитарному обществу.

В 20-ом веке мировоззрение претерпело радикальное изменение: оно включило в себя критическую философию, сделало ее своей неперемнной и неотъемлемой частью. Произошло это под давлением необходимости и не без сопротивления со стороны ученых, привыкших к наивно-реалистическому подходу. Оказалось, что физические явления на атомном уровне не могут быть поняты в рамках наивного реализма, а требуют подхода с позиций критической философии. Таким образом, наряду с конкретными открытиями 20-го века в области физики микромира, мы должны рассматривать *неизбежность критической философии* так же, как *научное открытие*, — величайшее научное открытие 20-го века.

Принятие позиций критической философии означает, что смысл и задачу научных тео-

рий видят не в том, чтобы раскрыть сущность вещей «как они есть, независимо от наблюдения», а лишь в том, чтобы упорядочить наши ощущения и частично предсказать их. Мы стали гораздо скромнее, бесконечно скромнее, чем были ученые в 19-ом веке. А мир стал гораздо таинственнее. Оказалось, что объект и субъект познания неразделимы, и из-за этого при попытке зайти дальше некоторой черты в исследовании «вещей в себе» мы натываемся на различные невозможности и парадоксы.

Мы знаем теперь: представление, что мир «на самом деле» есть пространство, в котором по определенным траекториям движутся маленькие частицы, – иллюзорно; оно приходит в противоречие с экспериментальными фактами. Картина мира, которую дает современная наука, не выходит за рамки наших ощущений. Метафизическое «на самом деле» отвергнуто окончательно и бесповоротно. Но этого мало. Вместе с «на самом деле» пал и его постоянный спутник – детерминизм, убеждение, что «на самом деле» все явления имеют свои причины и однозначно определяются ими. И это не просто абстрактный результат принятия критической философии, а глубокая черта современной физической теории, многократно подтвержденная экспериментом. Мы знаем теперь, что есть явления, у которых нет и не может быть причины.

Критическая философия и крушение детерминизма лишают нас права объявить элементы нашего духовного опыта, и в частности свободу воли, «иллюзией», которой «на самом деле» не существует. Ибо это такой же факт бытия, как и данные пяти органов чувств. Крушение детерминизма не только оставляет в современной научной картине мира место для свободы личности, но, я сказал бы (хотя здесь, конечно, кончается наука и начинается философия), оставляет *пустое* место, которое *нельзя не заполнить*. В новом, таинственном мире науки 20-го века понятия о личности и свободе органически входят в научное мышление. Механистическая модель мира как часового механизма больше не застилает нам глаза.

Энгельс называет три научных открытия 19-го века, которые имели фундаментальное значение для марксистского мировоззрения. Это закон сохранения энергии, клеточное строение живого вещества и эволюционная теория Дарвина. Я хочу назвать три открытия 20-го века, имеющие фундаментальное значение для научного мировоззрения нашего времени. Это, впрочем, не открытия, а целые группы открытий.

- 1) Новая физика: теория относительности и квантовая механика. Именно эти открытия заставили пересмотреть наши представления о пространстве, времени и причинности.
- 2) Новая математика: математика и теория алгоритмов. Наиболее важные открытия здесь – знаменитая теорема Геделя и существование алгоритмически неразрешимых проблем. Они нанесли еще один удар по самоуверенности ученых, уже потрясенной открытиями новой физики. Новая математика изучает так называемые *знаковые си-*

стемы, которые имеют двоякое значение. Во-первых, их можно представить себе как идеализированные материальные устройства, например – механические. Эти устройства сравнительно просты и могут находиться лишь в совершенно четко отличающихся друг от друга состояниях. Идеализация же состоит в том, что они могут работать сколь угодно долго без сноса и что в их распоряжении может быть сколь угодно много *памяти*, например, ленты с квадратиками, в которых можно ставить и стирать точку. Во-вторых, значение знаковых систем в том, что все наши теории (в том числе и теории о знаковых системах) являются знаковыми системами. И вот оказалось, что даже в этом идеализированном мире знаковых систем, где нет ошибок измерения, случайных сбоев и т. п., – даже в этом чистом и благородном мире существует уйма невозможностей, которые ограничивают нашу способность предсказания. Уже такая несложная система как арифметика обладает тем свойством, что не существует конечного набора аксиом, из которого можно вывести все истинные арифметические утверждения. Другая невозможность: берем знаковую систему, приводим ее в некоторое начальное состояние и запускаем в движение; не существует такого алгоритма (общего метода), который по начальному состоянию всегда определил бы, остановится ли система в конце концов или нет.

- 3) Новая научная дисциплина – кибернетика, со своими понятиями и подходами, применимыми к объектам любой природы, в том числе к живым организмам и человеческому обществу. О ней у нас речь пойдет особо.

К какой же концепции общества ведет современное научное мировоззрение? Каким может быть социализм 20-го и 21-го века? В чем он может совпадать и в чем отличаться от социализма 19-го века? И нужен ли вообще социализм? Какие есть альтернативы?

Обсуждение этих вопросов я построю следующим образом. Сначала мы рассмотрим, опираясь на исторический опыт социалистического движения, два общих вопроса, важных для религиозно-этических учений: о роли трансцендентного и о взаимоотношении между знанием и волей. Затем, отталкиваясь опять-таки от марксизма, я перейду к понятию эволюции как связующего звена между описанием действительности и Высшей Целью. Затем я сформулирую свое представление о научном социализме 20-го века и перейду к обсуждению его некоторых конкретных черт в сопоставлении с социализмом 19-го века.

2.10. Трансцендентность и идолопоклонство

Социализм отличается от традиционных религий отсутствием понятия о трансцендентном. Это религия, опирающаяся лишь на Человека и его Разум, а не на благоволение к нему неких «высших сил», выходящих за пределы нашего ощущения и понимания. Ее исто-

ки – в Эпохе Просвещения. Ученик Сен-Симона Огюст Конт предпринял первую попытку систематического построения «религии человечества» и общественного устройства, которые были бы основаны на достижениях науки и «позитивной» философии (от него и пошел термин *позитивизм*). Контом руководили наилучшие побуждения – указать человечеству путь к благоденствию и счастью, но построенная им система вызывает содрогание ужаса: это убогий и мрачный тоталитаризм.

Я думаю, что от начала 19-го века ничего другого нельзя было и ожидать, и я уже говорил почему. Но есть и другая точка зрения, согласно которой порочен сам замысел религии человечества, а точнее – религии без трансцендентности. Такова, в частности, точка зрения Альбера Камю. Камю – глубокий и яркий мыслитель нашего времени. Он был одним из немногих, кто еще в 40-х годах имел мужество, вопреки интеллектуальной моде, царившей на Западе, вникнуть в сущность тоталитарного социализма и восстать против него. Я приведу длинную выдержку из его «Мятежника»:

«Конечные результаты, к которым пришел Конт, курьезным образом напоминают то, что было в конечном счете принято научным социализмом. В позитивизме мы совершенно явственно слышим отзвуки идеологической революции 19-го столетия, одним из представителей которой является также Маркс и которая состояла в том, что Райский Сад и Откровение, которые традиция помещала ранее в начало истории, теперь стали помещать в конец ее. Позитивистская эра, которая должна была последовать за метафизической и теологической эрами, знаменовала собой, по замыслу Конта, наступление религии человечества. Анри Гуйе очень точно определяет направление мышления Конта, говоря, что он ставил целью открыть человека, лишенного всяких следов Бога. Первоначальная цель Конта, которая была заменить всюду абсолютное на относительное, очень скоро трансформировалась под давлением обстоятельств в обожествление относительного и в исповедание новой религии, одновременно универсальной и лишенной трансцендентности. В якобинском культе разума Конт видел предвосхищение позитивизма и рассматривал себя, имея на то полное право, как подлинного преемника революционеров 1789 года. Он продолжал эту революцию и расширял ее охват, ведя борьбу с трансцендентностью принципов и систематически конструируя религию биологического вида. Именно это означала его формула «устранить Бога во имя религии». Положив начало мании, которая с тех пор стала весьма модной, он хотел быть святым Павлом этой новой религии и заменить Римское католичество Парижским католичеством. Мы знаем, что он хотел видеть во всех соборах «статую обожествленного человечества в прежних алтарях Бога». Он рассчитал, что не позднее 1860 года в Соборе Парижской Богоматери будут проповедовать позитивизм. Этот расчет не так смешон, как кажется. Собор Парижской Богоматери, правда, еще сопротивляется, хотя уже и осажден: но религия человечества весьма эффективно проповедовалась к концу 19-го века, и Маркс, несмотря на то что он не читал Конта, был одним из ее пророков. Но только Маркс понял,

что религию, которая не имеет элементов трансцендентного, следует называть, как и положено, политикой. Если на то пошло, Конт тоже знал это или по крайней мере понимал, что его религия была, по существу, формой социального идолопоклонства, включающей политический реализм, отрицание индивидуальных прав и установление деспотизма. Общество, где ученые будут священниками, две тысячи банкиров и инженеров управляют Европой с населением 120 млн. человек, где частная жизнь абсолютно отождествлена с общественной, где люди абсолютно послушны «в действии, мысли и чувстве» первосвященнику, – такова утопия Конта, которая возвещает собою то, что можно назвать горизонтальными религиями нашего времени. Убежденный в просвещающей силе науки, Конт забыл о необходимости полиции. Другие будут более практичны: религия человечества будет основана на крови и страданиях человечества».⁶

Безапелляционное догматическое провозглашение существования чего бы то ни было неприемлемо для ученого. Современный позитивизм, в отличие от его ранних форм, готов принять любые языковые конструкции, если они способствуют организации чувственного и духовного опыта. Если, например, четырехмерная модель мира объясняет экспериментальные факты, то мы можем говорить, что четвертое измерение *существует* без всяких кавычек, как мы говорим о существовании ньютоновской силы тяготения. И если бы в нашем распоряжении были какие-то факты, которые было бы удобно описывать как продолжение существования души после распада тела, то мы говорили бы о бессмертии души. Но в традиционных религиях трансцендентные понятия вводятся догматически, и существование запредельного понимается без всякого анализа, чисто метафизически: что оно «на самом деле» существует и об этом становится известно благодаря «откровению». Ученый не может рассматривать так понятое «существование» иначе как чистый самообман, поэтому все эмоциональные аспекты трансцендентного для него теряются: они вянут и гибнут от сурового дыхания неверия. В интеллектуальном плане на этой основе также нельзя построить чего-либо достойного уважения. Христианская теология поражает меня своей унылой бесплодностью. В свое время она, конечно, была важной формой интеллектуальной жизни, но сейчас ее нельзя рассматривать иначе как анахронизм. Я, правда, не могу причислить себя к знатокам теологии. Но я пытался познакомиться с ней, читал, в частности, одно элементарное введение в христианское мировоззрение, рассчитанное на новичков. Когда речь идет о Христе и нравственных принципах его учения, это живые человеческие слова. Когда начинается теология, читать становится невозможно.

Тем не менее, я привел выдержку из Камю не столько для того, чтобы спорить с ним, сколько для того, чтобы согласиться в главном – в противопоставлении трансцендентных религий различным видам идолопоклонства. Но я хочу осмыслить это противопоставление не в традиционных (для религий) метафизических терминах, а с точки зрения операционалистской: нас будет интересовать вопрос, в каких именно *наблюдаемых проявлениях* разли-

чаются идолопоклонство и трансцендентная религия. Поставив так вопрос, мы приходим к следующему определению: идолопоклонство связывает религиозное чувство с *конкретными предметами*, трансцендентная религия – с *предельно абстрактными понятиями*.

В плане эволюционных возможностей различие между этими двумя видами религии чрезвычайно велико. Идолопоклонство неминуемо ведет к ограничению творческой свободы, к застою и окостенению общества. Трансцендентная религия по крайней мере *допускает* бесконечное развитие. Ибо содержание абстрактных понятий меняется по мере эволюции культуры; цели, сформулированные в предельно абстрактных понятиях, трансцендентны, недостижимы, как и подобает Высшим Целям.

Идолопоклонство зовет человека к идолу, трансцендентная религия – к Богу, то есть в смутно угадываемую бесконечность. Именно в абстрактности Высшей Цели, а не в наличии метафизической трансцендентности состоит наблюдаемое различие. Великие монотеистические религии стали возможны лишь после достижения некоторого уровня абстрактного мышления. Бог этих религий – абстрактная идея.

В своем конкретном социальном воплощении никакие трансцендентные религии не свободны полностью от идолопоклонства (чего стоит один принцип непогрешимости Римского Папы). В процессе конкретизации абстрактных идей конкретные цели и предметы становятся их воплощением. Когда они заслоняют собой фундаментальные абстракции, можно говорить об идолопоклонстве. В таких случаях борьба против идолопоклонства – это борьба за возрождение и обновление подлинной трансцендентной религии. Реформация в Европе дает яркий тому пример. Идолопоклонство – одно из варварств трансцендентной религии. Если мы находим его в христианстве, то не удивительно, что мы находим его и в социализме. Культ вождя, культ класса, культ расы – различные формы социалистического варварства. Культ нации, который в 20-ом веке стал всеобщим бедствием, – также варварская форма социализма; современный национализм силен и страшен тем, что имеет религиозную окраску: здесь действует человек Достоевского, а не человек Маркса. Наконец, культ человечества в целом – это тоже идолопоклонство и варварство. Никакие конкретные люди – ни по отдельности, ни в своей совокупности – не должны стоять на верхней ступеньке иерархии целей и планов. В лучшем случае культ человечества – это пошлое самолюбование и самовосхваление, нужное лишь тому, кто в сердце своем не ощущает грандиозности «феномена Человека». Стыдно смотреть на тысячи плакатов: «Слава КПСС!», «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!», «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и т. п., которые развешиваются по всему Советскому Союзу по инициативе и под наблюдением этой самой партии. Было бы очень грустно, если бы эта манера самовосхваления (отражающая, в сущности, комплекс неполноценности) распространилась на все человечество.

Определяя социализм как религию интеграции, я стоял на позиции описательной, а

не нормативной. Я пытался лишь выявить ту общую основу, которая роднит различные социалистические течения и придает им жизненность. Но это не значит, что я вообще не намерен становиться на нормативные позиции, то есть высказывать свои суждения о том, каким должен быть социализм. Я намерен. Можно даже сказать, что я намерен проповедовать определенную религию или определенную форму религии. И эта религия будет тесно связана с наукой, неотделима от нее, подобно тому как монотеистические религии неотделимы от языка, содержащего абстрактные понятия. Ирония Камю – как по поводу моды на «Святых Павлов», так и по поводу «просвещающей силы науки» – меня не трогает. Я не вижу, почему проповедь новой религии должна рассматриваться как более претенциозное дело, чем провозглашение новой научной теории. В конце концов, религий существует столько же, сколько людей. Человек, пытаясь ответить на вопрос, зачем он живет, приходит к выводам, которые могут быть по меньшей мере столь же интересны для его собратьев, как выводы о движении планет или строении тела насекомых. Тот факт, что его выводы имеют нормативный характер, не свидетельствует о нескромности: ведь таков характер предмета, с которым имеет дело религия. А наука и в самом деле обладает огромной просвещающей силой, хотя она никогда не претендовала на то, чтобы заменить собою полицию.

В свете сказанного, я делаю нормативный вывод: религия должна основываться на предельно абстрактных формулировках, связанных с Высшей Целью. Мое описательное определение социализма опирается на никак не конкретизированное понятие интеграции человечества и, следовательно, удовлетворяет этому требованию. Оно очень широко и включает, в частности, варварские формы социализма. Я буду строить норматив путем сужения этого определения. Но сужение не есть полная конкретизация. Постоянная часть религии должна сохранить предельно абстрактную формулировку, выраженную в понятиях, взятых из науки и трансформирующихся по мере развития науки. Такую религию можно назвать трансцендентной. Она является естественным продолжением метафизически трансцендентных религий в обществе, принявшем критическое научное мировоззрение. Если воспользоваться метафорой Камю, такая религия не «горизонтальна», а «вертикальна», направлена ввысь: ее идеалы, вызывающие религиозное чувство, лежат не в сфере непосредственно окружающих нас явлений, а в абстракциях высокого уровня. Замена метафизической трансцендентности на подлежащую критическому анализу трансцендентную абстрактность – неизбежный результат вторжения в область религии философии современного ученого.

2.11. Знание и воля

Я приведу еще одну выдержку из Камю. Сравнивая реальность сталинской империи с предсказаниями марксизма, он пишет: «Как мог так называемый научный социализм до такой степени противоречить фактам? Ответ прост: он не был научным. Напротив, его

поражение явилось результатом его весьма сомнительного метода, претендовавшего на то, чтобы быть одновременно детерминистическим и пророческим, диалектическим и догматическим. . . . Задачей исторического материализма может быть только критическое исследование современного общества; оставаясь в рамках научного метода, он может приводить лишь к некоторым предположениям об обществе будущего. Не потому ли важнейший труд Маркса называется «Капитал», а не «революция»? Маркс и марксисты ударились в предсказание будущего, в пророчества о неизбежной победе коммунизма в ущерб своим собственным постулатам и научному методу. . . . Марксизм не научен: в лучшем случае он обладает научными предрассудками. В нем ярко проявилось глубокое различие между научной логикой, этим плодотворным инструментом исследования, мысли и даже восстания, и исторической логикой, которую изобрела немецкая идеология путем отрицания всех принципов. Историческая логика — это не та логика, которая может, в рамках своих собственных функций, выносить суждение о мире. Претендуя на суждение о событиях, она в действительности определяет их, выступая как явление воспитывающее и всепобеждающее. . . . Эта псевдологика в конце концов отождествляет себя с хитростью и стратегией, стремясь к созданию идеологической империи. Какую роль может играть наука в этой концепции? Ничто не лишено в такой степени тенденции к завоеванию, как рассудок. Историю не делают со щепетильностью, требуемой наукой; можно даже сказать, что с того момента, как мы решаем действовать с научной объективностью, мы обречены на безуспешность попыток делать историю. Рассудок не проповедует, а если он проповедует, то это не рассудок».⁷

Соглашаясь с Камю относительно противоречия между пророческой и научной компонентами марксизма, я решительно не согласен с ним по вопросу о роли рассудка и науки в истории. Камю, с моей точки зрения, неправильно проводит разделительную линию между элементами, подлежащими разделению. Немецкая историческая логика предстает у него безусловным злом, которое он противопоставляет научной логике. Действительными же элементами, глубоко отличными по своей природе и функции, которые надо выделить и противопоставить, являются элемент знания и элемент воли. Под научной логикой понимают первый элемент, взятый в его чистом виде. Научное исследование должно быть непредвзятым, бесстрастным: если исследователь ставит своей целью прийти к определенным выводам, то грош цена такому исследованию. Второй элемент — чистое, ни на чем не основанное и никак не оправдываемое волеизъявление. Этот элемент можно назвать иррациональным, он выпадает из сферы действия рассудка, логического рассуждения.

Несколько слов о терминах «рассудок» и «разум». Франко-английское слово *raison* — *reason*, которое использует Камю в приведенном отрывке, трудно для перевода на русский язык. Я переводил его здесь то как «логика», то как «рассудок». В других случаях его переводят как «разум». В русском языке слово «разум», в отличие от слова «рассудок» явно включает в себя волевую компоненту. Если бы одну из фраз Камю в приведенном

выше отрывке я перевел так: «Ничто не лишено в такой степени тенденции к завоеванию, как разум», то вряд ли хотя бы один русский согласился с этим утверждением. Заменяя «разум» на «рассудок» и понимая под рассудком чистое знание о мире, наличие в мозгу каких-то моделей действительности без всякой примеси волевой компоненты, цели, я могу согласиться с этой фразой: она становится верной по определению.

Итак, мы будем разграничивать элементы знания и воли. Можем ли мы представить «историческую логику» немецкой идеологии (лучше всего выраженную, очевидно, Гегелем) как полную противоположность научному методу? Это было бы несправедливо, ибо она содержит также и познавательный элемент. Но, конечно, и волевой элемент, элемент установки, оценки, она содержит в избытке. Этим и объясняется ее активная историческая роль. Беда не в том, что немецкая идеология пыталась соединить волевой и познавательный элементы, а в том, что в ней Воля маскировалась под Знание. Из Гегеля маскировка Воли под Знание перекочевала в марксизм, я уже говорил об этом в первой части книги. Печальный результат этого трюка состоит в том, что элемент знания, науки оказывается в безнадежно трудном положении; потеряв свою беспристрастность, наука становится служанкой политики. Воля, замаскированная под Знание, — это волк в овечьей шкуре, который пробирается в овчарню и уничтожает овец. Пророческо-политический, то есть волевой, элемент в марксизме сожрал его научный элемент.

Но это вовсе не значит, что элементы воли и знания несовместимы в истории, исключают друг друга. Все мы знаем из своего жизненного опыта, что их удастся, худо ли бедно, совмещать в личной жизни, так почему бы им не совмещаться и в истории? Не надо только маскировать одно под другое. После потрясения, вызванного в европейской культуре Первой мировой войной, стали модными иррационалистические и антирационалистические течения мысли. Все больше людей стали говорить о «разочаровании в силе разума», о «неспособности разума определять историю» и т. п. Ужасы гитлеризма и сталинизма явились, как полагают, подтверждением этих взглядов, которым и Камю, в частности, отдает дань. В своих теоретических основах эти течения опираются на принципиальное различие между знанием и волей, на иррациональность волевого акта. Но антирационалисты почему-то игнорируют тот факт, что трагические события 20-го века — результат не избытка разума, а его недостатка. Это не было столкновением между Академиями наук разных стран. Демагогия, приведшая к войнам, опиралась на психологию *массового человека*. Именно массовая психология, а не борьба воинственной аристократии стала определять внутреннюю и внешнюю политику в странах Европы. А массовую психологию человека 20-го века можно обвинить в чем угодно, но только не в чрезмерной роли рассудка и логики. Разум был отеснен на задний план, и пока он не завоюет необходимых позиций (а мне кажется, что на это можно надеяться), рано судить о том, что он может и чего не может в истории.

Выдавая свою религию за научно обоснованную политику, Маркс, в сущности, совершал

обман. (Конт был честнее: религию он называл религией.) Обман никогда не проходит безнаказанно: марксизм поплатился за него догматизацией. Хотя и неохотно, хотя и в неявной, непризнаваемой форме, марксизм вынужден был прибегнуть к тому самому способу соединения знания и воли, критика которого была лейтмотивом развития европейской науки. Этот способ – догматическая вера, он лежит в основе христианской религии. Соединение знания и воли достигается путем слияния этих элементов в понятие о Боге. Конкретные аспекты понятия о Боге отражаются в ряде догматов и священных текстов, которые предлагается принять как истины высшей инстанции, не подлежащие сомнению и обсуждению. Так как догматы содержат понятия о Добре и Зле, они являются, фактически, целевыми установками, направляющими нашу волю. Ибо мы называем добром то, к чему надо стремиться, а злом – то, чего надо не допускать. Для религии научной эпохи догматическая вера неприемлема. Соединение знания и воли необходимо, но они не должны сливаться в сплошную нечленораздельную массу. Они должны быть соединены в систему при четком различии между ними. И здесь, как и всюду, прогресс достигается путем метасистемного перехода! Элементом метасистемы в данном случае является наша способность постоянно разграничивать сферу знания и сферу воли.

Итак, мы можем сформулировать следующий важный вывод о различии между логической основой прежних религий и религии в эпоху критического мышления:

Вместо догматической веры в то, что «так надо, ибо это есть Добро», современная религия предлагает человеку совершить личный волевой акт установления Высшей Цели, сделать свободный выбор и осознать свою свободу в этом выборе.

Движение к синтезу знания и воли имеет, кроме чисто философского плана еще и социальный план. Для действительного внедрения в общественную жизнь реального и в то же время совместного существования этих двух элементов необходимы гарантии для каждой личности свободного обмена информацией и идеями. Без признания обществом этого принципа, без его глубокого проникновения в сознание каждого человека, политическая воля неизбежно будет ослеплять самое себя и заводить в трагические тупики, подобные тому, в котором находится сейчас советское общество. Умение сохранять объективность в исследовании и в теории, независимо от целевых установок и эмоций, должно стать частью культуры, массовой культуры. До известной степени разделение между знанием и волей в обществе может выражаться в разделении функций между учеными и политическими деятелями. Но только до известной степени. Синтез эффективен лишь тогда, когда он совершается в мышлении каждого человека.

2.12. Великая Эволюция

В концепции Маркса есть привлекательные, с точки зрения ученого, черты. Главная из них не только не устарела к нашему времени, но, напротив, оказалась в самом центре внимания. Это – представление об эволюции мироздания, его необратимом изменении, подчиняющемся какому-то общему закону.

В плане методологическом и гносеологическом философия марксизма (диалектический материализм) – типичный пример того, что Конт называет «метафизической философией», а именно, объективирование абстрактных понятий до некоторых сущностей. Критический позитивистский анализ, который лег в основу современной научной философии, совершенно не коснулся диалектического материализма – во всяком случае, в его советской форме. Но если не рассматривать диалектический материализм как всеобъемлющую философскую систему, включающую в себя «единственно научную и прогрессивную», по утверждению советских учебников (а на деле антинаучную и реакционную), гносеологию, то он предстает в гораздо более привлекательном свете.

Прежде всего, мы видим, что в религиозной системе Маркса диалектический материализм занимает свое вполне законное и естественное место. Что нужно религии от науки? Общая картина мира, в которую можно было бы естественным образом вписать Высшую Цель. Этого и искали в современной им науке основоположники марксизма. Представление об эволюции мира под действием единых законов было общепринятым. Оно образует фундамент системы. Но одна лишь констатация эволюции – это еще не слишком много. Чрезвычайно желательны какие-то общие соображения, общие законы развития, которые подвели бы нас к Высшей Цели. Маркс находит их в диалектике Гегеля и – по его собственному выражению – «переворачивает их с головы на ноги» – объявляет законами природы, новыми законами, которых ранее наука не знала.

Произвол? Конечно! С точки зрения ученого-ригориста, это просто неслыханная наглость. Новые законы природы – это никакие не законы, а такая же метафизическая спекуляция, какой она была у Гегеля. Их нельзя выразить точным языком науки, их нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть в эксперименте, они не могут служить для предсказания явлений. С точки зрения позитивизма Конта, все это должно быть отвергнуто как лженаука и лжефилософия.

Однако современный позитивизм сильно изменился по сравнению с жестким позитивизмом Конта. Конт отвергал всякие понятия, не имеющие непосредственного выражения в сфере опыта, и всякую теорию, основанную на таких понятиях, если даже она прекрасно согласовывалась с наблюдаемыми данными и позволяла делать предсказания. В частности, он отвергал волновую теорию света из-за содержащегося в ней понятия об эфире. Конт считал, что ученый имеет право принять лишь такую гипотезу, которая не только согласуется

с опытом, но необходимо следует из него, то есть ее отрицание приводит к противоречию с опытом. Мы теперь знаем, что для таких требований нет никаких логических оснований, и если их принять, то придется отказаться от многих весьма мощных теорий. Мы рассматриваем научные теории – наряду с произведениями философии, литературы и искусства – как свободные творения нашего разума, подчиненные единственной цели: служа в качестве *моделей* действительности, помочь нам ориентироваться в событиях и предвидеть их. Эти модели образуют целый спектр по степени их *формализованности*, то есть оторванности от нашего субъективного, не поддающегося внешнему выражению опыта. На одном конце спектра находятся полностью формализованные теории, например, арифметика. Когда мы применяем такие теории – в данном случае, производим арифметические действия – мы отвлекаемся от содержания ее понятий и действуем чисто формально, по совершенно строгим, однозначным и четким правилам, так что эти действия можно поручить и машине: арифмометру или компьютеру. Интерпретация формализованной теории, то есть установление связи между ее понятиями и явлениями действительности – в данном случае, процесс пересчета предметов – также должна быть одинаково понимаема и производима всеми и, в принципе, быть доступной для машины. Формализованная теория, таким образом, как бы отделяется от создавшего ее мозга человека и превращается в автономную («объективную») модель внешнего мира. На другом конце спектра моделей мы находим произведения литературы и искусства, представляющие собой некоторые синтетические художественные образы, апеллирующие к нашему индивидуальному опыту. Эти образы могут оказывать мощное воздействие на восприятие действительности человеком и его поведение. Но это происходит в глубине сознания, на уровне интуиции, механизм воздействия не выявляется, здесь нельзя говорить о расчете и доказательстве.

Идеалом науки являются полностью формализованные теории. Но такие теории не возникают из ничего. Понятия, на которых они основываются, предсуществуют в неформализованном виде в языке и практической деятельности человека; часто они находят выражение в философии и литературе. Критический анализ понятий и экспериментирование приводят к созданию формализованных теорий. Поэтому весь спектр наших моделей действительности – от романов Достоевского до учебников арифметики – участвует в процессе эволюции человеческого знания. Мы не можем разорвать этот спектр в какой-то точке и отделить чистую науку от чистого искусства; точно так же невозможно отделить науку от философии и философию от искусства. Если мы сделаем это, мы закроем науке путь движения вперед – к созданию новых теорий. Все модели имеют право на существование – при таком условии, конечно, что мы помним о необходимости критического подхода к каждой из них.

Понятия и законы гегелевской диалектики в интерпретации Маркса можно назвать «научно-художественными» образами мира, отражающими его развитие. Это вполне закон-

ное явление. Они нужны религии, они образуют связующее звено между формализованным, техническим элементом научной картины мира и теми – как правило не известными нам и не осознаваемыми нами – факторами, которые побуждают нас принять Высшую Цель, почувствовать ее своей. Если эти образы и произвольны, то лишь в том же смысле, в котором произвольна и всякая научная теория. А задачу организации нашего опыта они, безусловно, выполняют: мы усматриваем в них какую-то истинность, какое-то соответствие с наблюдаемыми явлениями. Воздействие гегелевской диалектики на умы было вызвано, очевидно, тем, что она схватывала в какой-то форме, хотя и довольно неопределенной, важные черты развития и люди это интуитивно чувствовали. А идея развития, эволюции, имеет тесную связь с идеей о цели. Представление об эволюции создает анизотропность времени, неэквивалентность прошлого и будущего и тем самым подводит к формированию цели. Идея эволюции – связующее звено между наукой и религией. Именно поэтому, надо полагать, гегелевская система оказала такое могучее воздействие на умы, вызвала восторг, явно не лишенный религиозного элемента. Маркс направил этот религиозный восторг в область политики. Немецкий идеализм создал художественный образ мира, такого мира, который в самой своей основе и сущности содержит идею эволюции, почти отождествляется с ней.

Описывая эволюцию в терминах метасистемных переходов, объявляя метасистемный переход универсальным квантом эволюции, я отдаю себе отчет в том, что иду по стопам Гегеля и Маркса. Мы имеем здесь дело с типичным примером постепенного движения понятий в сторону уточнения и формализации. Мое определение метасистемного перехода (см. Часть 1) уже полностью удовлетворяет стандартам научного определения⁸. Но когда я использую это понятие для описания явлений мышления, языка и истории, я перемещаюсь в спектре понятий в сторону меньшей формализации, вторгаясь в область научно-философских, а иногда, быть может, и научно-художественных образов.

Основной закон диалектики Гегеля – триада: тезис, антитезис, синтез – тесно связан с понятием о метасистемном переходе. Гегелевскую триаду можно рассматривать как частный случай или как упрощенное описание метасистемного перехода. Когда два элемента, которые находятся между собой в отношении противоречия – тезис и антитезис, – мы объединяем в метасистеме, то получаем их синтез. В этом синтезе противоречия между конституентами не исчезают, но – выражаясь гегельянско-марксистским языком – снимаются, благодаря наличию общего механизма управления. Это – частный случай метасистемного перехода. В общем случае происходит интеграция многих подсистем, и вовсе не обязательно находящихся в отношении прямой противоположности. Но и в этом случае диалектик может использовать свой язык, объявив наличие *множества* интегрируемых подсистем отрицанием *единичности*, которое затем снова сменяется единой системой – метасистемой. Это – отрицание отрицания. Появление нового качества в процессе развития всегда происходит путем метасистемного перехода. Образованию метасистемы, как правило, предшествует

количественное накопление подсистем. Следовательно, метасистемный переход можно рассматривать как переход количества в качество.

2.13. Эволюция, социальная интеграция и свобода

В «Феномене науки», рассматривая эволюцию в терминах метасистемных переходов, я пришел к некоторым выводам относительно перспектив эволюции человеческого общества, роли науки в этом процессе и религиозно-этической концепции, которая естественным образом включается в научное мировоззрение. Здесь я приведу эти выводы в конспективном виде.

1. Структура биосферы указывает на три крупномасштабных, поистине революционных, метасистемных перехода: интеграция макромолекул с образованием клетки, интеграция клеток с образованием многоклеточного организма, социальная интеграция – образование человеческого общества. Первые две революции завершены, последняя только еще начинается.

2. Из многоклеточных организмов лишь человек представляет собой такой элемент, интеграция которых является революционным метасистемным переходом, создающим качественно новый уровень организации материи. Сообщества животных можно рассматривать как первые (безуспешные) попытки осуществить эту революцию. Отличие человека – в способности создания языка, которая сама является результатом определенного метасистемного перехода в структуре мозга человека по сравнению с высшими животными. Язык выполняет две функции: общения между людьми и моделирования действительности. На уровне социальной интеграции это в точности те же две функции, которые на уровне интеграции клеток в многоклеточный организм выполняет нервная система. Язык является как бы продолжением мозга человека; в материале языка создаются такие модели действительности (знаковые системы), которых не было в мозгу индивидуума. Далее, язык – это общее, единое продолжение мозгов всех членов общества. Это коллективная модель действительности, над совершенствованием которой трудятся все члены общества и которая хранит опыт предыдущих поколений.

3. Можно рассматривать общество как единое «сверхсущество». Его «тело» – это тела всех людей плюс предметы, созданные людьми: одежда, жилища, машины, книги и т. д. Его «физиология» – это физиология всех людей плюс *культура* общества, то есть определенный способ управления предметной компонентой общественного тела и образом мышления людей. Появление человека и социальная интеграция означают возникновение нового механизма усложнения организации материи, нового механизма Эволюции Вселенной. До

человека развитие и совершенствование высшего уровня организации – устройства мозга – происходило в результате борьбы за существование и естественного отбора. Это медленный процесс, требующий смены многих поколений. В человеческом обществе развитие языка и культуры является результатом творческих усилий всех его членов. Отбор вариантов, необходимый для усложнения организации материи по методу проб и ошибок, происходит теперь в значительной степени в голове человека, он становится неотделимым от волевого акта человеческой личности. Человек становится средоточием Космического Творчества. Темп эволюции многократно возрастает.

4. Эволюция культуры человеческого общества происходит путем метасистемных переходов в ее структуре. Современная наука является наивысшей достигнутой в настоящее время стадией в последовательности метасистемных переходов. Более того, овладев принципом метасистемного перехода, наука стала саморазвивающейся системой. Если культура – это физиология, а язык – нервная система социального «сверх-существа», то наука – его мозг. Наука представляет собой высший уровень иерархии в организации живой материи, она – верхушечная почка растущего дерева, активная точка Великой Эволюции. В этом значение космического феномена науки как части феномена человека.

5. Наука есть организация знания человека, но не его воли. Она отвечает на вопросы «что есть», «что будет, если», «что надо, чтобы». Но просто на вопрос, «что надо делать?», без всяких если и чтобы, она ответить принципиально не может. Проблема Высшей Цели остается вне науки, решение этой проблемы необходимо требует волевого акта, оно является в конечном счете результатом свободного выбора. Однако это вовсе не значит, что наука не влияет на то, как люди решают проблему Высшей Цели. Наука дает определенное представление о мире и о возможной роли человека в этом мире. В зависимости от того, каковы эти представления, те или иные волевые акты могут становиться более или менее вероятными. Еще важнее, что наука дает нам язык для описания – а следовательно, в какой-то степени и восприятия – действительности. В частности, любые цели, которые мы можем поставить, должны быть выражены на этом языке.

6. Представление об эволюции – центральная идея современной науки. Эволюция привела к возникновению на Земле разумной жизни. И хотя нам известна ничтожная малость сферы влияния человека в Космосе, мы все же имеем право рассматривать человечество как явление космического значения. Опыт исследования развивающихся систем показывает, что новое качество появляется сперва в небольшом объеме, но благодаря заключенному в нем потенциалу захватывает со временем максимум жизненного пространства и создает плацдарм для нового, еще более высокого, уровня организации. Перспектива «гоминизации Вселенной» представляется нам реальностью. Никто не может утверждать, что это

обязательно произойдет: человечество может и погибнуть или остановиться в развитии — но никто не может отрицать существования этой возможности.

Волевому акту человеческой личности наука 20-го века отводит гораздо более почетное место в процессе эволюции, чем наука 19-го века. Эволюция не есть детерминированный процесс. Законы природы не определяют однозначно каждое следующее состояние мира, они лишь накладывают ограничения, оставляя огромное количество неопределенности. Эволюция есть непрерывное и повсеместное снятие этой неопределенности. Соударение элементарных частиц и принятие решения человеком — примеры снятия неопределенности. Второй из этих актов характеризуется несравненно большим пространственно-временным масштабом, и по мере «гоминизации Вселенной» масштаб этот будет возрастать. Этот акт знаком нам изнутри как проявление нашей свободной воли. Волевой акт — это нить в ткани Великой Эволюции. В большой и сильно связанной системе, каковой является человечество, каждое отдельное действие, малое само по себе в общем масштабе, может повести благодаря наличию триггерных механизмов к чрезвычайно крупным переменам. Творческие достижения отдельных людей оказывают со временем влияние на всю историю человечества; влияние решений, принимаемых государственными деятелями, очевидно каждому. Однако не менее важную роль играют причинно-следственные цепочки из малозаметных событий, приводящих к большим событиям. Можно разрушить всю ткань, разорвав одну из нитей. Значение каждого волевого акта личности может быть огромно.

7. Никто не может действовать вопреки законам природы. Этические учения, противоречащие общему направлению эволюции, то есть ставящие цели, несовместимые с ним, не могут привести своих последователей к конструктивному вкладу в Эволюцию, а это значит, что в конечном счете они будут вычеркнуты из памяти мира. Таково свойство развития: то, что соответствует его общему, абстрактному, плану, увековечивается в структуре развивающегося мира; то что ему противоречит, преодолевается и гибнет.

По отношению к социальной интеграции отсюда следует такой вывод. Если человечество будет ставить себе цели, несовместимые с социальной интеграцией или как-либо ограничивающие этот процесс, то оно придет к эволюционному тупику — дальнейшее творческое развитие, порождение новых качеств станет невозможным. Тогда оно рано или поздно погибнет, и задачу одухотворения Вселенной возьмут на себя другие ветви Великой Эволюции. В развивающемся мире покоя нет; все, что не развивается, — гибнет.

8. Эволюционный тупик ожидает человечество не только на пути отказа от интеграции, но и на пути такой интеграции, когда в жертву объединению людей приносится их творческая свобода. Процесс социальной интеграции никогда еще не протекал так бурно и так явно, как сейчас. Современная наука и техника сделали каждого человека находящимся в

сфере влияния каждого другого. Современная культура глобальна. Современные государства – это огромные механизмы, имеющие тенденцию все более жестко регламентировать поведение каждого гражданина, навязывать ему извне его потребности, вкусы, мнения. Поэтому сейчас мы лучше, чем когда бы то ни было, видим основное противоречие социальной интеграции: противоречие между необходимостью включить человека в систему, в непрерывно консолидирующееся целое, и необходимостью сохранить его как свободную творческую личность. И здесь возникает фундаментальнейшая проблема: как разрешить это противоречие? Как совместить движение по пути интеграции с движением по пути свободы? От того, сколь успешно будет разрешена эта проблема, зависит будущее человечества – зависит, есть ли у человечества будущее.

У нас нет оснований считать априори, что противоречие между интеграцией и свободой неразрешимо. Личное, творческое начало является сущностью человека, основным двигателем Эволюции в эпоху разума. Если оно будет подавлено социальной интеграцией, то движение остановится. С другой стороны, и социальная интеграция необходима. Без нее невозможно дальнейшее развитие культуры, увеличение власти человеческого духа над природой; в ней – сущность нового уровня организации материи. Почему же мы должны полагать, что социальная интеграция и свобода личности несовместимы? Ведь осуществлялась же интеграция успешно на других уровнях организации! Когда клетки объединяются в многоклеточный организм, то свои биологические функции – обмен веществ и размножение путем деления – они продолжают выполнять. Новое качество – жизнь организма – появляется не вопреки биологическим функциям отдельных клеток, а напротив, благодаря им. Творческий акт свободной воли – это «биологическая функция» человека. Следовательно, в интегрированном обществе она должна сохраниться в качестве неприкосновенной основы, а новые качества должны появляться через нее и благодаря ей.

9. Вряд ли кто-нибудь возьмется предсказать сейчас, как далеко пойдет и какие формы примет интеграция индивидуумов. Несомненно, что в будущем станет возможным прямой обмен информацией между нервными системами отдельных людей, их физическая интеграция. Вероятно, физическая интеграция породит качественно новые, высшие формы надличностного сознания, и это будет процесс, который можно описать как слияние душ отдельных людей в единой Высшей Душе. Всечеловеческая Высшая Душа будет в принципе бессмертна, как бессмертно в принципе человечество. О соотношении между индивидуальным сознанием и всечеловеческим сознанием можно только гадать, но представляется вполне возможным, что физическая интеграция индивидуумов явится разрешением извечного противоречия между человеческим разумом и смертью.

10. Пока это противоречие не разрешено, единственной формой бессмертия, о которой мы можем всерьез говорить, является бессмертие нашего вклада в Великую Эволюцию Вселенной. Воля к так понятому бессмертию всегда была движущей силой в творчестве людей, стоящих в своем мировоззрении на научных позициях.

Осознание своей смертности – одна из исходных точек очеловечивания. Мысль о неизбежности смерти создает для разумного существа мучительную ситуацию, из которой оно ищет выхода. Протест против смерти, против распада своей личности общ всем людям. Он является тем источником, из которого в конечном счете все религиозные учения черпают необходимую им волевою компоненту. Это – воля к бессмертию.

Христианство исходит из безусловной веры в бессмертие души. При этом протест против смерти используется как сила, побуждающая человека принять такое учение, – ведь оно с самого начала обещает бессмертие. Под мощным воздействием критического разума представления о бессмертии души и о загробной жизни, некогда совершенно конкретные и ясные, становятся все более абстрактными и бледными, теряют свою эмоциональную убедительность. Соответственно, старые религиозные системы теряют свое влияние. Если говорить о человеке, воспитанном на идеях и образах современной науки, то воля к бессмертию может привести его лишь к одной цели – внести свой личный вклад в Великую Эволюцию, увековечить свою личность во всех последующих актах мировой драмы. Этот вклад, чтобы быть вечным, должен быть конструктивным. Такова Высшая Цель, которую ставит себе человек. Ее конкретизация зависит от состояния нашего знания – от наших представлений об Эволюции. Замечательной чертой этой целевой установки является органический синтез личного и всеобщего. Она порождает чувство ответственности за общее дело, за процесс Эволюции. Ибо все, что угрожает этому процессу, в частности тупой эгоизм обывателя, угрожает и личному вкладу каждого человека, грозит сделать его жизнь бессмысленной.

Во всех этих рассуждениях мы должны помнить, что различие между знанием и волей сохраняется, оно неустранимо. Если человек не может или не хочет совершить необходимого волевого акта, то никакая наука, никакая логика не заставит его принять Высшую Цель, ощутить свою ответственность за Великую Эволюцию. Обывателя, твердо решившего жить рабом обстоятельств и довольствоваться своим убогим частным идеалом, не возродит ничто, и он бесследно сойдет со сцены. Кто не хочет бессмертия, тот и не получит его. Подобно тому как животное, лишенное инстинкта размножения, не выполнит своей животной функции, так и человек, лишенный воли к бессмертию, не выполнит своей человеческой функции, изменит своему человеческому предназначению.

2.14. От традиционных религий к социализму

С учетом всего вышесказанного, я называю социализмом – тем социализмом, который я принимаю и готов проповедывать, – религиозно-этическое учение, провозглашающее Высшей Целью человека неограниченную социальную интеграцию при обеспечении и развитии творческой свободы личности. Это – научный социализм, ибо, во-первых, его идея и его эмоциональная убедительность зависят от «научно-философских» и «научно-художественных» образов, и во-вторых, инструментом интеграции провозглашается наука.

Такое понимание социализма, по-видимому, ближе всего к «этическому социализму» немецкой социал-демократии; если бы мне потребовалось обозначить свои взгляды каким-то из уже существующих терминов, то я, вероятно, остановился бы на этом словосочетании. Но я считаю чрезвычайно важным подчеркнуть религиозный, а не только чисто этический характер социализма. Религия включает в себя этику, но не исчерпывается ею. Она содержит некое представление о сущем – представление, которое не просто подводит нас к целевым установкам и нормам поведения, но и порождает определенные эмоции – религиозное чувство. Под этикой мы традиционно понимаем нечто бесстрастное, выведенное из соображений целесообразности или постулированное в качестве априорного логического принципа, как аксиомы в математике. Религия апеллирует к чувству и воспитывает его. А непосредственной силой, движущей массами людей, являются чувства, эмоции. Один из наиболее действенных способов влияния разума на историю – через воспитание чувств. История социализма недвусмысленно указывает на ту роль, которую в этом движении играют эмоции. Противники социализма видят в нем лишь игру разрушительных чувств. Но без детального анализа существа явления не следует судить о нем по начальным шагам. И совсем недопустимо просто игнорировать часть движения, как это делает в своей статье Шафаревич, игнорируя реформистские социал-демократические течения. Обличая социализм, он обличает лишь его варварскую форму. Можно даже сказать, что из варварского социализма он берет только варварство, а социалистический элемент игнорирует. Шафаревич стоит на христианских позициях. Но ведь и христианство знает свою варварскую форму. Одни из первых христиан растерзали Ипатию. Аргументы Шафаревича против социализма – это аргументы римского патриция против христианства.

Если отбросить всевозможные упрощения и вульгаризации, то мы найдем, что чувство, заключенное в представлении о социальной интеграции, созидательно. Оно задевает какие-то глубокие струны в душе человека. Идея бессмертия неотделима от идеи интеграции личностей (если, конечно, исключить наивные представления о такой загробной жизни, которая мало чем отличается от жизни в нашем мире). В традиционных религиях идея интеграции предстает в спиритуалистическом облачении, как единение в Боге. Спиритуализм, как и научный подход, влечет за собой определенный способ организации нашего

духовного и чувственного опыта. Было бы неправильно просто отбрасывать все, что сделано человечеством в прямой и тесной связи со спиритуалистическим подходом. Но вопрос в том, какой подход положить в *основу* мировоззрения, и в частности трактовки интеграции. Приняв за основу спиритуализм, мы закрываем себе дорогу к движению вперед. Максимум, на что мы можем здесь рассчитывать – это дать каждому человеку возможность определенных переживаний, быть может, весьма экзотических. Это не слишком много, особенно если учесть, что в создании экзотических переживаний со спиритуализмом небезуспешно конкурируют даже грубые химические методы воздействия на мозг, не говоря уж о потенциально возможных биологических способах. Приняв за основу критический научный метод и материалистический подход к интеграции, мы открываем перед собой фантастические (и, надо признаться, жутковатые) перспективы.

Переход от спиритуализма к научному методу – это метасистемный переход, ибо последний включает в себя критический анализ всякого словоупотребления и всяких форм организации опыта, в том числе и спиритуалистических. Следовательно, этот переход – шаг по пути Эволюции, и он необратим. Социализм является прямым наследником великих религий прошлого, это единственная великая религия, возможная в век науки.

Спиритуалистическая трансцендентность прежних религий уступает место в научном социализме сочетанию предельной абстрактности в формулировке Высшей Цели и конкретности в производных целях на всех стадиях движения. Что нового вносит эта замена в религиозное чувство? Не действует ли она на него разрушительно?

Мне думается, что нет. Ведь природа человека остается неизменной. Если есть в ней нечто, вызывающее религиозное чувство, то оно никуда не денется. Преобразованию подвергается лишь концептуальная, вербальная сторона духовной жизни, причем, как я уже указывал, основные понятия, лежащие на границе с религиозно-эмоциональной сферой, – такие, как таинственность мироздания, смысл жизни, интеграция личностей, бессмертие, трансцендентность, – не выходят из игры, но *переосмысливаются*. Это переосмысление является, в сущности, осовремениванием, приведением пограничного концептуального слоя в соответствие с реальностями нашего языка и мышления в научно-промышленную эру. Поэтому из общих соображений кажется скорее более вероятным, что это преобразование должно содействовать воспитанию религиозного чувства, а не подавлению его.

Размышления о смысле жизни в контексте идей об эволюции, творчестве и первозданной свободы личного волевого акта оказывают огромное влияние на психику человека, а следовательно и на его жизнь. О себе я совершенно точно знаю, что именно идеи, выраженные мною в «Феномене науки» и в данной книге, изменили мою структуру ценностей и сделали диссидентом. Моя профессия (физика плюс кибернетика) играла в развитии этих идей определяющую роль. Между прочим, среди советских диссидентов непропорционально большая доля принадлежит к ученым, а среди ученых – к физикам. Это, по-видимому,

является результатом действия нескольких различных факторов, но я полагаю, что важнейшим из них является представление о Великой Эволюции, которое в качестве неотъемлемой составной части входит в мышление ученого, особенно физика, биолога, кибернетика. Иногда осознанно, иногда неосознанно это представление служит основой для построения собственных нравственных критериев, не совпадающих с теми, которые навязываются циничным тоталитарным обществом.

2.15. Относительность общих принципов

Итак, основным отличием социализма 20-го века от социализма 19-го века является то, что он гораздо более органично включает в себя идею свободы личности, — она входит не только в формулировку Высшей Цели, но и в представление об устройстве мира и механизме эволюции. Тоталитарный социализм советского типа можно, с этой точки зрения, считать не только варварской формой социализма, но и не социализмом вовсе. Теперь перейдем к другим чертам современного научного мышления, накладывающим печать на социально-политическое мышление. Я хочу отметить две таких черты.

Есть одно отличие в стиле мышления современного ученого по сравнению с учеными предыдущих эпох (включая 19 век), на которое не часто обращают внимание, но которое имеет, как мне кажется, весьма ощутимые социальные последствия. Оно касается отношения ученого к содержанию своей работы. Раньше ученые мыслили исключительно в терминах *открытий*.

Считалось, что законы природы существуют как нечто вполне законченное; задача ученого лишь в том, чтобы обнаружить их, раскрыть глаза своим современникам на их существование. Теперь же, главным образом благодаря новой физике, психология ученого заметно изменилась. Осознание того, что наука является лишь определенным способом организации чувственного опыта, оказалось необходимым физикам для их работы, для того чтобы понимать новые физические теории. Но принимая это представление, мы начинаем сознать себя не столько открывателями, сколько творцами: создателями новых моделей действительности, которые оказываются более или менее пригодными для целей организации опыта. Элемент открытия не исчезает, конечно, совсем, но он скорее принимает характер удачного *изобретения*. В научных дисциплинах, более близких к непосредственному чувственному опыту, чем новая физика, этот фактор не играет такой большой роли, однако его влияние распространилось на философию и методологию науки в целом. Слова *модель* и *моделирование* принадлежат теперь к числу наиболее употребляемых в научной литературе. Ученый предпочитает говорить, что он *построил модель (или теорию)*, а не *открыл закон*. Термин «открытие» употребляется только по отношению к непосредственно наблюдаемым феноменам. Относительность всех общих принципов и законов, их

инструментальный, служебный характер — эта мысль прочно укоренилась в науке.

Какое отношение это имеет к общественным проблемам и к политике?

Образ мышления ученых шаг за шагом (правда, очень медленно: в масштабе поколений) распространяется на все общество. Непрофессионал не может усвоить технических деталей, но постепенно и часто неосознанно улавливает дух перемен, новый философски-методологический стиль. Особенно это относится к тем политикам, которые претендуют на то, чтобы идти в ногу со временем, и следовательно, призывают в союзники науку. Если в эпоху открытия законов для политика было естественно «открывать глаза» своим современникам на якобы найденные им объективные законы развития общества, как это сделал Маркс, то теперь это стало непопулярным. Чтобы иметь успех в обществе, где умы находятся под влиянием научного мировоззрения 20-го века, политик должен выражаться примерно таким языком:

«Есть несколько конкурирующих моделей, которые описывают проблемы нашего общества и, соответственно, указывают пути их решения. Мне наибольшее доверие внушает такая-то модель. Давайте основывать принятие решений на этой модели. Я полагаю, что через такое-то время мы увидим, хороша эта модель или плоха и сделаем соответствующие выводы.»

Психология открытия законов порождает в политике психологию «все или ничего». Ибо закон или существует, или нет; он является либо великой истиной, либо печальным заблуждением. В сознании масс, к которому апеллируют политики, это преломляется так: общество устроено либо «правильно», то есть в соответствии с законами природы, либо «неправильно», то есть в противоречии с ними. Во втором случае общество должно быть безжалостно разрушено — «до основания, а затем» перестроено заново. Эта черта прежней науки роднит ее с догматическими религиями. Ибо догмат тоже или целиком истинен, или целиком ложен. Методологически европейская наука с самого своего возникновения стояла на позициях скептицизма и критицизма: многократная экспериментальная проверка и признание относительности всякой высказанной истины. Но онтологически — в представлении о сущем, о том, как дело обстоит «на самом деле», — она была столь же догматична, как и религия. Методология науки была профессиональным делом ученых, а онтология лежала в фундаменте мировоззрения и передавалась широким слоям людей.

Современная наука во всех своих аспектах стремится сделать человека эволюционистом и градуалистом в политике. Чем шире распространяется ее влияние, тем устойчивее становятся эти черты в обществе. Но это не означает отказа от революционности в мыслях и делах, если под революционностью понимать глубину преобразований. История науки 20-го века дает нам яркий пример революции и учит искать смелых и неожиданных решений. Эволюционизм и градуализм — вопрос метода. Идет процесс все более глубокого проникновения в сознание людей критического, научного метода. В частности, проникновение этого

метода в философию изгнало из нее мышление в терминах «все или ничего» по отношению к общим законам и принципам, которое было родственно классическому религиозному догматизму и служило питательной средой фанатизма.

2.16. Кибернетическое мышление

Вторая черта современного научного мышления, на которое я хочу обратить внимание и вокруг которой буду вести изложение до конца этой части книги, совсем недавнего происхождения, и она не успела еще проникнуть достаточно глубоко в общественное сознание. Однако процесс проникновения происходит, и я придаю ему чрезвычайно большое, можно даже сказать – решающее – значение для судьбы научного социализма. Эту черту называют *кибернетическим* (или иногда *системным*) *мышлением*.

Кибернетика в моде, ее достижения общеизвестны и оказывают преобразующее влияние на производство и быт. Но какое отношение это имеет к образу мышления и общественно-политическим воззрениям большинства людей, которые не являются кибернетиками? Не имеет ли в виду автор косвенное влияние через технический прогресс и изменение образа жизни?

Нет, я имею в виду прямое концептуальное влияние. В своих оценках и целях мы исходим из окружающей нас реальности, а эту реальность описываем с помощью некоторой системы понятий и терминов. Всякая система описания реальности неполна, она подчеркивает одни аспекты и затушевывает другие. Поэтому она активно влияет на нашу систему оценок и целей, хотя это влияние не бросается в глаза: находясь постоянно в некоторой системе отсчета, мы склонны не замечать ее, отождествлять наше описание с «объективной действительностью». Наиболее общие и часто употребляемые понятия формируют то, что можно назвать «фоновой концепцией реальности». Однозначной связи между фоновой концепцией реальности и системой оценок и целей нет, но влияние имеет место: различные фоновые концепции подталкивают к различным оценкам и целям. Поэтому с изменением доминирующей фоновой концепцией реальности меняется и доминирующая система оценок.

В европейской культуре до 20-го века фоновая концепция реальности была основана на понятиях механики и химии. Ядро этой концепции таково: мир есть совокупность *атомов*, обладающих определенными *качествами*. Понятия о системе, структуре, организации являются в этой концепции онтологически вторичными, производными. Напротив, кибернетическая фоновая концепция реальности (которая, вероятно, будет доминирующей фоновой концепцией 21-го века) выдвигает эти понятия на передний план. Кибернетик мыслит не в терминах *качеств* элементов, а в терминах *отношений между ними*. Механико-химическое мышление видит в организации вещей проявление их «сущности». Кибернетическое мышление объявляет «сущностью» вещей их организацию. Механико-химическая концепция

реальности естественным образом подводит к индивидуалистической концепции общества. Общество – это совокупность людей-атомов. Человеческая личность обладает по своей природе качествами фундаментальности, абсолютности и неделимости. Она обладает также другими качествами и способностью самосовершенствования – развития «хороших» качеств и подавления «дурных». Общество необходимо постольку, поскольку оно дает возможность человеческой личности проявлять свои качества и совершенствовать их. Сверх этого никакой ценностью общество не обладает, оно есть лишь форма «мирного сосуществования» индивидуумов.

В кибернетической концепции реальности человеческая личность – один из уровней единой космической организации. Во-первых, человек рассматривается не как атом, а как система, имеющая сложную иерархическую структуру. Во-вторых, человек рассматривается как подсистема объемлющей системы человеческого общества. Кибернетическая фоновая концепция реальности подводит к социалистической концепции общества. Смысл и ценность существования человека при любой конкретизации этих понятий должны выводиться из смысла существования общества. Общественное благо – нечто большее, чем сумма индивидуальных благ.

2.17. Неизбежность интеграции

Индивидуализм может быть разным – в зависимости от того, какие качества индивидуума считаются «хорошими», а какие «плохими». Здесь мы соприкасаемся со сферой религии. Индивидуалистическая концепция общества хорошо уживается с метафизически трансцендентной религией, она дополняется такой религией до некоторой комбинации, на которой может быть основано более или менее жизнеспособное общественное устройство. Понятие о Боге образует тот высший уровень, который объединяет индивидуумов и способствует стабильности общества. Из идеи Бога выводятся основные нравственные принципы, и они, конечно, таковы, что делают возможным совместное существование людей. Именно так обстояло дело в Европе, пока христианская религия была основой духовной жизни общества. Единение во Христе – сублимированная форма социальной интеграции, проповедь любви к ближнему – ее посюсторонний инструмент. Спиритуалистическая трансцендентность христианства до известной степени преодолевает ограниченность индивидуализма, а точнее, служит формой, в которой проявляется присущая человеку тяга к интеграции. В то же время представление о божественной искре, заложенное в душу каждого человека, возводит человеческую личность на недостижимую для прагматико-политических соображений высоту (в теории, во всяком случае). Оно служит идеологическим фундаментом свободы личности.

По этим причинам Эпоха Возрождения – возрождения античного индивидуализма в

рамках христианской религии – привела к бурному расцвету культуры в Европе. Она осуществила тот синтез интеграции и свободы, при котором только и возможна конструктивная эволюция. Механико-химическая фоновая концепция природы занимала в этом синтезе важное и естественно определенное место.

Упадок христианской религии разрушает созданный многими поколениями европейцев синтез интеграции и свободы. Разрушение происходит не сразу, в течение какого-то времени традиционные понятия и нормы поведения (в тех секциях общества, где они существовали!) передаются следующему поколению. Но почва из-под них выбита. Рано или поздно они разрушаются.

Если интеграция без свободы ведет к окостенению общества, к церковному или партийному мракобесию, то свобода без интеграции ведет к развалу общества. На чисто индивидуалистической основе общество построить нельзя. Существует несколько мудрых принципов, которые в рамках индивидуалистической концепции стремятся сделать жизнь и общество сносной для человека. Главный из них: поступай с другим так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. Такие принципы апеллируют к рассудку и дальновидности членов общества, и нельзя сказать, что они апеллируют впустую: их влияние на общество не равно нулю и возрастает с развитием культуры. Тем не менее их недостаточно. Общество требует от человека определенных жертв, особенно в кризисные моменты. Единственным оправданием жертв при индивидуалистическом подходе будет расчет – в духе теории «разумного эгоизма» Чернышевского – что они в конце концов окупятся тем, что принесут некоторое благо самому себе или, на худой конец, близким людям. Но общество требует жертв (малых – постоянно, но иногда и больших), которые не окупаются в жизни индивидуума или близких ему людей. Теория разумного эгоизма может быть модифицирована путем расширения круга «близких людей» до общества в целом. Но в безрелигиозной механической концепции общества отсутствует связующее звено между индивидуальными благами незнакомых мне членов общества и моей личностью, моими эмоциями. «Общественное благо» оказывается искусственной абстрактной конструкцией, которая не выдерживает испытания трудностями и распадается на составные части. Наконец, роковым для индивидуалистического общества оказывается вопрос: кто и в какой степени должен приносить жертву? Если жертва является не проявлением устремленности к религиозной Высшей Цели, органически вошедшей в сознание и в сферу эмоций человека, а результатом расчета, то важное значение приобретает распределение жертв «поровну». Но распределить жертвы «поровну» невозможно. Попытки измерения жертв и возникающая при этом склока порождает такое общество, ради которого уже никому не хочется ничем жертвовать.

Факт способности человека к социальной интеграции делает интеграцию неизбежной. Те идеологии и те сообщества людей, которые не обеспечивают уровня интеграции, достижимого при других условиях, должны будут сойти со сцены. Социальную интеграцию

можно сравнить с процессом кристаллизации. Существует механизм, который объединяет атомы в кристалл – определенную упорядоченную структуру, более прочную, чем другие структуры. Рано или поздно менее прочные структуры распадутся на части, которые либо перегруппируются в новый кристалл, либо будут поглощены уже существующими кристаллами. Проблема, которая стоит перед каждой страной и перед человечеством в целом, не в том, будет ли происходить процесс социальной интеграции или нет, а в том, *как* он будет происходить. Приведет ли он к уродливому тоталитаризму, обеспечивающему социальную интеграцию насилием, страхом и духовной кастрацией человека, или к подлинному социализму, движущей силой которого является свободная человеческая личность.

2.18. Механическая и кибернетическая интеграция

При химико-механическом подходе к обществу человеческие существа, подобно атомам Дальтона, в некотором смысле *элементарны*. Они равны – отсюда эгалитаризм, они взаимно непроницаемы – отсюда индивидуализм. Конечно, здесь нет прямой логической связи (люди все-таки не атомы), но есть распространение, расширение определенной концептуальной схемы, взятой из науки. Создаваемые на основе этой схемы научно-художественные образы дают определенное направление мышлению, хотя и не всегда проявляются в виде четких логических умозаключений.

Как выглядит в механистической модели социальная интеграция?

В общих чертах – как превращение газа в жидкость и твердое тело. Вспомним, как описывается этот процесс в школьном курсе физики. Когда расстояние между центрами атомов больше суммы их радиусов, атомы притягиваются друг к другу; когда они сближаются на меньшее расстояние, они начинают сильно отталкиваться. Сила притяжения между атомами быстро убывает с расстоянием, поэтому в разреженном газе атомы почти не взаимодействуют – они лишь изредка сталкиваются друг с другом. По мере увеличения плотности вещества атомы оказываются в сфере притяжения друг друга, и, если температура не слишком высока, вещество переходит в конденсированное состояние, в котором сила притяжения объединяет атомы в одно тело без давления извне. В конденсированном состоянии атомы упакованы, грубо говоря, вплотную друг к другу, поэтому приложение даже сильного внешнего давления приводит – в отличие от случая газа – лишь к незначительному уменьшению объема.

При кибернетическом подходе к социальной интеграции интегрируемая единица – человек – предстает, прежде всего, как сложная *система*, характеризующаяся многоуровневой иерархией по управлению. Социальная интеграция есть метасистемный переход, при котором образуется новый уровень иерархии, управляющий высшим уровнем организации интегрируемых подсистем. Управление, как я уже не раз подчеркивал, не есть взятие на

себя функций управляемого объекта, оно состоит в том, что эти объекты ставятся в определенные условия, вследствие чего происходит координация их деятельности. В процессе управления и осуществляется интеграция. Таким образом, кибернетическая интеграция имеет своим первым и основным объектом высший управляющий уровень интегрируемых подсистем.

Мы видим, что механическая и кибернетическая модели интеграции имеют в некотором смысле противоположную направленность. Механическая интеграция направлена снаружи внутрь. В результате сближения атомов друг с другом они начинают взаимодействовать своими внешними частями. Когда взаимодействие распространяется на внутренние части атомов, возникает сильное отталкивание. Социальная интеграция на механический лад — это насильственное объединение людей в коммуны, колхозы и т. п. в уверенности, что, будучи прижаты друг к другу, они естественным образом соединятся в идеальную общественную структуру, подобно тому как атомы углерода, подвергнутые сильному давлению, образуют алмаз.

Кибернетическая интеграция общества, напротив, направлена изнутри наружу. Она начинается в сфере духовной культуры, точнее она начинается *вместе с* формированием духовной культуры, общества, которая и есть не что иное, как система координации и интеграции сознания индивидуумов. Проявление интеграции на низших уровнях — в сфере производства, быта, физических действий людей — должно явиться следствием, автоматическим результатом интеграции на уровне сознания. Только такая интеграция и имеет шансы на продолжение развития, на конструктивную эволюцию.

Противопоставляя механическую и кибернетическую модели социальной интеграции, мы возобновляем древний спор о том, как приступить к установлению на Земле всеобщего братства: разделить все имущество поровну и сойтись в коммуны или воспитывать себя и других в духе любви, терпимости и прощения? Первый путь связан в популярном сознании с понятием социализма, второй — с христианством. Я пытался по мере сил показать, что, когда мы анализируем понятие о социализме в терминах, подсказываемых современной наукой, то подлинно социалистическим предстает только второй путь, первый же представляется социалистическим варварством. Учение Христа — путь к социализму. Но конечно, одной лишь проповеди христианских нравственных принципов недостаточно. Это лишь начало — самое, самое начало пути. Христианство с его отделением духовного от телесного и заботой только о духовном ограничивало идею интеграции интеграцией душ. Оно правильно, с кибернетической точки зрения, указывало исходную точку интеграции, но не дало перспективы, взгляда на процесс в целом. Принцип, выразившийся в знаменитом изречении «отдай Кесарево Кесарю», играл до поры до времени благотворную, может быть, даже спасительную роль. Это была уступка, кость, брошенная душой телу, чтобы сохранить какую-то степень независимости. Трансцендентный спиритуализм христианства,

отделение духовного от телесного уберегло Западную Европу в процессе интеграции от всепожирающего тоталитаризма. Но в наше время мировоззренческие основы христианства стали препятствием для дальнейшего движения. Социалист должен рассматривать христианина как своего предшественника. Он испытывает к нему чувство благодарности и многое берет от него. Но он берет лишь то, что считает нужным, и на свой лад переосмысливает и переопределяет взятое.

2.19. Громящий кулак

Партия – рука миллионопалая, сжатая в один громящий кулак.

В. МАЯКОВСКИЙ⁹

Если выбирать краткую формулировку для обозначения того, в чем состоит варварство марксистско-ленинской формы социализма, то можно сказать просто: механическая социальная интеграция. Основные негативные черты марксизма-ленинизма отражены в ней: экономический детерминизм, принижение роли духовной культуры, ставка на «революционное» насилие. Эти черты – результат поспешного и неквалифицированного использования некоторых аспектов науки 19-го века; они напоминают о френологе, который пытался изменить психические наклонности пациента, выравнивая шишки в одних местах черепа и образуя шишки в других местах. Механическая интеграция не может привести к другому обществу, кроме тоталитарного, это насильственное сдавливание, спрессовывание людей.

При кибернетическом подходе к интеграции социализм – это прежде всего *явление культуры*. Развиваясь и укрепляясь в сознании людей через посредство философии, науки, литературы, искусства, социалистическое сознание создает предпосылки для выработки новых форм отношений между людьми, для перестройки общественных и государственных учреждений и системы производства.

Попытка осуществлять интеграцию организованных систем, начиная не с верхнего, а с нижнего или среднего уровня иерархии управления, в частности с экономического уровня в случае социальной интеграции, – это кибернетический абсурд, уродство. Это как если бы мы вздумали объединить десять рабочих в одного «большого рабочего», связав их руки вместе в одну «большую руку», а ноги – в одну «большую ногу». Другой образ – весьма поучительный – создан Маяковским в стихах, которые дети в Советском Союзе заучивают наизусть в школе и которые я поместил в эпиграфе. Рука человека с ее пальцами, свободными от взаимного давления и управляемыми из общего центра – мозга, являет собой пример кибернетической интеграции. Это рука, которая может делать операцию на сердце и играть на фортепьяно. Кулак – это символ механической, тоталитарной интеграции. Он способен лишь громить, разрушать, уничтожать. Тоталитаризм – это миллионопалый

кулак, занесенный над человечеством.

2.20. Структурно-функциональный параллелизм

Противоречие между социальной интеграцией и свободой личности в рамках общего позитивистского подхода к проблемам общества нашло отражение в следующем отрывке из статьи Герберта Спенсера, в которой он формулирует свои расхождения с Огюстом Контом. «По мнению Конта, самое совершенное общество есть такое, в котором *управление* достигло своего высшего развития; в котором отдельные функции подчинены в значительно большей степени, чем теперь, общественной регламентации; в котором иерархия, крепко сложенная и снабженная признанной властью, заправляет всем; в котором индивидуальная жизнь должна быть подчинена по большей части жизни социальной.

По моему мнению, напротив, идеалом, к которому мы идем, является общество, в котором *управление* будет доведено до минимума, а свобода достигнет наивозможной широты; в котором человеческая природа будет путем социальной дисциплины так приспособлена к гражданской жизни, что всякое внешнее давление будет бесполезно и каждый будет господином сам себе; в котором гражданин не будет допускать никакого посягательства на свою свободу, кроме разве того посягательства, которое необходимо для обеспечения равной свободы для других; в котором самопроизвольная кооперация, развившая нашу промышленную систему и продолжающая развивать ее с быстротою все возрастающей, поведет к присвоению себе почти всех социальных функций и оставит в качестве цели правительственной деятельности былого времени только обязанность блюсти за свободой и обеспечивать эту самопроизвольную кооперацию; в котором развитие индивидуальной жизни не будет ведать себе иных пределов, кроме наложенных на него социальной жизнью, и в котором социальная жизнь будет преследовать только одну цель — обеспечение свободного развития индивидуальной жизни».

Спенсер противопоставляет здесь свой английский либерализм французскому этатизму Конта. Однако противоположность между этими двумя идеалами общества не так абсолютна, как это, по-видимому, представляется Спенсеру. Совместимость либерализма и этатизма зависит от того, что мы понимаем под иерархией и управлением или вернее, какие конкретные формы они принимают.

Начнем со спенсеровского конца. Самопроизвольная кооперация граждан, за которую выступает Спенсер, нисколько не противоречит идее интеграции; более того, самопроизвольная кооперация не избавляет нас от *необходимости* иерархии. Ибо в обществе, насчитывающем миллионы членов, самопроизвольных объединений граждан (любого характера: производственного, культурного, бытового) будет так много, что представители этих объединений должны будут в свою очередь вступать в какие-то объединения друг с другом,

иначе общество просто развалится на части. Однако и этих объединений – объединений «представителей первого уровня» будет, вероятно, слишком много, так что им придется образовать еще один уровень иерархии, и т. д., пока не сложится многоуровневая иерархическая система представителей, на вершине которой находится обозримое число людей, способных эффективно контактировать друг с другом. Иерархия в той или иной форме необходима для организации больших систем. Это – закон кибернетики, и от него никуда не денешься. Что же касается свободы, то и Спенсер признает, что она не может быть абсолютной. Он вынужден говорить о социальной дисциплине, о пределах, наложенных на индивидуальную жизнь социальной жизнью, и т. п.

Посмотрим теперь на дело с контовского конца. Развитие общества есть развитие иерархической системы управления. Но что такое управление? Управление подсистемой не есть лишение ее всякой степени автономности. В области общественных отношений управление вовсе не сводится к подчинению и принуждению – это лишь самый грубый, несовершенный вид управления, можно сказать, *механический вид*. Если представлять себе общество в виде гигантского часового механизма, как это делал О. Конт, то иерархия зубчатых колесиков будет и в самом деле полностью определять движение каждой детали, передавая ей энергию пружины. Но саморазвивающиеся кибернетические системы устроены иначе. Они строятся снизу вверх, путем последовательных метасистемных переходов, при которых каждый новый уровень не отменяет функций предыдущего уровня, а дополнительно создает новые функции, новый вид деятельности. В хорошо сконструированной кибернетической системе имеет место *структурно-функциональный параллелизм*: различным структурным уровням организации соответствуют качественно различные функции, виды деятельности. Им соответствуют также различные понятия, в которых мы описываем функционирование уровня, так что можно говорить о «структурно-функционально-концептуальном» параллелизме.

Рассмотрим такой пример. На нижнем уровне организации компьютера мы находим электротехнические элементы: ферритовые сердечники, транзисторы, сопротивления и т. п. Их функционирование описывается в терминах напряжения и силы тока, длительности импульсов и т. д. Из этих элементов строятся основные узлы компьютера. Возьмем арифметическое устройство. Способ его построения и его функционирование требуют для своего описания совсем других понятий: представление числа в двоичной системе, четыре действия арифметики, округление и т. д.

Последовательность действий, выполняемых арифметическим устройством, определяется программой, хранящейся в памяти компьютера. Это еще один уровень в структуре нашей системы, и для описания функционирования этого уровня мы используем еще один набор понятий: передача управления, цикл, распределение памяти, отладка программы. Связь между уровнями такова: самые крупные структурно-функциональные единицы предыдущего уровня становятся самыми мелкими единицами следующего уровня. Программист

мыслит в терминах арифметических операций, но он – за редкими исключениями – не заботится о том, как числа представлены в машине и как производится округление. И уж совсем никогда не будет он думать о той физике, на которой в конечном счете основана работа компьютера.

В системе, которая включает в себя лишь собственно компьютер («железки»), программа – высший уровень управления. Но на самом деле компьютер выполняет определенную служебную функцию, являясь подсистемой более обширной системы, включающей в себя человека. Программа для компьютера может быть, например, программой расчета ядерного реактора. В таком случае она будет результатом деятельности одного или нескольких людей в области физики ядерных реакторов – деятельности, которая характеризуется своими специфическими понятиями. Это еще один уровень иерархии. Наконец, мы можем выделить еще один уровень – систему обучения. Специалисты в области физики ядерных реакторов и программирования не возникают сами собой – их обучают этому, и процесс обучения также имеет свои специфические черты и понятия, помимо тех черт и понятий, которые относятся собственно к делу. Понятие управления в том широком смысле, в котором я его употребляю, включает в себя, в частности, и обучение.

Рассмотрим теперь несколько примеров структурно-функционального параллелизма в области социальной интеграции. Возьмем политику – управление поведением людей. Простейший способ управления – это непосредственное командование, подчинение. Часть людей выделяется из основной массы и образует уровень начальников. Начальники распоряжаются своими подчиненными точно так же, как подчиненные распоряжаются частями своего тела, – на основе волевого акта (я рассматриваю предельный случай командования, который имеет место, скажем, между рабом и надсмотрщиком). Таким образом, здесь нет структурно-функционального параллелизма: один и тот же способ управления переносится с уровня отдельного человека на уровень группы людей, подчиненных одному начальнику. Этот способ организации «антикибернетичен». Напротив, общество, где управляет *закон*, а не *люди*, дает нам пример структурно-функционального параллелизма. Здесь управление осуществляется в конечном счете теми людьми, которые толкуют закон и следят за его исполнением. Функционирование этого уровня определяется не понятием *воли*, а понятиями *права* и *обязанности*. Этот способ управления много гибче и совершеннее, чем командование. Он, конечно, отнюдь не является абсолютным, универсальным способом решения всех проблем управления в обществе. Тем не менее, правление закона – одно из величайших изобретений человечества, большой шаг по пути сочетания интеграции и свободы.

Выделив функцию наблюдения за исполнением законов из всех прочих функций (которые можно назвать исполнением законов), мы разделили общественную деятельность на два крупных класса, образующих два уровня иерархии. В рамках каждого класса есть своя тонкая структура, своя иерархия. Возьмем любую административную систему, например,

систему государственной исполнительной власти. Здесь иерархия образована отношением командования. Начальник имеет над подчиненным власть, и управление в значительной мере сводится к изданию приказов и распоряжений. В отличие от рабовладельческого общества, эти приказы касаются лишь сферы служебных обязанностей, да и в этой сфере они ограничены рамками закона. Тем не менее, это отношение командования, и отсюда проистекает ряд трудностей и недостатков, которые обычно обозначаются словом «бюрократизм». Основной способ борьбы с бюрократизмом – это строгое соблюдение структурно-функционального параллелизма. На каждом уровне иерархии должен быть найден свой специфический способ функционирования, который позволил бы эффективно управлять предыдущим уровнем, не подменяя его. Организация управления – задача чрезвычайно трудная и творческая. Она требует огромной концептуальной работы: нужно построить иерархию понятий и параллельную ей структурную иерархию так, чтобы на каждом уровне структуры можно было в терминах соответствующих понятий описать управляющие функции уровня, указать его задачи. Если это не сделано должным образом, то неизбежна бюрократическая неразбериха, при которой каждый начальник то превышает полномочия, то стремится переложить ответственность на вышестоящую инстанцию, а продвижение бумаг вверх и вниз по иерархии в значительной степени определяется случайными факторами.

Однако, помимо чисто делового аспекта функционирования иерархией, есть еще один аспект: человек, как известно, существо несовершенное и способное к злоупотреблению предоставленной ему властью. Для пресечения злоупотреблений многие организации вводят дополнительный уровень в своей структуре, который не отдает руководящих распоряжений, а только контролирует деятельность других уровней. Такое решение, в общем, вполне в духе принципа структурно-функционального параллелизма, и оно приносит свои плоды. Но как показывает практика, этого недостаточно. Контролирующий орган здесь слишком близок – и структурно, и функционально – к контролируемым органам, они фактически образуют единую систему, находят общий язык и приемлемые для обеих сторон способы злоупотреблений. Чтобы выйти за пределы этого порочного круга, западное общество изобрело новый метод: свободу печати. Печать и руководимое ею общественное мнение – это *метасистема* по отношению ко всем уровням всех иерархий, как исполнительных, так и судебных. Поэтому и функция ее радикально отличается от функций всех уровней. Журналисты и писатели не отдают никаких приказаний, они также не имеют никаких обязательств контролировать кого бы то ни было. Их стимулы и методы – все совершенно другое. Однако они всюду проникают и все контролируют. У них нет прямой административной власти поощрять или наказывать кого бы то ни было, однако они поощряют и наказывают – через общественное мнение или путем предоставления информации судебным органам.

В сфере производства материальных благ интеграция производителей через посредство *рынка* дает нам яркий пример структурно-функционального параллелизма. В отличие от

непосредственного обмена материалами и продуктами в процессе производства (на нижних уровнях структуры), обмен через рынок между независимыми производственными единицами порождает качественно новую функцию – функцию купли-продажи, которая характеризуется такими понятиями, как спрос, предложение, цена, себестоимость и т. д. Товарно-денежные отношения через посредство рынка оказались изумительным интегратором, позволившим в рамках капиталистического общества обеспечить неслыханные темпы развития производства – в количественном и качественном отношении. Маркс справедливо подчеркивал необходимость капитализма как фазы развития общества. Однако выход из этой фазы и переход к следующей фазе – социализму – Маркс связывал с отменой товарно-денежных отношений. Социалисты и коммунисты – традиционные враги рынка. Почему?

Наверное, просто потому, что деньги и рынок – неотъемлемая черта капитализма, и борьба с капитализмом кажется неотделимой от борьбы с рынком. Но каковы бы ни были ее причины, враждебность к рынку и стремление уничтожить рынок путем государственных декретов – типичное социалистическое варварство, результат механистического мышления и полного непонимания основных черт эволюционного процесса. Отменять рыночные отношения в пользу дорыночных отношений, то есть отношений прямого обмена в соответствии с разными планами, графиками, расписаниями и т. п., – это в точности то же самое, что отменять правовые отношения в пользу прямого командования. У командиров это может создать – на первых порах – ощущение могущества и упоение властью, но это – не путь в светлое будущее. Напротив, это регресс, это *антикибернетично*. Прогресс, конструктивная эволюция, достигается путем создания новых уровней иерархии по управлению. Это значит, что рыночные отношения надо не отменять, а управлять ими. Примером такого управления является подход Кейнса к государственному регулированию экономики с помощью финансовой политики. Сюда же надо отнести участие государства в деятельности рынка в качестве одного из производителей и потребителей и государственное регулирование цен; обе формы управления – при условии, что они не нарушают основного принципа действия рынка. Этот подход *кибернетичен*, он доказал, между прочим, свою эффективность. Функции, выполняемые государством, стоят в этом случае *над* рынком, а не *вместо* рынка, и это качественно новые функции, требующие для своего описания новых понятий, как и положено по принципу структурно-функционального параллелизма. Напротив, национализация промышленности, как она произошла в Советском Союзе, означает, что государство становится *вместо* рынка, оно становится собственником всей системы производства и управляет им как одним гигантским предприятием. На всех структурных уровнях управления методы и функции примерно одинаковы, структурно-функциональный параллелизм отсутствует или выражен в слабой степени. По существу, это механическая, а не кибернетическая система, она неповоротлива и неприспособленна к развитию, она так же тоталитарна, как государственная политическая система. На начальных стадиях своего раз-

вития, пока иерархия по управлению еще не слишком растянута, такая система может показывать хорошие результаты благодаря своей способности мобилизовать природные и человеческие ресурсы (второе, между прочим, называется *эксплуатацией*), однако со временем показатели неизбежно должны падать. Это мы и наблюдаем в действительности. Попытки улучшить функционирование советской экономики с помощью реформ представляют собой попытки восстановления утраченного структурно-функционального параллелизма. Сначала была резко увеличена роль денежных отношений с помощью повсеместного введения «хозрасчета». В шестидесятых годах была сделана робкая (и потому, видимо, неудачная) попытка повысить уровень экономической свободы, приблизив его к рыночному уровню. Все это лишний раз доказывает справедливость законов кибернетики.

2.21. Точка соединения индивидуумов

Итак, разрешение противоречия между интеграцией и свободой осуществляется при кибернетическом подходе к интеграции с позиций структурно-функционального параллелизма. Как и всякое диалектическое противоречие, оно не имеет окончательного разрешения, а разрешается лишь в динамике – в динамике эволюции общественных структур и функций. При этом связи между людьми становятся все теснее; люди становятся все более необходимыми друг другу и учатся все лучше понимать друг друга. В то же время «точка соединения индивидуумов», если можно так выразиться, непрерывно перемещается вверх по иерархии управления. Точка соединения индивидуумов – это то обязательное, что ограничивает свободу человека в обществе, то, что он должен принять, чтобы общество не распалось. Это обязательное не становится с историческим прогрессом менее обязательным, но оно становится более *абстрактным* и поэтому оставляет людям больше свободы. Прогресс в области общественных отношений состоит в выработке таких понятий и таких методов управления,

которые позволяют создать это абстрактное и связать его с конкретными действиями индивидуумов. В современном западном обществе мы уже отчетливо различаем трехуровневую систему качественно различающихся функций в области политики (исполнительная власть, правовые учреждения, свободная пресса) и экономики (производство, рынок, государственное управление рынком). Немалый и нелегкий путь прошло человечество, пока выработало соответствующие понятия и методы.

2.22. Что же дальше?

Бросим взгляд на человечество и его историю с более удаленной точки. В первобытном состоянии интеграция индивидуумов происходит примерно по тем же образцам, что

и в животном мире, она еще не является объектом мысли, объектом сознательных усилий человека. Начало цивилизации – это начало сознательной, целенаправленной социальной интеграции. Можно выделить три уровня, три механизма, с помощью которых осуществляется интеграция, иначе говоря, три точки (строго говоря, области расположения точки) соединения индивидуумов. Это:

- 1) прямое физическое принуждение,
- 2) экономическая необходимость, то есть необходимость добывания жизнеобеспечения,
и
- 3) свободная интеграция, направляемая духовной культурой общества.

Общественное устройство, где основным типом интеграции является первый способ, называется *рабством*; при втором способе мы имеем дело с *капитализмом*; общественное устройство, в основе которого лежит свободная интеграция на уровне духовной культуры, я называю *социализмом* (как это часто бывает, одно и то же слово используется для обозначения как общественного течения, так и его идеала).

2.23. Капитализм

Эта классификация включает в рабство как рабовладельческий, так и феодальный строй. Прямое физическое принуждение работать на хозяина является основой общественного устройства в обоих случаях. В конце концов, не так уж важно, может ли хозяин убить раба или «только» запороть его до полусмерти.

Капитализм предполагает правовое государство, в котором все люди равны перед законом и никто не может заставить другого человека работать на себя путем физического принуждения. Рабочий и капиталист вступают в добровольное трудовое соглашение. И хотя со стороны рабочего эта добровольность весьма относительна, ибо он вынужден продавать свою рабочую силу, чтобы существовать, вряд ли надо доказывать, какой большой шаг по направлению к свободе представляет собой капитализм по сравнению с рабством. Капитализм – это власть капитала. Что это значит? Капитал – это средства производства. Следовательно, капитализм – это власть средств производства. Капиталистическое общество – такое общество, где главной целью является производство материальных благ. Это не исключает, конечно, возможности отдельным людям и группам людей иметь свои личные и групповые цели, далеко выходящие за рамки производства. Но *основой социальной интеграции* продолжает оставаться производство, оно определяет способ людей жить вместе, мотивы их объединения, важнейшие социальные учреждения.

Капитализм становится возможным на определенной стадии развития производительных сил. Обозначим вместе с Марксом вклад средств производства (или постоянной части

капитала) в один производственный цикл через C , а вклад рабочей силы (переменный капитал) – через V . Относительный вес членов C и V в сумме $C + V$, вкладываемой в производство, меняется по мере развития производительных сил, а именно, доля C растет, а доля V падает. Пока C много меньше V , рабочая сила является основой производства; прямой и простейший способ организации рабочей силы – физическое принуждение – создает рабство. На некоторой стадии развития производства вклад C становится решающим. Кроме того, коэффициент расширения производства – отношение суммарного продукта, который мы обозначим через P , к затратам $C + V$ сильно увеличивается. В результате средства производства начинают развиваться как бы сами собой; труд человека, изображаемый членом V , остается хотя и необходимым, но не определяющим фактором: нанять рабочего оказывается легче, чем раздобыть средства производства, капитал. Капитал приобретает свойство расти экспоненциально, а рабочий становится «придатком машины».

Классический капитализм – это такое общество, где отношения людей *исчерпываются* их экономическими отношениями, осуществляемыми через посредство рынка (в частности, конечно, рынка рабочей силы). В этом обществе нет ни монопольных объединений производителей, ни профессиональных объединений рабочих. Классический капитализм был проанализирован Марксом, который пришел, в частности, к выводу о максимизации средней нормы прибыли в этих условиях. Иначе говоря, классический капитализм – это такой строй, который при данных средствах производства обеспечивает максимально возможный рост производства. Это свойство капитализма является результатом конкуренции на рынке, при которой каждый, кто хочет уцелеть, обязан включиться в общую гонку. Доля конечного продукта P , идущая на потребление, в частности – на оплату рабочей силы, минимизируется; доля, вкладываемая снова в производство, максимизируется. Всякая возможность увеличения производительности труда изыскивается и используется.

Классический капитализм – это идеализация, предельный случай, который в чистом виде не существует и никогда не существовал. Но в определенный период времени европейский капитализм был близок к нему. Затем под влиянием как экономических, так и внеэкономических факторов он претерпел существенную эволюцию. В частности, благодаря коллективной борьбе рабочих за повышение зарплаты уровень потребления давно превысил тот минимум, который необходим для максимального роста производства, и продолжает расти. Но и сейчас государства Западной Европы и Северной Америки нельзя назвать иначе, как капиталистическими: важнейшие черты общественного устройства несомненно определяются капиталистической системой производства и потребления материальных благ.

2.24. Переход к социализму

Капиталистическое общество подвергалось и подвергается интенсивной критике, в значительной мере вполне справедливой. Но если вдуматься в эту критику, то мы увидим, что она является *критикой недостаточности капитализма*, а не обличением активного зла. Во всяком случае, так обстоит дело с разумной, обоснованной критикой; она не столько указывает на наличие чего-то вредного, сколько на отсутствие чего-то полезного, даже необходимого. Власть денег? Но деньги – то есть средства жизнеобеспечения и производства – не могут не иметь власти, ибо они необходимы: плохо не то, что деньги имеют власть, плохо, когда власть имеют *только* деньги. Погоня за прибылью? Но само по себе это прекрасно – это стремление к максимальному росту производства – цель, которую так называемые социалистические страны кладут в основу государственной политики. Плохо, если погоня за прибылью является *единственным* стимулом и регулятором развития экономики. Концентрация большой экономической власти в руках крупных собственников? Но в большой и сильно связанной экономической системе кто-то должен обладать большой экономической властью, подобно тому как в большом государстве кто-то неизбежно обладает большой политической властью. Плохо, если отсутствуют формы *общественного контроля* над этой властью.

Переход от капитализма к социализму – это метасистемный переход, он предполагает не разрушение предыдущего этажа системы, а постройку следующего этажа. (Нужно, впрочем, заметить, что это отнюдь не исключает какую-то перестройку предыдущего этажа.) Революционеры, как Маркс и Энгельс, призывали разрушить капитализм до основания и построить социализм на его обломках. Конечно, под обломками не понимали обломков машин и домов. Разрушать средства производства не предполагалось – напротив, они должны были образовать материальный фундамент будущего общества. До основания предполагалось разрушить лишь общественные отношения. Здесь просвечивает «материалистический» (читай: механистический) интеллектуальный фон 19-го столетия, согласно которому лишь вещи имеют подлинное бытие, обладают инерцией и требуют энергии для их создания, а отношения – нечто воздушное и производное. Кибернетик 20-го века знает, что система отношений – это реальность, которая требует для своего создания огромной творческой работы.

Для кибернетика разрушение рынка или «буржуазного» права – такое же варварство, как разрушение машин и железных дорог.

2.25. Частная собственность на средства производства и трудовая теория стоимости

Чтобы обосновать необходимость разрушения чего-то, надо усмотреть в нем некое активное зло, коренной принципиальный порок. Такой порок Маркс усмотрел в частной собственности на средства производства, которая по, его утверждению, вступает в непримиримое противоречие с общественным характером производства. Теоретическим обоснованием этой концепции является трудовая теория стоимости, принадлежащая Адаму Смиту, но развитая Марксом и ставшая неотъемлемой частью марксизма. По Марксу, истинная стоимость товара, которую он отличает как от «потребительной стоимости», так и от рыночной цены, есть количество «общественно необходимого труда», затрачиваемого на изготовление этого товара. Парадоксально, что эта теория возникла и получила признание в момент начала расцвета капитализма, то есть как раз тогда, когда она стала ошибочной, утратила право на существование! Ибо продукт производственного цикла пропорционален, грубо говоря, сумме $C + V$. В докапиталистическую эпоху член C был мал, и поэтому можно считать, что производственная стоимость пропорциональна затраченной рабочей силе V : продукт производится работой. Но в эпоху капитализма именно член C является решающим: машины производят продукцию! Зачем же понадобилась Марксу трудовая теория стоимости? Чтобы доказать, что капиталист *грабит* рабочего. Если признать, что полный продукт пропорционален $C + V$, то есть в стоимостном выражении

$$P = k(C + V),$$

где k – коэффициент воспроизводства, то и прибавочный продукт, или прибавочная стоимость, будет пропорциональна $C + V$:

$$m = P - (C + V) = (k - 1)(C + V).$$

Но тогда получается, что владелец капитала C имеет право по крайней мере на пропорциональную часть прибавочной стоимости. Чтобы избежать этого вывода, Маркс и проводит черту между «потребительной стоимостью» и якобы «истинной» стоимостью, определяемой количеством затраченного рабочего времени. Затем он постулирует, что стоимость, содержащаяся в C , просто переходит один к одному в конечный продукт, а прибавочная стоимость m пропорциональна вложенному труду V ; коэффициент пропорциональности m/V носит название нормы прибавочной стоимости. Это, конечно, чисто метафизический постулат, не имеющий никакого реального смысла. Именно «потребительная стоимость» товара, его материальная форма, является той стоимостью, ради которой он производится

и которая участвует в процессе ценообразования на рынке. Прибавочная стоимость в этом смысле отражает свойство развивающихся систем увеличивать со временем свою массу и производить новые материальные формы. Рабочее же время, заключенное в товаре, остается невидимым, когда товар поступает на рынок; оно влияет на цену лишь косвенно, через свое влияние на предложение. И уж конечно, нет никаких разумных оснований помножать рабочее время на норму прибавочной стоимости: время, в отличие от материи, не обладает свойством самовоспроизведения. При попытке вычислить норму прибавочной стоимости мы должны вводить в рассмотрение конечный продукт, который пропорционален не V , а $C + V$, из-за чего возникает множество противоречий и нелепостей. Эти нелепости становятся особенно очевидны, когда речь заходит о труде организатора, об изобретении новых машин, об автоматических линиях и т. п.

В логике Маркса заслуживает внимание то, что он борется с капиталистической собственностью, опираясь на понятие собственности, апеллируя к собственническому инстинкту, а отнюдь не пытаясь подняться над ним. Стать выше собственности – это значит увидеть и объяснять другим, что собственность есть просто форма управления предметной компонентой цивилизации, которая, как и всякая форма управления, может трансформироваться постепенно. Принять такой подход – значит стать на путь реформ: прогрессивный подоходный налог, высокий налог на наследство, ограничение на право распоряжаться крупной собственностью и т. п. Но нет худшего зла для революционера, чем реформы, и нет худшего ругательства, чем реформизм. Марксисты доказывают, что капиталист *грабит* рабочего, то есть отнимает его *собственность*; что прибавочная стоимость, которая в капиталистическом обществе считается принадлежащей капиталисту, *на самом деле* принадлежит рабочему. Это метафизическое «на самом деле» сохраняет мистику собственности, опирается на нее. Вытекающий отсюда лозунг обратного грабежа – грабить награбленное или экспроприировать экспроприаторов – встречает у различных слоев населения поддержку, обратно пропорциональную культуре.

2.26. Эволюция государства

Представление о движении «точки соединения индивидуумов» вверх имеет нечто общее с учением Маркса об отмирании государства. И если бы я решил из политических соображений называть себя марксистом, то я мог бы сказать, что это движение и есть как раз отмирание государства по Марксу, только конкретизированное в новых кибернетических терминах. О том времени, которое наступит после социалистической революции, Энгельс пишет:

«Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами

становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не „отменяется“, оно *отмирает*».

Действительно, если в соответствии с марксистским учением понимать государство как исключительно и преимущественно орган насилия одних групп людей над другими, то государство должно отмереть и будет отмирать. Однако именно эта трактовка понятия государства и вызывает у меня протест. Это – вульгарное, демагогическое упрощение. Государство принято понимать как совокупность инструментов социальной интеграции. Обойтись без этих инструментов общество не может. Сколь они совершенны – другой вопрос, но объявлять инструменты интеграции до социалистической революции безусловным злом и лишь после революции – добром, это демагогия. Характер государства зависит от материальной и духовной культуры общества и трансформируется вместе с трансформацией культуры. Пока в обществе нет идеи права и пока не признано, что эта идея распространяется на каждое человеческое существо, государство не может быть иным, кроме рабовладельческо – феодального. Пока общество не выработало идей о том, как организовать интеграцию на основе, отличной от производства и потребления, и пока не созданы для этого необходимые материальные предпосылки, государство остается капиталистическим. Эволюция государства происходит по мере того, как общество в поисках и борьбе открывает новые способы интеграции, обеспечивающие индивидууму большую степень свободы. Эта эволюция, как всякая эволюция, есть *усложнение*, а не упрощение и тем более не отмирание. В частности, самые низкоуровневые методы управления – физическое насилие, а порой и убийство остаются в резерве государства. Прогресс состоит в том, что масштаб применения таких мер сокращается, но можно ли их избежать полностью – этот вопрос пока остается открытым.

Отрицание государства перешло в марксизм из анархизма. Один из первых влиятельных анархистов в истории европейской мысли, Вильям Годвин, утверждает, что «всякое правительство есть зло: оно равносильно нашему отречению от собственного суждения и совести».20 Годвин не называл себя анархистом; анархию, под которой он понимал ничем не сдерживаемый разгул страстей, он считал переходным периодом к установлению нового порядка: «Разумеется, это ужасное испытание для народа – дать волю своим страстям, пока сознание последствий не придаст новых сил рассудку; но это испытание тем более действительно, чем более оно ужасно».10

В основе представлений Годвина о новом порядке лежит противопоставление государства и общества. «Общество есть благо, государство в лучшем случае – только необходимое зло», – говорит он. Это противопоставление проходит красной нитью через все анархистские и многие социалистические учения. В сущности, оно довольно бессодержательно, так как противопоставляемые понятия очень общи, очень близки и не всеми понимаются одинаково. В основном, оно служит лишь для оценочных суждений: плохо устроенное общество называют государством, хорошо устроенное государство называют обществом.

В либеральном и социалистическом направлениях мысли 19-го века *управление людьми* безоговорочно считалось злом. Идеальный общественный порядок представлялся не сложной многоуровневой системой отношений, которую надо постоянно поддерживать с помощью специальных учреждений (что есть управление людьми), а как нечто фундаментально простое, как нечто, что будет происходить *само собой*, лишь бы только не было принуждения, «управления». Это представление, характерное для химико-механической фоновой концепции реальности, роднит анархистов Годвина и Кропоткина с социалистами Марксом и Лениным (последним, впрочем, лишь до прихода к власти!) и с либералом Спенсером. Оно было свойственно всем прогрессистам 19-го века. Кропоткин писал:

«Как только государство не может более навязывать своего союза, он возникает сам собою, в согласии с естественными потребностями. Уничтожьте государство, и на его развалинах возникнет вольная федерация, действительно единая, неделимая, но свободная и в силу этой свободы все растущая в солидарности».¹¹

Происходить это будет следующим образом:

«Народ примет временные меры, чтобы обеспечить себя пищей, платьем, жилищем. Народ завладеет сначала хлебными амбарами, бойнями, складами съестных припасов. Гражданки и граждане добровольно сделают опись того, что находится в каждом магазине, в каждом амбаре: миллионы экземпляров точных списков всех товаров будут розданы всем с указанием мест, где они собраны, а также способов распределения. Народ возьмет полной горстью все, что имеется в избытке, и поделит на строгие доли все, что должно быть размерено, предоставляя самую легкую пищу больным и слабым. Потребленные съестные припасы будут возмещаться привозом из деревень, причем для крестьян следует производить полезные для них вещи и обмениваться ими; кроме того, городские жители начнут обрабатывать барские парки и окружающие луга».

2.27. Разделение труда

Нельзя читать это без улыбки. Марксисты тоже посмеиваются над Кропоткиным, над его наивностью и нереалистичностью предсказаний. Они утверждают, что только Маркс поставил учение об отмирании государства на «реалистическую» и «научную» основу, связав его с уничтожением классов. Однако на деле учение об уничтожении классов не дает ничего нового по сравнению с картинками, рисуемыми прямодушными утопистами и анархистами. Если принимать его всерьез, то отсутствие классов возможно только в обществе, где нет разделения труда, о чем неоднократно писали основоположники марксизма. Но уничтожение разделения труда – это меньше, чем утопия, это нелепица. В «Немецкой идеологии» мы читаем:

«Дело в том, что, как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой

определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти: он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, – тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике – как моей душе угодно – не делая меня в силу этого охотником, рыбаком, пастухом или критиком».¹²

Здесь, как и почти во всех своих конкретных примерах, Маркс ориентируется не на будущее, а на прошлое. Примеры, иллюстрирующие трудовую теорию стоимости, не выглядят абсурдными потому, что они берутся из той сферы, где роль машин и изобретательства еще не велика, а не из сферы крупного машинного производства, которому как раз и суждено было в ближайшем будущем определить лицо капитализма. Точно так же, в приведенном выше примере фигурируют архаические занятия охотника, рыболова, скотовода и комическое занятие «критического критика». Если мы заменим эти занятия на более современные, то получим картину «коммунистического человека», который сегодня разрабатывает новый тип компьютеров, завтра на головокружительной высоте сваривает стальные балки, утром оперирует больного язвой желудка, после полудня читает лекции по квантовой механике, вечером выступает в оперном театре, а после ужина переводит с древнегреческого. Вряд ли эту картину нужно комментировать.

Иногда приходится слышать, что с ростом производительности труда, когда производство жизнеобеспечения, а следовательно и обязательный труд, будет занимать ничтожную часть времени, создадутся условия для бесклассового, бесструктурного общества, в котором не будет разделения труда и роль каждого индивидуума в обществе будет одинакова. Но это неверно. Разделение труда не связано с тем, каковы цель и результат труда, а связано лишь со сложным и коллективным характером труда. Мы видим это на примере научной работы. Не производство предметов потребления является ее целью, а между тем разделение труда в науке существует и все увеличивается. Интеграция и специализация неразделимы: это две стороны одного и того же движения. Так было при образовании многоклеточных организмов, так есть и будет при объединении людей в общество. До тех пор, пока общество будет существовать как целое, до тех пор будет существовать и разделение труда, и иерархическая система управления.

Есть две разновидности эгалитаризма: эгалитаризм права и эгалитаризм доли (участия). Первая разновидность утверждает, что все люди имеют от рождения равное право на общественное достояние и на участие во всех сторонах общественной жизни. Такой эгалитаризм полностью оправдан с точки зрения эволюционизма. Ибо любые формы неравенства,

накладываемые на человека по соображениям, не связанным с его конкретной личностью, сокращают творческий потенциал общества. Отрицательное отношение ко всем привилегиям, получаемым по наследству, в частности к наследованию капитала, – всегда было и будет характерной чертой социализма. Но из эгалитаризма права вовсе не следует, что реальное участие каждого человека в общественной жизни и его доля в распределении результатов общественной деятельности должны быть одинаковыми, как этого требует вторая разновидность эгалитаризма. Разумеется, общество должно стремиться обеспечить наилучшие условия существования и наиболее полно удовлетворить всех своих членов, но эгалитаризм доли *как принцип* не имеет никакого разумного оправдания. Это принцип действует на общество разрушающе, и провести его в жизнь можно только, разрушив общество.

2.28. Социальная интеграция в СССР и в западных странах

Если собственность понимать не как какую-то мистическую связь между человеком и вещью, а как высший уровень в иерархии управления вещью, то собственность будет существовать до тех пор, пока будет существовать разделение труда, и это, между прочим, подчеркивал не кто иной, как Маркс. Национализация есть не уничтожение собственности, а передача ее в другие руки. Это не отрицается и советской официальной идеологией: считается, что *частная собственность* на средства производства заменена у нас на *общественную*. Но общественной собственностью можно считать только такие вещи, которыми каждый член общества распоряжается по своему усмотрению: например, воздух. При наличии иерархии управления вещами они являются собственностью организации, осуществляющей управление, точнее – собственностью высшего уровня иерархии в этой организации. С экономической точки зрения, советский общественный строй является государственным капитализмом. Государство в лице его верховных властителей является собственником огромной системы промышленного и сельскохозяйственного производства. Фактически, это единственный собственник в стране, кроме него лишь крестьяне обладают крохотными приусадебными участками (колхозная собственность – не в счет; она формально считается общественной, но на деле принадлежит государству). С населением государство-производитель вступает в рыночные отношения: оно покупает рабочую силу и продает продукты производства. Оно стремится к максимальному расширению производства и вообще ведет себя как заправский капиталист. Так как оно обладает почти абсолютной монополией (конкурируют с ним лишь продавцы на рынке и лишь в сфере продуктов питания) и абсолютной монополией на рынке рабочей силы (только оно может нанимать людей на работу), государство само устанавливает цены на товары и заработную плату. В США существуют специаль-

ные антитрестовские законы, чтобы предотвратить захват рынка монополиями и навязывание потребителю завышенной цены; существует право на забастовки, чтобы предотвратить навязывание заниженной заработной платы. В Советском Союзе государство-капиталист находится в таких условиях, о которых западные капиталисты могут только мечтать.

(Впрочем, тепличные условия оказывают развращающее действие. Избавленное от необходимости конкурировать на рынке, государство-производитель и его каждая структурная компонента лишаются необходимости энергично использовать все возможности для повышения экономической эффективности. В первую очередь это относится к внедрению новой техники и повышению качества продукции – эти вечные заботы руководителей советской промышленности. Кроме того, государство может позволить себе роскошь продвигать людей вверх не по деловым качествам, а по «преданности делу партии».)

Экономическая жизнь не исчерпывает собою общественную жизнь, и экономический уклад не равнозначен общественному строю. Государственный капитализм – существенная черта советского образа жизни, но основным инструментом социальной интеграции в СССР является коммунистическая партия, то есть явление внеэкономическое. Партийная, а не производственная иерархия играет ведущую роль. При всей важности экономического развития единство партии и единство вокруг партии играют еще более важную – решающую – роль. И когда под вопрос ставится это единство, руководители, не задумываясь, жертвуют экономикой.

Далее, власть партийной иерархии осуществляется не путем голого, прямого принуждения, осознаваемого всеми как таковое (что имеет место в рабовладельческом обществе), а путем внедрения через пропагандистскую машину нужного руководству образа мышления. Формально советское общество является правовым и даже до известной степени демократическим (выборы в Советы депутатов, выборы в партийные органы), и лишь благодаря особому способу мышления советского человека эти формальные установления не выливаются в действительную свободу и демократию. Таким образом, механизм социальной интеграции не исчерпывается ни физическим насилием, ни экономическим принуждением, а существенно опирается на сферу культуры. Идеология коммунистической партии лишена всяких следов метафизической трансцендентности, интеграция понимается в наиболее земном и прямом из всех возможных смыслов: морально политическое единство, осуществление воли партии и т. д. Все эти признаки дают основание считать советскую систему формой социализма – тоталитарной, то есть уродливой формой, но все же формой социализма.

В буржуазно-демократическом государстве органы власти формируются также внеэкономическими образованиями – политическими партиями, и часто правительство является, как и в Советском Союзе, однопартийным. Однако взаимоотношения между системой производства и политическими партиями здесь радикально отличаются от того, что мы имеем в СССР, они, можно сказать, противоположны. Идеи, вокруг которых граждане в капитали-

стических странах объединяются в партии, являются их личным делом; эти идеи, а вместе с ними и группировка по партиям могут претерпевать быстрые изменения. Основой общественной стабильности является частная собственность на средства производства, которая признается подавляющим большинством населения как краеугольный камень государства и охраняется законом. В СССР, напротив, именно партийная структура и партийная идеология являются основой стабильности, а управление производством может претерпевать резкие изменения – как в смысле своей структуры, так и состава лиц, его осуществляющих. Руководящая роль коммунистической партии закрепляется Конституцией СССР.

Структура и власть партийной иерархии и навязывание гражданам партийной идеологии осуществляются в Советском Союзе не только внеидеологическими, но и внеэкономическими методами, поэтому, по сравнению с буржуазно-демократическим обществом, где свободной борьбе идей мешают лишь экономические факторы, советская система является шагом назад, а точнее – назад и в сторону – в эволюционный тупик. Она сближается с древними общественными системами, где государство и религия поддерживали себя и друг друга ничем не ограниченным насилием. Эти соображения, в противовес высказанным выше, дают веские основания, чтобы не называть советский строй социалистическим. Трудное дело – терминология. Вряд ли Маркс или Энгельс согласились бы признать социалистическим общество, столь лишенное элементарных гражданских прав личности, как советское. В теории социализм всегда связывался с формулой «интеграция плюс свобода». Но на деле социалистические движения вращались главным образом вокруг идеи интеграции – до такой степени, что обобществление средств производства стало считаться чуть ли не сущностью, определением социализма. Именно в идее интеграции была и есть специфика социалистов. Что же касается свободы, то уже довольно давно в Европе все – за свободу (тоже в теории, разумеется). Поэтому естественно связывать понятие социализма с социальной интеграцией вообще, что я и сделал в начале этой части книги. Это имеет и то основание, что весь мир – и социалисты, и не социалисты – называет Советский Союз социалистической страной. Но тогда, как называть тот социализм, который изображается формулой «интеграция плюс свобода» и который для многих, в том числе и для меня, продолжает оставаться общественным идеалом? Невозможно постоянно носить за собой прилагательное «нетоталитарный» (это даже как-то унижительно: нельзя же, например, требовать от человека, чтобы он постоянно повторял, что он не вор) или такие претенциозные словечки, как «истинный», «подлинный» и т. п. Поэтому остается только называть его просто социализмом. А тоталитарный социализм мы можем с полным правом называть просто тоталитаризмом. Но нельзя забывать, что тоталитаризм содержит в себе социалистический элемент, и именно в этом его сила. Тоталитаризм – не нелепость, не игра случая, а нечто гораздо более опасное – извращение. Опасность тоталитаризма в том, что он *похож на социализм*. Вещества, совершенно чуждые живому организму, непохожие ни на

одно из веществ, участвующих в физиологической активности, как правило, выводятся из организма, не причиняя ему большого вреда. Но когда вещество похоже на какое-то важное для физиологии соединение, но все же не тождественно ему, оно «обманывает» организм и зачастую оказывается сильнейшим ядом. Так обстоит дело и с тоталитаризмом в мировом общественном «сверхсущество».

Из того, что конечная цель социальной интеграции теряется в тумане будущего, следует, что «подлинный» (да простит мне читатель употребление этого эпитета в некоторых случаях) социализм представляет собой бесконечный процесс, а не какую-то определенную черту общественного устройства, которую можно осуществить и объявить раз и навсегда, что «социализм построен». То или иное общество может в большей или меньшей степени считаться социалистическим. Вс'е же мы можем провести черту, условно отделяющую капитализм от социализма, подобно тому как мы можем отличать человека образованного от необразованного, хотя движение по пути образования непрерывно и бесконечно. Преобразования, проведенные за последние десятилетия в западных капиталистических странах, — государственное регулирование экономики, высокие подоходные налоги, непрерывный рост социального обеспечения и т. п. — несомненно представляют собой крупные достижения на пути к социализму. Но до черты, отделяющей капитализм от социализма, еще, я полагаю, далеко. Ибо все эти реформы затрагивают лишь сферу производства и распределения материальных благ. А социализм — это явление культуры, это религия и способ жить в соответствии с этой религией. Если представить себе, что завтра в какой-то стране будет создана автоматическая система производства, которая будет сама, без всякого участия людей производить для них все материальные блага и распределять их между людьми строго поровну (пусть даже «по потребности», пусть даже с десятикратным избытком!), то общество от этого не станет социалистическим. Напротив, можно подозревать, что оно начнет вырождаться и разложится. Или же станет тоталитарным. Ибо других механизмов внеэкономической интеграции, кроме тоталитарного, современное человечество еще не знает. Парламентская демократия в капиталистическом государстве поддерживает известную долю единства, вследствие необходимости сохранить экономику от развала. Что будет, если эта необходимость отпадет?..

2.29. Валентные и массовые связи

Валентные и массовые связи¹³

Связи между людьми в обществе — это всегда какое-то воздействие, влияние людей друг на друга. Движение к социализму есть смещение центра тяжести этих влияний и воздействий вверх — от насилия, через экономическую необходимость, в сферу духовной культуры, а в самой этой сфере — от простого подражания и обмена информацией на эмпирическом

уровне ко все более тесному интеллектуальному и эмоциональному контакту, который является необходимым условием прогресса культуры.

Тесный интеллектуальный и эмоциональный контакт между людьми требует усилий и времени. Число связей такого типа, в которые может одновременно вступать человек, ограничено. Я буду называть эти связи *валентными* – по аналогии со связями между атомами, которые образуются вследствие обмена электронами и число которых поэтому ограничено. Валентные связи (сокращенно: ν – связи) между людьми – связи личные, индивидуализированные. Это отношения, предполагающие тесный духовный контакт, взаимопонимание и взаимное доверие, обмен самыми сложными и, быть может, неясными мыслями и чувствами. Любовь, дружба, творческое содружество – примеры таких связей. Это самый человеческий, быть может, даже единственно человеческий в полном смысле слова способ общения, при котором собственно человеческое раскрывается в человеке во всей полноте и без которого оно раскрыться не может. Валентная связь – существенно двусторонняя связь. Вместе с тем, один из членов такой связи может быть ведущим, а другой – ведомым, что иллюстрируется, например, отношениями между родителями и детьми.

Максимальное и оптимальное число всех валентных связей, в которые может вступать человек (так сказать, его «валентность»), не есть строго определенная величина. Тем не менее, я буду обозначать ее через ν , помня, что она определена, как говорят физики, с точностью до порядка. А именно, $\nu = 10$. Трудно представить себе человека, у которого число друзей исчисляется сотнями. С другой стороны, и человек, который способен дружить не более, чем с одним человеком, представляет скорее исключение, чем правило.

Связи, которые не являются валентными, я назову *массовыми связями* (сокращенно: *m-связями*). Число таких связей у одного человека может быть очень велико, а благодаря изобретению средств массовой коммуникации оно становится принципиально неограниченным. Отношения, в которые человек вступает с прохожими на улице или со случайными попутчиками в автобусе, – пример *m-связи*. Президент Соединенных Штатов Америки находится в *m-связи* со всеми гражданами, которые смотрят по телевизору его выступление. Священник находится в массовой связи со всеми прихожанами, которые слушают его проповеди и время от времени приходят исповедоваться, а милиционер – с жителями своего участка, которых он иногда отвозит в вытрезвитель или арестовывает. Поверхностное, «шапочное» знакомство – тоже массовая связь. Поэтому я вынужден вводить новое словосочетание «валентная связь», а не просто говорить о «личной» связи. Когда пользуются выражением *личная связь*, хотя и противопоставляют ее *общественной связи*, то есть связи, формализованной в каких-то общественных структурах, но ничего не говорят о характере взаимоотношений между людьми.

Человек обладает врожденной потребностью в валентных связях: она досталась ему в наследство от общественной организации его животных предков, которая основывалась на

индивидуализированных связях между особями. Этот способ организации свойственен не только предкам человека, но и многим другим позвоночным, как мы узнаем из замечательной книги одного из крупнейших современных специалистов по поведению животных Конрада Лоренца.¹⁴ Это наиболее сложный способ социальной организации в животном мире. Кроме организации, основанной на индивидуализированных связях, Конрад Лоренц описывает еще три типа сообщества животных.

1. Самый примитивный тип общества – это анонимная стая или стадо. Мы находим его, например, у сельди, у леммингов, у многих копытных. Животные в стаде испытывают друг к другу взаимное притяжение, распознавая представителей своего вида по общим для них признакам и не делая никаких различий между отдельными индивидуумами. Сила притяжения со стороны стада, действующая на одно животное или небольшую группу, «чудовищно велика и возрастает с размером стада, возможно – в геометрической прогрессии».¹⁵

2. Второй тип общества обладает, в отличие от стада, некоторой структурой.

Здесь силы связывают конкретную пару особей, а именно самца и самку, производящих и воспитывающих общее потомство. Но силы эти определяются исключительно распределением особей по территории; сила связывает не особь *X* с особью *Y*, а особь, живущую в месте, с особью другого пола, живущую в том же месте. Поэтому, когда по каким-либо причинам территориальное распределение меняется, связи безболезненно разрываются и заменяются новыми. Так живут, например, ящерицы и аисты. В книге Лоренца описывается следующий эпизод из семейной жизни аистов, свидетелем которого был проф. Э. Шюц. Весной аисты-самцы прилетают раньше самок. Одной весной аист, живший на крыше дома профессора Шюца, прилетел, как обычно, на старое место. Спустя некоторое время, появилась самка, но не хозяйка гнезда, а другая (хозяева были окольцованы). Самец приветствовал ее всеми знаками внимания, причитающимися супруге, после чего они стали возиться с гнездом. Через два дня прилетела прежняя хозяйка гнезда и вступила в отчаянную территориальную схватку с новой хозяйкой. Самец наблюдал за битвой равнодушно, не делая попыток помочь какой-либо из сторон. Победила старая хозяйка, после чего самец принялся как ни в чем не бывало продолжать ремонт гнезда. Такого рода связи можно назвать «производственными»: особи выступают здесь как исполнители определенной функции и поэтому являются взаимозаменяемыми.

3. Третий способ общественной организации – жить кланами или большими семьями.

Из млекопитающих так живут, например, крысы. К этому же типу относится жизнь общественных насекомых, как например, пчел. Число особей в клане слишком велико, чтобы его члены могли распознавать друг друга индивидуально. В большинстве

случаев принадлежность к клану распознается по запаху. Кланов ведут друг с другом свирепые войны. Животных, попавших в чужой клан, обычно убивают.

4. Четвертый и наивысший тип общества – это общество, основанное на индивидуализированных связях. Каждая такая связь представляет собой самостоятельное явление: она связывает конкретную особь с конкретной особью Y (хотя, конечно, механизм возникновения связи един). Особи и Y могут быть как разных полов, так и одного пола. Лоренц называет такие отношения между животными дружбой – без всяких кавычек, ибо смысл и механизм этих явлений у человека таков же, как и у высших животных; совокупность особей, связанных между собой попарными отношениями дружбы, он называет *группой*. Зачатки индивидуализированных связей встречаются у некоторых рыб; шире они распространены среди птиц (галки, гуси) и еще шире – среди млекопитающих (классический пример – волки). Лоренц подробно и с большой теплотой описывает отношения дружбы между дикими серыми гусями.

Валентные связи между людьми не исчерпываются, конечно, теми отношениями дружбы, которые доступны и животным, но эти отношения входят как важная биологическая компонента. Культура вносит новые элементы в валентные связи, придает им дополнительные измерения. Для кибернетики здесь важен следующий факт: когда мозг животного развивается в достаточной степени, чтобы уверенно отличать друг от друга много различных особей своего вида, возникает и становится все более распространенным новый тип общественной организации – основанный на индивидуализированных связях. Индивидуализированные связи, подобно валентным связям между атомами, дают возможность строить сколь угодно сложные структуры, не сводящиеся к простой куче, стаду. Эти структуры могут быть одновременно сильно связанными и подвижными, способными к трансформации. В этом – отличие индивидуализированных ν -связей от массовых и смысл их появления в процессе эволюции жизни.

2.30. Модель пересекающихся V -иерархий

Президент США избирается путем всеобщего прямого голосования. Его выступления может смотреть и слушать каждый гражданин, и принятые им решения непосредственно влияют на каждого. Это – массовая связь; на связях такого рода основано современное демократическое государство, объединяющее миллионы граждан. Валентные связи ограничены сверху числом n . Можно ли на основе валентных связей построить общественную систему, представляющую из себя единое целое и включающую миллионы индивидуумов? Можно, но необходимым условием является наличие в такой системе четкой многоуровневой иерархии.

Я предлагаю читателю рассмотреть следующую схему или модель принятия решений и управления обществом, основанную на V -связях.

В жизни человека и человеческого общества можно выделить несколько важных аспектов: производственный, бытовой, научно-исследовательский, политический и др. Каждому аспекту соответствует иерархическая система валентных связей, с помощью которой общество принимает решения, связанные с этим аспектом и проводит принятые решения в жизнь. Будем называть их V -иерархиями. Общее число выбранных аспектов, а следовательно V -иерархий, не должно быть велико: вероятно, в пределах от 2 до 8.

Образование каждой V -иерархии происходит следующим образом. Вначале все граждане объединяются в $-$ и, следовательно, разбиваются на $-$ группы по V человек. Здесь V существенно меньше v и заключено, вероятно, в пределах от 4 до 8. Предполагается, что в группе устанавливаются $-$ в результате активных контактов $-$ валентные связи между каждой парой членов. Образование группы должно происходить на строго добровольных началах; процесс этот, конечно, не простой, и займет он немало времени. Когда образование групп закончено, каждая группа $-$ будем называть эти группы группами основного или нулевого уровня $-$ выделяет одного *представителя*. Это будут представители первого уровня. Они объединяются в группы первого уровня, опять-таки основанные на V -связях между членами. Представитель первого уровня продолжает оставаться членом своей группы основного уровня и участвовать в ее жизни. Таким образом, он будет участвовать в жизни двух групп одновременно. Группы первого уровня выбирают представителей второго уровня и т. д., пока на вершине пирамиды не оказывается один представитель.

Иерархия не остается фиксированной раз и навсегда. В любой момент (или раз в течение определенного времени $-$ этот, как и многие другие вопросы, я оставляю без конкретизации) группа i -го уровня может отозвать своего представителя на $i + 1$ -ом уровне и заменить его другим (но отозвать своего представителя, поднявшегося на $i + 2$ -ой уровень, без согласия соответствующей группы $i + 1$ -ого уровня она не может). Так как принять решение, что человек чего-то недостоин, требует гораздо меньше времени, чем принять решение, что он достоин, представитель высокого уровня, совершивший единодушно порицаемое деяние, может в мгновение ока скатиться до самого низа иерархии. Далее, контакты между членами разных групп (которые не запрещаются и значит будут иметь место) могут приводить к изменению состава групп, что также может влиять на движение вверх и вниз по иерархии. Массовые связи тоже, разумеется, сохраняются и будут играть роль: человек, написавший хорошо читаемую книгу, воздействует на все общество в целом (и надо думать, на свое продвижение по одной из V -иерархий).

Каждая группа представителей принимает решения, относящиеся ко всем представителям и рядовым членам групп, участвовавшим в выборе этой группы. Деятельность V -иерархии, и в частности взаимоотношения между уровнями, должны быть основаны на

принципе структурно-функционального параллелизма. Я не могу конкретизировать эту мысль, так как строю чисто абстрактную схему, но я допускаю, например, что в политической V -иерархии (или одной из политических иерархий, ибо их может быть несколько, в соответствии с различными аспектами политической жизни) применение физического насилия может разрешаться только со стороны членов группы, к которой принадлежит данный индивидум, включая представителя.

Сделаем несколько несложных математических расчетов, чтобы убедиться, что наша схема не вступает в противоречие с реальными цифрами, характеризующими современного человека и человеческое общество.

Обозначим через N число членов общества. Высота иерархии, которую обозначим через h , будет связана с N и V соотношением

$$V^h = N$$

или

$$h = \log N / \log V.$$

Положим $V = 5$, $N = 250$ млн. Тогда $h = 12$. Допустим, что образование группы на каждом уровне будет занимать полгода (с учетом времени, необходимого для установления долговременных валентных связей). Тогда формирование всей V -иерархии будет выполнено за 6 лет.

Займемся теперь вопросом о полном числе валентных связей, в которые должен будет вступать член нашего гипотетического общества. Член каждой иерархии вступает в $V - 1$ связей со своими товарищами по группе основного уровня. Если его избирают представителем первого уровня, то число его связей будет $2(V - 1)$. Если он поднимается до второго уровня, $3(V - 1)$ и т. д.

Глава иерархии должен иметь $h(V - 1)$ связей (столько же, сколько на уровне $h - 1$, ибо ему уже не с кем контактировать по горизонтали). В нашем примере $h(V - 1) = 48$.

Итак, чем выше положение гражданина в некоторой V -иерархии, тем больше он должен иметь валентных связей. Это, во-первых, предъявляет к высокопоставленным представителям более высокие требования, а во-вторых, препятствует продвижению по другим V -иерархиям, что является здоровой чертой нашей схемы. Я называю эту схему моделью пересекающихся V -иерархий, потому что каждый член общества участвует одновременно в нескольких системах отношений – иерархиях, причем никакого параллелизма в структуре этих систем не предполагается; напротив, будет иметь место противоположная тенденция: лица, имеющие больше контактов и обязанностей в одной иерархии, будут иметь их меньше в других иерархиях. Таким образом, будет выравниваться число валентных связей у

различных лиц.

Нетрудно подсчитать, что среднее число связей у одного гражданина в одной V -иерархии есть V (в предположении, что N много больше единицы).¹⁶ Оно лишь немного превышает минимальное число связей, потому что число представителей убывает с высотой в геометрической прогрессии. Обозначим через r число иерархий. При $r = 30$ от среднего гражданина потребуется 15 валентных связей. Разумно было бы организовать столько V -иерархий, чтобы среднее полное число связей было равно максимальному числу валентных связей, в которое может вступать средний человек; мы обозначили выше это число через n . Таким образом, мы получаем следующее соотношение между величинами r , V и n :

$$rV = n.$$

Как мы видим, это соотношение удовлетворяется при вполне правдоподобных значениях всех величин.

Сравнение двух схем принятия решений

Модель пересекающихся V -иерархий – это не проект устройства общества, а лишь схема принятия решений, и отчасти – в той степени, в которой принятие и выполнение решений неотделимы – их выполнения. Моя цель – противопоставить эту модель другой схеме принятия решений, которая сейчас повсеместно используется и которую многие считают единственно допустимой в демократическом обществе: всеобщему прямому и равному голосованию. Какую бы из этих двух схем мы ни приняли (или их комбинацию, или третью схему), мы еще останемся очень далеки от определения действительного общественного строя. Договориться решать все проблемы голосованием – это отнюдь не значит решить все проблемы. То же относится и к нашей модели.

Принятие решений путем создания V -иерархии – более сложная и длительная процедура, чем прямое голосование. Зато созданная V -иерархия дает постоянно действующий механизм, который не просто принимает решения, а *вырабатывает* их. Хорошо голосовать, когда твердо знаешь, за что голосовать, то есть когда твое решение уже готово. А если решения еще нет? Если его еще надо выработать? Каждому знакома ситуация, когда сложный вопрос приходится решать на большом собрании: возникают бесконечные, бестолковые споры, которые мешают ухватить суть дела, и в результате сколько-нибудь разумное решение найти не удастся. Только в небольшой группе людей может происходить работа, необходимая для решения сложных задач. А чтобы эта работа была по-настоящему эффективной и творческой, надо чтобы члены группы были связаны валентными связями. Это условие особенно важно при решении общественных проблем, которые в большинстве неформализуемы и тесно связаны с личными интересами и с эмоциями.

Голосование возникло, вероятно, как замена сражения, и отпечаток этого происхожде-

ния оно будет нести на себе вечно. Голосование – инструмент борьбы, валентная иерархия – инструмент работы. В подчинении меньшинства большинству нет никакой справедливости, это лишь простейший способ избежать кровопролития. Принуждение остается принуждением, даже если оно является результатом голосования. По мере того, как в обществе западного типа принуждение рассматривается все более нежелательным, растут и трудности во взаимоотношении большинства с разного рода меньшинствами, прежде всего, национальными. Голосование не решает никаких проблем. Решение конфликтной проблемы требует работы: анализа ее причин и построения метасистемы, объединяющей конфликтующие системы и снимающей конфликт. Процесс создания V-иерархии заставляет людей выполнить эту работу, подсказывает пути к решению проблемы.

С точки зрения формальной организации, в модели пересекающихся иерархий нет ничего нового; это кооперация или самоорганизация граждан на добровольных началах с вытекающим отсюда самоуправлением. Я усматриваю нечто новое в соединении этой организационной формы с условием, чтобы все связи в ней были валентными, откуда вытекает ограничение на число лиц, выбирающих одного представителя. Валентные связи и в современной общественной организации играют положительную роль: если бы не личные связи, основанные на дружбе, взаимопонимании и доверии, то, наверное, ни одна большая организация не могла бы эффективно работать. Рост культуры общества – это прежде всего улучшение условий для возникновения валентных связей и увеличение их роли. Но не они до сих пор образуют структурный костяк государства. Единственная структурная единица, основанная на валентных связях, – это семья, и она, вне всяких сомнений, показала свою важность для общества. Да и то, с формальной точки зрения, семья основана на договорных отношениях между мужем и женой и родственных отношениях между остальными парами индивидуумов; лишь тот факт, что эти отношения, как правило, являются следствием (в первом случае) или причиной (во втором случае) валентных связей, дает семье ее силу. Когда от семьи остается одна форма, она становится не благодеянием, а тяжелым бременем. Это отделение *формального* (или *официального*: между прочим, русское «официальный» переводится на английский как «формальный») от *личного* настолько вошло в плоть и кровь, что многие полагают, будто это концептуальное противоречие, антиномия. В действительности же никакого непреодолимого противоречия здесь нет: организационная форма должна быть достаточно гибкой, чтобы следовать за личными отношениями. (Мое «просто» – это, конечно, грамматическая связка, а не оценка сложности задачи. В действительности разработка таких организационных форм – задача чрезвычайно сложная; хочу снова подчеркнуть, что модель пересекающихся V-иерархий – лишь абстрактный набросок, этюд, направление поиска.)

2.31. В защиту иерархии

На пути к подлинному соединению общественного и личного в современных демократических странах есть, как мне кажется, одно препятствие. Я называю его квазидемократическим предубеждением против иерархии. Считается, что хороший демократ должен быть врагом всякой иерархии. Понятие иерархии отождествляется с принуждением, подавлением.

Исторически это вполне понятно. С древних времен иерархии создавались именно с этой целью — с целью управления силой. Борьба за свободу и демократию принимала форму борьбы против иерархии власти. Но объяснение предрассудка не есть его оправдание. Человек 20-го века должен понять ту простую мысль, что не наличие иерархии (то есть, говоря языком математики, отношения частичного порядка между людьми) является злом, а те принципы, которые человек использует при управлении человеком. Толпа, лишенная всякой иерархии, способна на самые худшие виды принуждения и насилия над личностью.

Понятие иерархии отнюдь не включает в себя угнетения или подавления. Для кибернетика слово «иерархия» несет положительную эмоциональную нагрузку. Он всюду пытается обнаружить или установить иерархию. Ибо иерархия — это организация, это структура. Большие системы не могут быть организованы иначе, как иерархически. Антитеза иерархии — это хаос, беспорядочная куча, толпа, а не свобода. Даже когда вы ищете в словаре нужное вам слово, вы пользуетесь плодами применения иерархического принципа: первая буква слова рассматривается как старшая по отношению ко второй, а вторая — по отношению к третьей и т. д.; буква А старше, чем Б, а Б старше, чем В и т. д. Здесь ни одна буква не «подавляет» и не «угнетает» другую, но если бы не иерархия, вам каждый раз пришлось бы просматривать все слова в словаре подряд!

Так как величина V лежит в пределах первого десятка, высота V -иерархии в обществе с миллионами членов получается довольно значительной. Тут и вступают в игру квазидемократические предрассудки. Человек хочет «сам», а не через посредство иерархической цепочки, участвовать в управлении государством. Но ему все-таки приходится кому-то передоверять свои полномочия и создавать какую-то иерархию управления. Считая иерархию злом, он стремится сделать ее ниже и выступает за прямые выборы на все уровни иерархии, чтобы иметь хотя бы то утешение, что он *сам, лично*, передает свои полномочия. Так и возникают иерархии, основанные на массовых связях (m -иерархии), которые совмещают в себе недостатки как иерархии, так и толпы, человеческого стада.

«Личная» передача полномочий в прямых выборах с тысячами и миллионами участников и, следовательно, как бы «личное участие в управлении» — это, конечно, иллюзия. Такой способ управления ведет именно к ликвидации личного участия, личного влияния. Как и всякое бесструктурное, массовое явление, этот способ порождает специфический вид детер-

минизма, основанный на законе больших чисел. Реакция масс избирателей на тот или иной ход в предвыборной кампании может предсказываться с большой степенью достоверности, так как личность каждого избирателя теряет значение. Реальное влияние на события личность может оказать только через посредство какой-либо структуры, иерархии: например, партийной иерархии или иерархии средств массовой коммуникации. И вот, тот факт, что связи в этих иерархиях суть *m*-связи, а не *V*-связи, создает явление, известное как *отчуждение* личности от общества. Ибо связь – слишком слабая, неполноценная, безличная связь. Современное демократическое общество еще слишком напоминает textитанонимное стадо. То, что ему требуется, – это не борьба с иерархиями, а, напротив, внедрение и усовершенствование их.

Интересно, что высота иерархии в современных системах управления государством все-таки оказывается большой, так что для распространения влияния снизу доверху приходится пройти большое число *m*-связей! Спрашивается, чем же такая система лучше, чем система, целиком построенная на *V*-связях? Интересно также, что отношение числа лиц на определенном уровне к числу лиц на следующем уровне бывает особенно велико на нижних уровнях и уменьшается при движении вверх по иерархии. Это создает возможность для перерастания *m*-связей в *V*-связи на верхних уровнях. Появляется корпоративная солидарность верхушки, разрыв же между верхушкой и нижним уровнем не уменьшается. Это, конечно, отнюдь не способствует преодолению отчуждения.

Механизм *V*-иерархии обеспечивает каждому гражданину наилучшие возможности влияния на общество в целом, то есть управления обществом. Во-первых, потому, что всякая новая, творческая мысль требует обсуждения в обстановке валентных отношений: иначе ей не получить признания. Валентная иерархия служит фильтром для выделения стоящих идей. Во-вторых, *V*-иерархия – наиболее *справедливый* способ доступа к влиянию. Действительно, в обществе, где валентные связи не формализованы, а формальные – не валентны, реальный путь к влиянию лежит через цепочки неформальных валентных связей (цепочки «знакомств»). Эти связи существуют как бы в подполье, и очень часто они образуют замкнутые фигуры, объединяя некий круг лиц, доступ в который со стороны невозможен или чрезвычайно затруднен. Иерархия же связывает каждого гражданина с вершиной и с любым другим гражданином.

Отсутствие замкнутых фигур в иерархии имеет значение в связи с еще одним важным аспектом жизни общества: преступности. Наличие кругов, изолированных (по крайней мере в смысле валентных связей) от остальной части общества, в том числе от правящих и вообще престижных кругов – постоянный источник преступности. Быть может, единственный способ существенно снизить преступность в многомиллионной стране с разнородными социальными, культурными и этническими элементами – это организовать всеохватывающую *V*-иерархию.

Чтобы покончить с моделью пересекающихся V -иерархий, скажем несколько слов о движении информации в направлении сверху вниз, то есть об управлении в узком смысле слова. Ясно, что V -иерархия позволяет создать высокую степень единства. Валентная связь — сильная и гибкая связь, позволяющая сочетать интеграцию и свободу. Но осуществление этой возможности зависит не только от выбора той или иной организационной схемы, но от культуры общества в целом. Прежде всего оно зависит от того слоя культуры, который определяет высшие цели индивидуума. Общество, которое не ставит своей целью социальную интеграцию, не будет и двигаться к социализму. И единства в нем не будет.

2.32. Последний раз о терминах

Мое понимание социализма, изложенное выше, во многих отношениях необычно. Возможно, что какие-то люди, выступающие за социализм, найдут мое понимание этого термина совершенно для них неприемлемым и объявят, что «это не социализм». Возможно, что другие люди, которые, напротив, в какой-то мере разделяют мои взгляды, тоже предпочтут не называть эти взгляды социалистическими. Наконец, многие читатели сочтут неправильным называть социализм формой религии.

Все эти терминологические проблемы меня мало волнуют. Нет ни необходимости, ни возможности решить их директивным методом: они обычно решаются сами собой, в процессе многосторонних обсуждений. Должен сказать, что я столь безапелляционно заявил в начале этой части книги, что социализм есть религия, с целью, можно сказать, литературной: мне хотелось сделать упор на глубокое единство этих явлений культуры. Но если делать окончательный выбор слов, то, возможно, будет лучше говорить, что социализм есть преемник религии, а не ее новая форма.

Связь реального, исторического социализма с принципом социальной интеграции является для меня несомненным фактом. Читая и думая о социализме, а также живя в стране, которую все называют социалистической, я испытывал попеременные импульсы притяжения и отталкивания. В конце концов, я пришел к следующему выводу: то, что меня притягивает в социализме, выражается формулой «социальная интеграция плюс свобода», а отталкивает меня экономический детерминизм, механистический подход к интеграции, ставка на борьбу и разрушение вместо работы и творчества. Как назвать концепцию, основанную на этой формуле, и общественный строй, воплощающий ее в жизнь? Социализм — наиболее естественное и правильное название. Я говорил выше о сходстве этой концепции с «этическим социализмом»; учитывая важную, даже решающую, роль, которую играет в ней кибернетика, ее можно было бы назвать «кибернетическим» социализмом. Термины «эволюционизм» и «интеграционизм» также могут быть использованы для обозначения этого подхода.

Некоторые читатели будут, возможно, разочарованы неконкретностью изложенных здесь представлений о социализме. Действительно, я рассматривал здесь проблемы общества с позиций философии, то есть мысля в наиболее общих понятиях. Но этот уровень мышления необходим и играет незаменимую роль в развитии общества, порождая конкретные исследования, теории и проекты и давая основу для оценок различных явлений. Не каждый гражданин должен быть специалистом в социологии или экономике, но политическая философия — дело каждого: сознает он это или нет, в его мышлении всегда присутствуют какие-то чрезвычайно общие понятия, опираясь на которые он воспринимает общеизвестные явления и выносит свои суждения. Уяснение и обсуждение этих понятий есть, следовательно, задача большой важности.

Философские понятия и достижения синтезируют в себе понятия и достижения из всех областей человеческой деятельности. Каждый подходит к ним со своей стороны. Я подхожу к ним как физик и кибернетик.

Ссылки и примечания ко второй части

¹Альберт Швейцер. Культура и этика. Изд[U+2011]во «Прогресс», Москва, 1973, стр. 110–111., Стр. 49–50.

²Стр. 50–51.

³Стр. 67.

⁴К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 297.

⁵См. 1, стр. 79.

⁶Цитирую по английскому изданию: A. Camus. The Rebel, Penguin Books, стр. 163–164.

⁷Там же, стр. 187–188.

⁸Как это бывает во всех науках, кроме математики, оно не является полностью формализованным – в первую очередь, из[U+2011]за недостаточной определенности понятия «управление» – но допускает дальнейшую формализацию, если (а вернее, когда) таковая понадобится. Когда-нибудь она несомненно понадобится, и тогда будет найден продуктивный способ формализации.

⁹Поэма «Владимир Ильич Ленин».

¹⁰Цитирую Годвина и дальше – Кропоткина по книге: П. Эльцбахер, «Сущность анархизма», т. 1, Книгоиздательство «Простор», 1906. W. Godwin. An enquiry concerning political justice and its influence on general vertue and hapiness, 1793, стр. 548–549.

¹¹Kropotkine. Paroler d'un revolte, 1885 (Редактор Э. Реклю), стр. 116–117.

¹²К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 31–32.

¹³Соображения о роли валентных и массовых связей в социальной интеграции были мною опубликованы в статье: К математическому моделированию социальной интеграции, сборник «Моделирование социальных процессов», Москва, 1970, стр. 92–103.

¹⁴Konrad Lorenz. On aggression. Bantam Matrix edition.

¹⁵Стр. 135.

¹⁶Обозначим: $w = V - 1$. Подсчитаем полное число связей. Каждый член иерархии имеет по крайней мере w связей, что дает в совокупности Nw связей. Все те, кто поднимаются по крайней мере до первого уровня, а таких N/V , вносят дополнительно Nw/V связей. Поднимающиеся по крайней мере до второго уровня дают еще Nw/V^2 связей и т. д. Полное число связей $Nw(1 + 1/V + 1/(V \cdot V) + \dots) = Nw(1/1 - 1/V) = NV$. Отсюда среднее число связей равно V .

Глава 3

ТОТАЛИТАРИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИЗМ?

3.1. Борьба за идеи и борьба за власть

Если в процессе наступления на общество тоталитаризм продвигается снаружи внутрь — от захвата власти через ограничение информационного обмена к трансформации мышления и воли, то освобождение от тоталитаризма должно проходить в обратном направлении. Началом должны быть сдвиги в мышлении людей, в общественном сознании. Они приведут к увеличению обмена информацией, более свободному выражению идей и большей гласности общественной жизни. Это позволит демократизировать управление и эффективно бороться со злоупотреблениями властью. Таков единственно возможный путь. Альтернативой ему является либо загнивание, либо разрушительный взрыв, катаклизм, наподобие революции 1917 года. Катаклизм наверняка принесет с собой неисчислимые жертвы, а поможет ли он построить лучшее общество, весьма сомнительно. Скорее всего, он снова отбросит нас назад.

В общественных конфликтах мы можем усмотреть два аспекта: борьбу за идеи и борьбу за власть. Чаще всего оба этих вида деятельности рассматриваются не как цель в себе, а как средство для достижения другой цели, например, личного обогащения или роста всеобщего благосостояния. Но не менее важно, что и борьба за власть, и борьба за идеи являются формами самовыражения и самоутверждения. Борьба за власть — гораздо более древняя, дочеловеческая, форма самоутверждения. У многих животных доминирование в группе обеспечивает первое место в питании и спаривании и, следовательно, закрепление своего

генетического кода в потомстве. Борьба за идеи – специфически человеческое явление, это утверждение своей личности на социальном уровне. Борясь за признание своих идей, человек борется за увековечивание своей личности в образе жизни потомков.

Борьба за идеи и борьба за власть тесно переплетаются в жизни общества. Борясь за власть, человек делает ставку на те или иные идеи. Борясь за идеи, человек часто опирается на власть или вступает с ней в противоречие. Но переплетение этих форм не означает, что проведение различия между ними невозможно или несущественно. Борьба за власть и борьба за идеи относятся к разным уровням вселенской иерархии по управлению: вторая – наиболее высокому, чем первая. С точки зрения эволюции системы, чрезвычайно важно, чтобы соблюдалось определенное соотношение между этими формами противоречий, а именно: борьба за власть должна занимать подчиненное положение по сравнению с борьбой за идеи, она должна быть лишь ее неизбежным следствием. Борьба за власть, ставшая самоцелью, приводит к анархии или к тирании, но никак не к конструктивной эволюции общества. Если мы хотим утвердить в жизни некие идеи, то из всех мыслимых путей надо выбирать тот, который в наименьшей степени связан с изменением структуры власти. Иначе произойдет подмена: борьба за власть поглотит борьбу за идеи.

Тоталитарный марксизм в своей теории и практике сливает идеи и власть в единое целое. Власть используется для насаждения идей, в борьбе за идеи видят борьбу за власть. Это создает безвыходный порочный круг, закрывает путь к эволюции. Чтобы сдвинуться с мертвой точки, мы должны прежде всего научиться разделять борьбу за идеи и борьбу за власть.

3.2. Однопартийная (она же беспартийная) система

Критиков первого варианта «Инерции страха» больше всего возмутил тот факт, что я высказался против борьбы за многопартийную систему в условиях Советского Союза. Я предложил отделить вопрос о политических свободах от вопроса о борьбе за политическую власть между партиями, представляющими интересы больших социальных групп (классов). Я предложил рассматривать коммунистическую партию в перспективе как интеллектуальный и духовный интегратор общества, действующий в условиях широких гражданских и политических свобод, то есть принять в теории то, что нынешний режим выдает как якобы уже осуществленное на практике. Многопартийность отнюдь не гарантирует наличия демократических свобод, а наличие свобод вовсе не обязательно порождает многопартийную политическую систему: можно попытаться найти другие пути разрешения социальных противоречий, при которых эти противоречия не доводятся до высшего государственного уровня и не усиливаются искусственно борьбой групповых интересов политиков.

Хотя моя брошюра в целом была принята оппозиционно настроенными кругами интелли-

генции очень хорошо, несогласие со мной в этом пункте было едва ли не всеобщим. Типична была реакция одного довольно известного кибернетика. Я не был знаком с ним лично, но мне рассказали, что, когда его спросили, что он думает об «Инерции страха» Турчина, он сказал: «Кошмар. Он там за коммунизм, за однопартийную систему. . . ». Пикантная деталь: в отличие от меня, этот кибернетик – член КПСС.

Замечательно, что даже официальный партийный рецензент моей рукописи не одобрил моих идей относительно однопартийной системы. Я имел наглость послать «Инерцию страха» в журнал «Коммунист», понимая, конечно, что она не будет напечатана, но желая подчеркнуть открытый и конструктивный характер работы и свою готовность идти на обсуждение. Обсуждение, действительно, состоялось: один из сотрудников журнала (заведующий отделом, кажется) прочитал мою рукопись и объяснил мне, что она не может быть опубликована, так как в ней не чувствуется «классового подхода» (то есть готовности служить интересам правящего класса и ставить их выше истины – довольно точная формулировка). Относительно одно-и многопартийности он сказал: «А почему, собственно говоря, должна быть только одна партия? В стране может быть и несколько партий, одинаково преданных делу коммунизма. В Польше, например, несколько партий».

Теперь, после того как французские коммунисты, вслед за итальянскими, решительно заявили о своей приверженности к многопартийной системе, моя позиция кажется многим моим друзьям анахронизмом, не оправданным даже с тактической точки зрения. Но я по-прежнему стою на этой позиции и отнюдь не считаю ее анахронизмом; мне кажется, что противодействие, которое она встречает, связано с тем, что она скорее опережает время, чем отстает от него. Я намерен теперь изложить свою позицию более обстоятельно, чем это было сделано в 1968 году.

Прежде всего, как полагается, о терминах. Однопартийная система, говорили мне многие критики, это бессмыслица по самой своей сути, по определению. «Партия» – значит *часть*, поэтому о партиях можно говорить только тогда, когда их несколько.

Верно, термин неточный. Исторически он возникает из такой ситуации, когда одна из партий приходит к власти и запрещает все остальные. После того как существование нескольких партий уходит в историческое прошлое, «партия» перестает быть партией и превращается в единую всеобъемлющую политическую систему или сеть. Современная советская система не однопартийная, она *беспартийная*. У нас нет политических партий, есть лишь единая политическая сеть, не отделимая от государства. Читатель, конечно, не удивится, если я заявлю, что не намерен оправдывать запрещение пришедшей к власти партией всех остальных партий. Но я полагаю, что будущее человечества – в беспартийной системе с единой политической сетью. А если так, то от человека, стоящего на позициях реформизма и градуализма, естественно ожидать такой установки: не пытаться вырвать власть путем вооруженной борьбы или борьбы за голоса избирателей, а стремиться к трансформа-

ции общественного сознания, увеличению свободы и гуманизации общества в целом и его политической сети в частности. Это та установка, которая была у чешских коммунистов-реформаторов в 1968 году и получила название «социализма с человеческим лицом».

Рассмотрим сначала перспективу. Обычный первый аргумент за многопартийную систему тот, что только при наличии нескольких конкурирующих партий, которые потенциально могут вытеснить правящую партию (или коалицию), можно сохранить политические свободы и обеспечить эффективный контроль за властью. Однопартийная система, говорят мои критики, неизбежно приводит к злоупотреблению властью. Любая организация, называя ее хоть партия, хоть политическая сеть, если она является полным хозяином политической власти и не имеет конкурентов, обречена на загнивание и коррупцию, она не в силах будет сопротивляться разлагающему влиянию власти. Независимо от расстановки сил различных социальных групп, независимо от того, кто кого представляет, нужно, чтобы было хотя бы две независимые политические партии. Достаточно беглого взгляда на политические системы в различных странах, чтобы убедиться, что там, где мы видим многопартийную (в частности, двухпартийную) систему, мы видим и политические свободы, а там, где принята однопартийная система, свирепствует тирания партийно-государственного аппарата.

Корреляция между тиранией и многопартийной системой несомненно существует, но это ничего не доказывает, ибо причинно-следственная связь здесь такова: отсутствие свободы ведет к правлению одной партии, а не правление одной партии ведет к отсутствию свободы. Общество, в котором не укоренилась идея политических свобод, не может сохранить многопартийную систему, если даже такая система по прихоти истории и будет однажды установлена. Именно таково было развитие событий в большинстве стран Третьего мира, приобретших независимость после Второй мировой войны. Это лишний раз доказывает решающую роль культуры общества (по сравнению с конкретно-историческими, экономическими, географическими и т. п. факторами) в определении его политической системы. Если общество неспособно сохранить политические свободы, то не так уж важно, какую форму примет тирания: будет ли это абсолютная монархия или откровенная диктатура военных, или однопартийная система с комедией выборов, или такая многопартийная система, как в Польше, на которую любезно указал мне рецензент из журнала «Коммунист». Говоря о перспективе, мы должны предположить, что идея уважения основных прав личности уже прочно вошла в культуру общества, и никто не намерен покушаться на демократический образ правления — хотя бы из-за бесперспективности подобных попыток. Можно ли утверждать, что в этих условиях политическая система должна быть или неизбежно будет многопартийной?

Контроль над имеющими власть или стремящимися к власти необходим, но основной фактор, обеспечивающий эффективный контроль, это не разделение на партии, а широкая гласность, активное участие масс в политике и нетерпимость общества к нарушению эти-

ческих принципов. Говорят, что при наличии нескольких партий всегда есть люди, лично заинтересованные в том, чтобы обнаружить ошибку или злонамеренность в действиях руководящих политиков. Но в беспартийной системе таких людей будет не меньше, а больше! Если, например, в стране две примерно одинаковые по силе партии, то половина политических деятелей, то есть те, которые принадлежат к правящей партии, не очень-то заинтересованы в критике руководства. Если же партии отсутствуют, то каждый политик наживает личный капитал на разоблачении ошибок другого. Можно сравнить беспартийную политическую систему с системой научных учреждений. Когда ученый делает открытие или доказывает новую теорему, его коллеги, стгорая от нетерпения, бросаются проверять и перепроверять его сообщение в надежде опровергнуть или уточнить его. То же явление будет наблюдаться и в политике, если она будет устроена по образцу и по опыту науки. Деление на партии – обоюдоострое оружие. С одной стороны, оно помогает разоблачить обман и преодолеть сопротивление укоренившихся мнений, с другой стороны, создает предпосылки для нового обмана в угоду групповым интересам и для нового консерватизма. Какой из этих двух эффектов сильнее? Скорее второй, чем первый. Чтобы разоблачить обман, в условиях свободы достаточно и одного человека; чтобы создать обман, необходим сговор. Или, выразимся точнее: способность к разоблачению обмана и заблуждений возрастает с увеличением числа людей в группе медленнее, чем способность к обману и коллективному самообману.

Деление на партии в науке считается прямо-таки неприличным, ученые оскорбляются, когда им говорят, что они руководствуются партийными интересами. И уж, конечно, никому не приходит в голову разделить все научные учреждения – в целях борьбы с обманом, коррупцией, застоем, загниванием и т. д. – на две или три не контактирующие между собою части. Совокупность всех образовательных и научных учреждений представляет собой единое целое, единую систему, и это отнюдь не приводит к застою и коррупции, к подавлению личной инициативы и свободы творчества, к ликвидации плюрализма и насильственному введению единообразия. Почему единая политическая сеть не может функционировать так же успешно? В обществе, где важнейшие этические и демократические принципы так же прочно вошли в жизнь, как вошли в жизнь ученых основные методологические принципы науки, где покушение на политические свободы столь же немыслимо (и кажется столь же абсурдным), как покушение на свободу научного исследования, деление всей совокупности людей, которые занимаются политикой, на несколько частей покажется искусственным и никому не нужным.

3.3. Политика и наука

Но можно ли сравнивать политику с наукой? Более обычным является их противопоставление: наука есть стремление к единой и общей для всех людей истине, политика борьба за власть, за личные и групповые интересы.

Это противопоставление имеет основания, но не исчерпывает вопроса. Политика есть искусство социальной интеграции, и основное противоречие социальной интеграции – противоречие между личным и общественным – отражается в двух дополнительных аспектах политики: борьбе за личные или групповые интересы и стремлении к общей пользе, общей цели. При обсуждении второго аспекта мы отвлечемся от определения понятия общей пользы или цели (что в конечном счете одно и то же). В какой-то степени в обществе всегда существует единодушие на этот счет, а в той степени, в которой его нет, – это вопрос другого слоя культуры, вопрос религии, а не политики. В политике вопрос стоит так: при заданной цели или заданном способе исчисления общественной пользы, как надо организовать общество (и прежде всего систему производства), чтобы добиться скорейшего достижения цели или максимума общественной пользы? Задача эта – научная по своей сути. Она ничем не отличается от задачи поиска истины, а точнее – наилучшего приближения к истине, которую ставит наука. Поэтому об указанных двух аспектах политики мы будем говорить как о *борьбе интересов* и *стремлении к истине*. Это почти то же самое противопоставление, что борьба за власть и борьба за идеи, только объективизированное. Борьба за власть – наиболее прямое и непосредственное выражение борьбы групповых интересов; борьба за идеи – выражение стремления к истине.

Чем же определяется сравнительная важность двух аспектов политики? Уровнем развития общества, степенью его интегрированности. В слаборазвитом обществе отсутствует представление об общей цели не связанных между собой непосредственно групп людей, не говоря уж об общей цели человечества. Общие интересы ограничиваются интересами небольших групп тесно связанных между собой людей. Кроме того, в условиях примитивного производства каждый человек или группа может больше получить для себя, вырывая кусок у другого, чем трудясь для общего дела. (Лучше всего это видно на том предельном случае, когда производства нет вовсе, и люди, подобно животным, просто соревнуются между собой за дары природы.) Политика в таком обществе сводится к борьбе интересов, это «война всех против всех» Гоббса. По мере социальной интеграции и усложнения производства борьба всех против всех становится все более невыгодной для всех вместе и каждого в отдельности. В современных промышленных странах революция стала *экономически невыгодной* – даже для социальных низов. И не только революция, но и некоторые из более мягких способов борьбы за групповые интересы, такие, как забастовки. Я не знаю, являются ли в настоящее время массовые забастовки экономически выгодными для рабочих

в передовых странах: с одной стороны, они дают увеличение заработной платы, с другой стороны, приводят к возрастанию инфляции. Возможно, экономисты знают ответ на этот вопрос; пример Англии во всяком случае заставляет задуматься. Но если сейчас забастовки и выгодны, то можно не сомневаться, что настанет день, когда они станут невыгодными.

Партийная система отражает подход к политике как к борьбе интересов, она учит граждан видеть в политике *прежде всего* борьбу интересов. Беспартийная система учит видеть в политике прежде всего общее дело, стремление к истине. В обстановке войны всех против всех многопартийная система – неизбежное и законное следствие демократических свобод. Но в процесс движения общества к социализму партийная система должна уступить место беспартийной. Для этого вовсе не нужно, чтобы борьба интересов исчезла из политики вообще – этого, конечно, не случится никогда. Нужно только, чтобы стремление к истине было осознано обществом как более важный аспект. Образцом опять-таки является наука. Наука как абстрактное понятие олицетворяет чистое стремление к истине. Наука как реальное общественное явление представляет собой, как и политика, тесное переплетение стремления к истине и борьбы интересов. Реальная наука – это система, характеризующаяся определенной структурой, определенными иерархиями престижа и власти. Ученым свойственны те же слабости и пороки, что и остальным людям. В частности, им свойственно, обманывая себя и других, выдавать личные и групповые интересы за стремление к истине. И вообще, поскольку мы не можем влезть со скальпелем в мозг человека и проанатомизировать его побуждения, мы далеко не всегда можем сказать с уверенностью, определяется ли принятая им линия стремлением к истине или личным интересом. И все же наука остается беспартийной.

Если единая политическая сеть будет построена по образцу научно-образовательной системы, она будет служить основным инструментом социальной интеграции, поставляющим руководящие кадры для законодательной, исполнительной и судебной власти, а также, вероятно, для верхушки производственной иерархии, ибо крупные производственные проблемы не отделимы от социальных. Разделение между политической сетью и указанными иерархиями власти, как и разделение между этими видами власти, не должно быть, конечно, ни в коем случае ликвидировано: не раньше, чем будет найдено более совершенное (и, очевидно, более сложное) решение проблемы управления в духе принципа структурно-функционального параллелизма.

Партийная система в политике постепенно становится анахронизмом. Во времена Французской революции деление общества на три сословия естественным образом вело к разбиению представителей общества на три партии. В современном демократическом обществе деление на сословия отсутствует: все граждане обладают равными правами. Четкое деление на классы в марксистском смысле также отсутствует: людей, которых нельзя без натяжки отнести к определенному классу, стало больше, чем «классических» рабочих или капитали-

стов. Размытие границ между классами усиливается. Это не означает, конечно, ликвидацию разделения труда. Напротив, разделение труда непрерывно углубляется, и именно поэтому увеличивается разнообразие социальных ролей. Мы имеем теперь перед собой непрерывный спектр социальных ролей, и разбиение его на несколько категорий всегда будет условным и натянутым.

В этих условиях естественно строить единую политическую сеть, в которой был бы представлен весь спектр социальных ролей; фиксированное разделение на несколько партий, неизменное в течение десятилетий, представляет собой искусственное явление, сохраняющееся как пережиток. Возникает ситуация, когда партии существуют ради партий, ради самих себя. Они перестают быть органической частью одного из сословий или классов и превращаются в самодовлеющие профессиональные организации, для которых важно, не *кто* за них голосует, а *сколько* за них голосует. Целью партии становится не представление чьих-то интересов и тем более не стремление к истине, а борьба за власть.

Разумеется, из политики никогда не удастся изгнать ни борьбу за власть, ни своекорыстный личный интерес. Еще в меньшей степени, чем в случае ученого, способны мы безошибочно разграничивать в случае политика стремление к власти ради истины и стремление к власти ради власти. Человек — не машина, а если и машина, то не нами сконструированная. Но политическая партия — это машина. Зачем же нам конструировать такие машины, основной целью которых является стремление к власти? Не будет ли политическая система лучше, если будут допустимы лишь такие организации, которые не ставят целью борьбу за власть? Так, в сущности, обстоит дело в науке. Борьба мнений и разделение на партии происходят в науке вокруг конкретных проблем: партии возникают и распадаются по мере разрешения одних проблем и появления других. Так будет и в политической сети при беспартийной системе. Ситуацию, когда партии существуют не в связи с конкретными проблемами, а как самостоятельные сущности, ученый рассматривает как извращение. Между тем, в многопартийной политической системе это норма.

В политике, в отличие от науки, идеальной целью является не только стремление к истине, то есть к некоторым образом определенному общественному благу, но и соблюдение интересов каждого гражданина, как он их сам в данный момент понимает, вне зависимости от общих идей. Это не подлежит сомнению. Но действительно ли для выражения этих интересов необходима организация? Лучший ли это способ? Ведь едва возникнув, такая организация приобретает свои собственные цели. В обществе высокой культуры, в обществе с огромным разнообразием социальных ролей и типов не является ли достаточным для соблюдения индивидуальных интересов свободное участие каждого индивидуума в политике, в частности, участие в различных референдумах и голосованиях? Я могу представить себе синтез в политической системе социализма двух схем принятия решений, о которых я говорил выше: борьба интересов будет осуществляться путем всеобщего равного голосования,

а согласование интересов — с помощью пересекающихся валентных иерархий.

Политические партии, борющиеся между собой за власть, приобретают черты военных организаций: появляется необходимость в партийной дисциплине, в секретности и т. д. В единой политической сети все это становится излишним, так как она не противостоит как целое никакой другой организации. Она может позволить себе предельную открытость и либерализм, ей нет необходимости ни ограничивать появление различных группировок и фракций, ни даже *регистрировать* их каким-либо образом (снова напрашивается сравнение с научной системой). Можно сказать, что беспартийная система в условиях широких политических свобод это не система без партий и не система с одной партией, а система с неопределенным числом партий. Здесь мы встречаемся с парадоксом, который можно назвать *системной относительностью*. Каждое множество можно рассматривать как одну систему, то есть единицу. Каждая единица представляет из себя некую систему, следовательно, состоит из множества подсистем. Когда мы сравниваем однопартийную и многопартийную системы, имея в виду самый общий смысл этих понятий, то различие между ними становится условным, относительным. В многопартийной системе политические партии не являются изолированными: каждая учитывает политическую программу конкурентов, не говоря уже о коалициях, политике в парламенте и т. п. Поэтому можно сказать, что в своей совокупности они образуют единую политическую систему, или сеть. С другой стороны, единая политическая партия, или сеть, в условиях широких демократических свобод будет на деле состоять из различных групп, фракций, партий. Реальное различие между этими понятиями состоит в том, какая концепция политической жизни в них подразумевается, какую они содержат установку. Многопартийная система означает установку на борьбу за власть, беспартийная — на борьбу за идеи.

3.4. Революция или реформация?

Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции.

А. Д. САХАРОВ¹

В демократических странах с многопартийной системой переход к беспартийной системе не должен, конечно, совершаться путем запрещения политических партий и тем более путем запрещения всех партий, кроме одной. Это было бы грубым нарушением демократических свобод, и можно с большой вероятностью предсказать, что за ним последовали бы новые нарушения, вплоть до установления тирании правящей бюрократии. Заверения западных коммунистов в признании однопартийной системы — это заверения в призна-

нии демократических свобод, и их надо приветствовать. Переход к беспартийной системе должен произойти под воздействием сил, лежащих в сфере культуры, а не в сфере политического управления. Вероятно, движение общественного сознания в сторону социализма повлечет все более отрицательное отношение к межпартийной борьбе в ее традиционных, зачастую весьма непривлекательных, формах, оправдываемых поговоркой: на войне, как на войне. В этих условиях можно представить, например, такие два пути развития событий.

- 1) Будет образована государственная надпартийная система – зачаток и основа будущей политической сети, обеспечивающая возможность всем гражданам, независимо от их партийной принадлежности и их взглядов, проявлять политическую активность. При наличии такой системы все большее число политиков предпочтет оставаться беспартийными, и будут создаваться какие-то новые формы объединения и размежевания между ними. Быть членом партии станет немодно, и партии, подобно марксовому государству, не будут отменены, а *отомрут*.
- 2) Одна из партий (образовавшаяся скорее всего в результате коалиции нескольких партий) будет столь плюралистической и обеспечит своим членам столь благоприятные условия для деятельности, что будет привлекать и удерживать всех сколько-нибудь влиятельных политиков. Такая система будет формально многопартийной, фактически однопартийной, а по существу – беспартийной, ибо партия превратится в единую политическую сеть, обслуживающую все слои общества. «Исторический компромисс», предложенный в Италии коммунистами, мог бы стать, возможно, началом этого пути.

Большевистская партия, захватив власть, вскоре запретила все остальные партии; таково происхождение нашей однопартийной системы. Не удивительно, что понятие о демократизации обычно связывается с восстановлением многопартийной системы, если не в качестве первоочередной задачи, то в качестве конечной цели. А. Д. Сахаров в своей последней работе «О стране и мире» в число необходимых реформ включает введение многопартийной системы. Р. А. Медведев, стоящий на марксистских позициях, также высказывается за многопартийную систему. Он пишет:

«Я надеюсь на усиление демократических движений различных оттенков. Не исключаю при этом и возможности появления на нашей политической арене новой социалистической партии, отличной от нынешних социал-демократических и от нынешних коммунистических партий. Такая новая социалистическая партия могла бы образовать лояльную и легальную оппозицию существующему руководству и тем самым косвенно способствовать обновлению и оздоровлению КПСС. Не являясь преемником старых русских социалистических партий, такая новая социалистическая партия могла бы положить в основу своей идеологии лишь те положения Маркса, Энгельса и Ленина, которые выдержали испытание временем.

Такая партия, не будучи связана характерным для нашей официальной науки догматизмом, могла бы свободно развивать теорию научного социализма и научного коммунизма в соответствии с требованиями современной эпохи и с учетом пройденного нашей страной пути. Свободная от ответственности за преступления прошедших десятилетий, такая партия могла бы более объективно оценить как прошлое, так и настоящее нашего общества и разработать социалистические и демократические альтернативы его развития».²

Я стою на другой позиции в вопросе о многопартийности. Для того чтобы свободно развивать теорию научного социализма, объективно оценивать прошлое и настоящее нашего общества и разрабатывать социалистические и демократические альтернативы его развития, вовсе не нужна политическая партия. Это скорее задачи научного института или авторского коллектива, объединенного вокруг печатного органа. Политическая партия есть организация, стремящаяся к власти. Замалчивать этот факт означало бы только увеличивать общую сумму недомолвок, и без того огромную.

В условиях Советского Союза требование многопартийной системы – это путь революции. Не только вооруженный захват власти ведет к революции; крутая перемена структуры власти – это тоже революция, и она вряд ли обойдется без массового насилия, особенно в условиях многонационального государства, как Советский Союз. Если вообразить, что в СССР вдруг с завтрашнего дня вводятся основные демократические свободы и обычная для демократических стран система свободной конкуренции между политическими партиями, то КПСС, такая как она есть сегодня, скорее всего не удержит власти. Это ясно всем: и руководству КПСС, и сторонним наблюдателям; это и является причиной того политического тупика, в котором мы находимся. Демократия отождествляется со свободными выборами в условиях многопартийной системы, что в свою очередь практически отождествляется с потерей власти правящей бюрократической иерархией. Отсюда панический страх бюрократии перед всякой формой демократизации, перед всяким обменом идеями и информацией и ее отчаянное сопротивление минимальным реформам. Требование элементарных прав личности рассматривается как призыв к свержению власти, к революции.

Существует ли неревolutionный путь демократизации? Я думаю, что существует. Путь реформ означает, с моей точки зрения, прежде всего четкое разграничение борьбы за власть и борьбы за идеи и отказ от борьбы за власть в пользу более успешной борьбы за идеи. Это означает отказ от требования многопартийной системы на ближайший обозримый период – тот период, который потребуется, чтобы укоренились основные права личности. А так как в перспективе целесообразность многопартийной системы по меньшей мере сомнительна, то многопартийность надо вообще снять с повестки дня. Идеалом реформации является постепенное превращение КПСС под действием эволюции общественного сознания и норм поведения в единую политическую сеть подлинно социалистического государства. Демократические свободы, которые должны иметь советские граждане, должны включать, конечно,

и свободу ассоциаций. Но и в самом демократическом обществе не всякая ассоциация допустима; не разрешается, например, ассоциация с целью воровства или вооруженного захвата власти. Я думаю, что было бы вполне логично исключить возможность образования ассоциаций с целью «захвата» власти путем голосования. (Я поставил «захват» в кавычки потому, что не собираюсь преуменьшать разницы между вооруженным захватом власти в буквальном смысле слова и приходом к власти в результате голосования. Но в эпоху манипуляции сознанием масс путем пропаганды нельзя забывать также и о сходстве этих двух методов; вспомним хотя бы о механике прихода к власти Гитлера.)

Никто не может предсказать, осуществится ли этот идеальный вариант демократизации. Возможно, что и не осуществится. Но важно, что такая возможность есть, и ее осуществление зависит от нас самих.

3.5. Опыт старой России

Отрицание возможностей реформ вместо попыток их осуществления всегда в большей или меньшей степени догматично, и целью его является либо моральное оправдание полной пассивности, либо, напротив, пропаганда революционного пути как единственно возможного. Вторая позиция – это позиция большевиков в старой России. Чем хуже, тем лучше – было их лозунгом. Своими злейшими врагами они считали не реакционеров, не тупых чиновников, которые блокировали реформы, а именно реформаторов, старавшихся, не разрушая системы, улучшить положение бедных слоев населения, устранить наиболее вопиющие безобразия и направить страну по пути непрерывного прогресса. Все эти усилия большевики объявляли «обманом трудящихся», имеющим целью ослабить революционные настроения.

В течение долгого времени после революции большевистская концепция политических перемен оставалась единственно допустимой и универсально применимой. Советский человек с юных лет воспитывался в убеждении, что:

- 1) Власть в обществе всегда принадлежит некоторому классу и служит интересам этого класса.
- 2) Никакие серьезные реформы невозможны без смены правящего класса.
- 3) Так как правящий класс ни за что не отдаст власть без боя, осуществить серьезные перемены в обществе можно только путем вооруженного захвата власти, революции.

Нежелание рабочих в западном мире устраивать революции привело постепенно к изменению программ западных компартий в духе прихода к власти конституционным парламентарным путем. В результате и советская пропаганда была вынуждена признать этот способ прихода к власти принципиально возможным. Но в остальном, то есть в главном,

концепция не изменилась. К чему же ведет эта концепция применительно к советскому обществу?

Прежде всего – к дискуссии о том, какому классу «принадлежит власть» в СССР. Если согласиться с официальной доктриной, что власть у нас принадлежит рабочим и крестьянам, то перемены возможны лишь в смысле «конфликта лучшего с просто хорошим». Многие западные левые стоят на этой точке зрения. Советский Союз – государство рабочих и крестьян, и это главное. Поэтому он должен служить объектом восхищения и образцом для подражания. Разные частности и мелкие недостатки, такие как миллионы замученных в сталинское время или перевоспитание инакомыслящих с помощью инъекций нейролептиков, неприятны, но не могут изменить главного.

Те, кто не желают смириться с «мелкими недостатками» и пытаются объяснить их с марксистских позиций, говорят вместе с Милованом Джиласом о «новом классе» – партийной бюрократии, которой реально принадлежит власть. Отсюда следует, что единственная надежда на перемены – это вырвать власть у КПСС, а так как парламентских форм борьбы у нас не существует, то остается лишь создание нелегальной организации с целью свержения власти. Это и было бы большевистской позицией, перенесенной в современные условия. Однако каждому ясно, что шансов на успех на этом пути мало. Поэтому на практике большевистская позиция ведет к тому, что человек просто разводит руками и ничего не делает. Марксизм в марксистском государстве еще раз оказывается инструментом не движения, а застоя.

Если я перенесу свою позицию в дореволюционную Россию, то попаду, по-видимому, в конституционные монархисты – не от большой любви к новой «династии», а потому что шансы на прогресс в нашей стране я вижу в демократизации общества при сохранении основной структуры власти. Я отрицаю большевизм не только как принципиальный противник насилия, но и потому, что, как видно из предыдущих частей книги, я отрицаю всю идеологию марксизма-ленинизма, на которой основана большевистская политическая программа. Я не верю, в частности, что проповедь ненависти к правящему классу, будь то помещики, капиталисты или партбюрократия, может привести к чему-нибудь, кроме бессмысленного разрушения. Реальный прогресс в обществе – это перемена идей, а не власти.

Параллель между реформизмом в советской России и реформизмом в царской России имеет под собой глубокое основание. Пройдя через чудовищно кровавую революцию и гражданскую войну, мы вернулись к структуре власти и общественному сознанию, которые больше напоминают традиционную Россию, чем революцию. Мы вновь оказались поставленными перед теми же проблемами, которые стояли в России 19-го века. Та же всесильная предельно централизованная бюрократия, тот же произвол власти, то же пренебрежение к основным правам личности как со стороны управляющих, так и со стороны управляемых, та же нетерпимость к идеям, не одобряемым высшими инстанциями. Психология советского

бюрократа – это психология бюрократа царской России, что же касается его мировоззрения, то сменены лишь декорации, а по существу оно изменилось мало. В его основе по-прежнему лежит триада: православие, самодержавие, народность; только православие теперь называется марксизмом-ленинизмом, самодержавие превратилось в руководящую роль партии, а вместо «народность» говорят «морально-политическое единство советского народа». Я убежден, что когда советский чиновник смотрит кинофильм о революционерах в царской России, он внутренне находится на стороне царских чиновников, он отождествляет себя с ними, а не с большевиками. И в самом деле, что общего между ним и этими демагогами, которые плетут сети заговора, чтобы подорвать государство, созданное тысячелетней русской историей, разрушить порядок и ввергнуть страну в кровавый хаос?

3.6. Чему же учит нас исторический опыт России?

Для движения по пути реформ необходимы два условия.

Во-первых, должно существовать серьезное общественное давление на власть в пользу реформ. Общество, которое раболепствует перед властью, порождает, с одной стороны, тиранию, а с другой стороны – разрушительный экстремизм, большевизм. В России всегда не хватало сочетания твердости с умеренностью. Пока мы не научимся этому, мы будем бросаться из одной крайности в другую, вместо того чтобы неуклонно продвигаться вперед.

Во-вторых, необходимо, чтобы власть перестала бояться реформ и научилась их во время проводить. Хорошо известно, что такая политика не ослабляет власть, а укрепляет ее. В советских курсах обществоведения любят, ссылаясь на кого-то из основоположников (не то Маркса, не то Энгельса, не помню), приводить английскую буржуазию в качестве примера использования власти, не исключающего политических реформ. Но в своей собственной политике советские руководители подражают почему-то не английской буржуазии, а худшим образцам из русской истории. Стабилизация тоталитаризма – путь к катастрофе. Окостенение и загнивание не может продолжаться вечно; рано или поздно, под влиянием какой-то внешней или внутренней причины должно произойти разрушение такого общества, и это будет ужасно. Слепой страх перед движением мысли, сопротивление политической и экономической либерализации ведут в пропасть. Роковым образом коммунистическая власть в России повторяет ошибки династии Романовых.

Впрочем, исправлять ошибки Романовых можно различными способами. Один диссидент сказал кагебисту: «При царе и то было больше свободы, чем сейчас!». На что тот возразил: «Вот и доигрались до революции!» Ответ не лишен логики. Он лишний раз показывает, кто есть кто в новой России при сравнении со старой и отражает, надо думать, точку зрения части партаппарата, и во всяком случае его верхушки.

Что ж, мы уже почти вышли на режим стационарного самовоспроизводящегося тоталитаризма.

литаризма, и возможность его сохранения в течение поколений не исключена. Но кагебист не учитывает двух обстоятельств. Во-первых, стационарный тоталитаризм возможен только при условии *абсолютной* стационарности – полного постоянства форм и норм жизни в качественном и количественном отношении. Ибо любые изменения, даже количественные, потребуют в конце концов каких-то новых решений, какого-то творчества, на которое тоталитарное общество не способно. Этого, к сожалению, не понимают партаппаратчики, вследствие отсутствия у них необходимой культуры, философского кругозора. Они, по-видимому, искренне полагают, что общество, наложившее запрет на свободную мысль, может до бесконечности «удовлетворять непрерывно растущие потребности». Во-вторых, не весь мир еще, к счастью, тоталитарен, он не остановился еще в своем развитии. Живя в этом мире, мы не можем его игнорировать, и это накладывает определенные ограничения на тех, кто стремится к вечному мраку.

Не то погубило Романовых, что они дали «слишком много» свободы. Свободы было хотя и больше, чем сейчас, но – скажем прямо – не так уж и много. В других странах было несравненно свободнее, и – ничего. Погубила Романовых неспособность *вовремя* проводить необходимые реформы, погубило отчуждение между государством и передовой частью общества. Возникло специфически русское явление – интеллигенция, образованный слой общества, находящийся в конфликте с государством. Не только государство было виновно в этом конфликте. Авторы сборника «Вехи» высказали много справедливых упреков в адрес интеллигенции, они провидчески указали на те черты российской интеллигенции, которые в конечном счете привели к большевистскому террору. Но все же основная, изначальная вина лежит без всякого сомнения на царской власти. И вот теперь мы видим, что советское государство идет по тому же самоубийственному пути, который привел к гибели царское государство (ах, если бы только государство!). Отказывая своим гражданам в элементарных политических правах и свободах, оно углубляет и увековечивает конфликт между властью и культурой, при котором общество не может нормально развиваться. Неужели все-таки исторический опыт ничему не учит Россию?

3.7. Инерция страха

Оба условия постепенной демократизации, давление снизу и способность к реформам наверху, не выполняются у нас, в сущности, из-за страха, а точнее, из-за *инерции страха*, вошедшего в нашу жизнь при Сталине. Страх, который парализует общество это страх сталинских жертв, страх, испытываемый властью, – страх самого Сталина. Пришедший к власти в результате невиданного в истории террора, Сталин подозревал каждого в тайном вынашивании планов возмездия, в каждом видел скрытого врага. Очевидно, этот элемент и до сих пор сохраняется в высшем руководстве. Жестокие и бессмысленные репрессии

против инакомыслящих (которые вовсе не стремятся к вытаскиванию руководителей из их кресел) свидетельствуют о наличии этого элемента и в то же время регенерируют, подкрепляют его. Образуется порочный круг. Чтобы разорвать его, нужен хотя бы какой-то минимум доверия между властью и обществом, чтобы разграничить борьбу за идеи от борьбы за власть. Но при той пелене страха и лжи, которая нас окутывает, даже достижение этого минимума – труднейшая задача. Власть настолько боится реальных проблем, которые стоят перед страной, что даже не хочет назвать их по имени; она предпочитает отрицать очевидные факты. Это политика страуса, который прячет голову в песок от страха.

3.8. Дискуссия с большевиком

Разумеется, процесс демократизации не может не повлечь каких-то перемещений в партийно-государственной иерархии. Люди, решительно неспособные к работе в меняющихся условиях, должны будут сойти с политической сцены. Но если проводить реформы умело и постепенно, то они не будут угрожать основной массе правящего слоя. Человек – существо обучаемое, способное менять стиль жизни и работы при изменении условий. Почему мы должны думать, что советский парработник в этом отношении радикально (чуть ли не биологически) отличается от остальных людей? Мастодонты, конечно, должны будут постепенно вымереть, но обществу это пойдет только на пользу.

Тут я слышу голос современного большевика:

«Все это идеализм и иллюзии. Классовый интерес партийной верхушки состоит в том, чтобы ничего не менять ни на йоту. Они выросли в определенных политических условиях и привыкли, приспособились к ним. Они вполне довольны жизнью.

Зачем им демократизация, которая нарушит их покой, вынудит как-то выкручиваться в новых условиях, доказывать свою правоту или другие достоинства на широких собраниях, рисковать провалом на свободных выборах? Заставить их пойти на демократизацию, это все равно что заставить волка кушать капусту, это противоречит их природе, их классовому интересу».

Внешне правдоподобное, это возражение грешит тем, что выдает часть истины за всю. Указанный в нем эффект несомненно имеет место, смешно было бы его отрицать. Желание спокойной жизни правящим слоем препятствует демократизации. Но чтобы сделать из этого эффекта решительный вывод о невозможности демократизации, надо его дополнить еще несколькими положениями. Во-первых, надо предположить, что классовый интерес правящего слоя исчерпывается спокойной жизнью, так что никакие другие устремления ему как классу не свойственны. Но это неверно даже в рамках чисто марксистского подхода. Классовый интерес – это интерес, порожденный *функцией* данного класса в обществе. По Марксу, капиталист стремится к наживе не потому, что он жаден как личность, а потому,

что такова его роль в обществе, в системе производства, и если он будет вести себя иначе, то разорится и перестанет быть капиталистом. Функция партийно-государственного аппарата – управлять страной. Он эту функцию и выполняет, однако далеко не наилучшим образом: тяжело опираясь на страх и широкий диапазон наказаний и не обеспечивая необходимых условий для развития народного хозяйства и культуры. Более того, можно с уверенностью сказать, что если он не сменит стиля управления, то это приведет либо к полному окостенению с неизбежным разрушением от внешних причин, либо к революционному взрыву изнутри. Ни то, ни другое не соответствует классовым интересам правящего слоя. В его интересах была бы именно постепенная демократизация с высвобождением творческих сил народа, но при сохранении своего руководящего положения и власти. Трудности этого пути, в частности риск, что правящий слой не сможет сдерживать процесс демократизации в определенных рамках, удерживают правящий класс от шагов в направлении демократизации. Но какое отношение это имеет к *социальным функциям* правящего слоя? Неспособность найти приемлемое решение в сложной ситуации, а именно, найти путь демократизации с уверенным сохранением своей власти, никак не может быть выведена из социальной функции или социальных интересов правящего слоя. Если люди по лени, трусости или глупости не стремятся к тому, что было бы для них идеальным, то так и надо говорить, а не выдавать человеческие недостатки за социальный классовый интерес. Но действительно ли эти недостатки у представителей правящего класса так велики, что полностью, в любых условиях, блокируют возможность демократизации? Откуда это известно? Только из того, что они до сих пор этого не сделали? Но ведь состав каждого социального слоя непрерывно обновляется, и каждый процесс имеет свое начало.

Второе положение, неявно содержащееся в «большевистской» точке зрения, состоит в том, что классы в обществе разделены как бы непроницаемыми стенками, обладают каждый своей культурой и моралью и борются между собой, выступая каждый как единое целое за свои классовые интересы. Это – марксистская вульгаризация реальной общественной жизни. Культура общества едина и оказывает огромное влияние на все классы, на всех членов общества. Классы не монолиты, и борьба между классами отнюдь не единственный и не всегда самый важный фактор, определяющий развитие общества. Деление и объединение людей по их психологическим качествам, по мировоззрению, по таким признакам, как честность, доброта и т. п., не менее важно, чем деление на классы, а оно проходит через все социальные слои.

Марксисты обычно стремятся представить социальные сдвиги исключительно результатом борьбы угнетенных классов против правящих, игнорируя те изменения, которые происходят в правящих классах вследствие эволюции культуры. Между тем, эти изменения по меньшей мере столь же важны, как и прямое силовое сопротивление угнетенных, и если культура не эволюционирует, то, несмотря на периодические восстания угнетенных, их

участь может не улучшаться на протяжении, столетий, что мы видим на примере ряда стран Востока. История европейской цивилизации определенно указывает на решающую роль эволюции культуры, а не силового фактора. Усовершенствование оружия и транспорта дало физическую возможность небольшой части общества держать в полном повиновении всех остальных; технически это стало легче, чем в странах Древнего Востока. Тем не менее, европейская цивилизация, если не считать некоторых отклонений, идет по пути непрерывного уменьшения уровня насилия управляющих над управляемыми. Тоталитаризм в восточных странах со всей наглядностью показывает, как можно повелевать людьми с помощью западной технологии при отсутствии западной культурной традиции.

Согласно марксизму, изменение общественных отношений является следствием развития материальной культуры: при определенном уровне производительных сил оказывается выгоднее иметь свободного арендатора, чем раба, и т. д. Что этот эффект имеет место, столь же несомненно, как и то, что он не является решающим. Более важный и прямой эффект мы наблюдаем непосредственно вокруг себя, если только не закрываем глаза, чтобы изобрести наукообразное «материалистическое» объяснение. Просто эволюция общественного сознания (под действием сил, которые не выводятся из материального производства, несмотря на все усилия марксистов) приводит к тому, что и цели, и методы правящего класса меняются, и он уже не хочет и не может поступать в соответствии со старыми рецептами. Возьмем англичан в Индии. Они представляли собой военно-бюрократический правящий класс, и никакими ухищрениями невозможно доказать, что в их «классовых интересах» было уйти из Индии. Если бы они были полны решимости остаться любой ценой и применяли бы в 20-м веке столь же или еще более жестокие методы подавления, чем в 19-м, получила бы Индия независимость? Я не хочу преуменьшить значения борьбы индийцев за независимость, но решающими аспектами этой борьбы были идейный и моральный. Если бы играли роль только экономические и военные факторы, то англичане не ушли бы из Индии. Физическая возможность у них была.

Необходимые условия демократических реформ – в нашем образе мышления. Общественное сознание в своем существе едино, оно пронизывает все слои общества. Нельзя сваливать в большевистском духе всю вину на «новый класс». В стране, где ученые с мировым именем, выслуживаясь перед властью, способны поливать грязью своего единственного честного и мужественного коллегу, чего ожидать от партийных и государственных чиновников?

Нет, никто не убедит меня в том, что существуют какие-то «объективные» причины, по которым невозможна постепенная демократизация. Все это лишь способы оправдания бездействия. Встанем мы или нет на путь, открывающий перспективы на достойное человека будущее, зависит только от нас самих. И если не встанем, то никаких оправданий этому не будет.

3.9. Движение за права человека

Советский человек, воспитанный в духе принципа «экономика – базис, идеология и политика – надстройка», склонен требовать от каждого, кто решается высказываться на общественно-политические темы, прежде всего конкретного проекта экономических преобразований (желательно с длинными столбцами цифр и диаграммами). Иной подход считается «несерьезным»: ведь политика есть отражение экономических интересов; как же могут сограждане поддерживать вас, если они не знают, какие у вас конкретные планы в области экономики? А если у вас вообще нет таких планов, так о чем же говорить?

На самом деле в наших нынешних условиях именно этот подход – с экономического конца – является совершенно несерьезным. Из изложенной мною социальной философии следует необходимость либерализации экономики, повышения роли частной инициативы, перестройки экономической системы в духе принципа структурно-функционального параллелизма. Но я не собираюсь никак конкретизировать эти общие принципы. Экономика – огромная, сложнейшая система с множеством запутанных косвенных связей, и скольконибудь ответственный подход к модификации этой системы требует ее детального изучения. Дело не только в том, что я не экономист по специальности: даже очень знающий экономист не мог бы, я думаю, дать в одиночку обоснованный и достаточно конкретный план экономических реформ. Необходима работа большого коллектива в обстановке свободных обсуждений и свободного обмена информацией. Необходима свобода экспериментирования в широких масштабах. Эти условия – политические, и пока они не выполнены, экономические проблемы не только не разрешимы, к ним даже невозможно найти конкретного подхода. Камнем преткновения у нас является политика, а не экономика.

То же относится к конкретным вопросам законодательства, административного управления, партийной жизни и т. п. Seriously обсуждать их и искать решений можно только при условии соблюдения элементарнейших, самых основных гражданских и политических прав личности. Проблема основных прав личности стоит особняком, это начало всех начал.

Под основными правами личности понимают обычно следующие права, выраженные в четырех статьях Всеобщей декларации прав человека ООН (это понимание принято, в частности, организацией «Международная Амнистия»):

Статья 5. Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию.

Статья 9. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Статья 18. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным

порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов.

Статья 19. Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Сознание необходимости отстаивать основные права человека породило в Советском Союзе движение, которое к настоящему времени имеет примерно десятилетнюю историю. В нем участвуют люди самых различных политических и философских воззрений, оно не является политической партией, не имеет формального членства, организации, руководства и т. п. Оно не имеет даже определенного названия: раньше его обычно называли «Демократическим движением», теперь чаще называют «Движением за права человека». Тем не менее, оно реально существует и представляет собой, несмотря на свой ничтожный в масштабе страны численный состав, серьезное общественное явление. Его участники («диссиденты» или «инакомыслящие») связаны общим неприятием тоталитаризма, общими выступлениями против конкретных нарушений прав человека, общим интересом к неподцензурным литературным произведениям. Печатным органом Движения можно считать «Хронику текущих событий».

Так как у Движения за права человека в СССР нет определенной организационной структуры, то нельзя говорить и о наличии у него определенной программы. Существуют лишь общие принципы, разделяемые большинством участников Движения. В рамках этих принципов каждый диссидент высказывает свои собственные соображения и предложения.

Я хочу предложить следующий примерный план демократических реформ, который намеренно выражен не в терминах конкретных законодательных актов, постановлений правительства и т. п., а в общих терминах, и является поэтому скорее схемой мероприятий, чем их конкретным планом. Конкретизация этой схемы выходит за рамки моих задач как автора настоящей книги, она имеет смысл лишь на политическом уровне, то есть в процессе коллективных обсуждений и выступлений (обсуждения желательны с участием представителей власти). Кроме того, она может меняться по ходу дела.

1. Прекратить судебные и психиатрические преследования за обмен информацией и идеями, за критику общественной системы и власти, за проповедь религиозных убеждений и за изъявление желания покинуть страну. Обеспечить гласность всех открытых судебных заседаний, то есть возможность присутствовать на них любого советского или иностранного гражданина, изъявившего на то желание заранее, а также возможность делать фотоснимки и звукозапись.

2. Объявить амнистию всем политическим заключенным, то есть *узникам совести* в определении «Международной Амнистии» Это определение таково: люди, подвергаемые какому-либо физическому принуждению либо из-за своих религиозных или политических убеждений, либо по какой-либо другой причине, касающейся их убеждений, либо из-за своего этнического происхождения, цвета кожи или языка, при условии, что эти люди сами не применяли насилия и не призывали других к применению насилия. К этой категории людей относятся прежде всего все лица, осужденные по статьям 70 и 190-1 УК РСФСР или аналогичным статьям других союзных республик.

3. Отменить предварительную цензуру печати и других средств массовой коммуникации.

4. Разрешить свободный обмен людьми и информацией со всеми странами мира. А именно:

- разрешить свободный выезд за границу и возвращение в страну;
- разрешить свободную продажу зарубежных газет, журналов и книг;
- прекратить произвольное задержание писем и других материалов, посылаемых по почте за границу и из-за границы;
- прекратить глушение радиопередач;
- прекратить отключение телефонов за не понравившиеся властям разговоры.

Во всех указанных видах обмена акты запрещения или изъятия могут предприниматься только по решению открытого суда. (Осуществить преобразования, указанные в этих четырех пунктах, можно было бы очень быстро (в течение месяца) без всякого риска для системы и власти. Это, собственно говоря, то, что советское правительство обязалось сделать на совещании в Хельсинки, и выполнение этого обещания сильно повысило бы престиж СССР за рубежом и открыло бы новые благоприятные перспективы в отношениях со странами Запада. Следующие два пункта потребуют больше времени и некоторой осторожности.)

5. Вместо существующей у нас комедии «выборов» из одного кандидата, ввести выдвижение нескольких кандидатур на каждое место при выборах во все государственные и партийные органы.

6. Разрешить все ассоциации граждан, не пропагандирующие насилия и не имеющие статуса политической партии, и предоставить им возможность нормального функционирования. В частности, разрешить ассоциациям иметь свои, независимые от правительства и партии, печатные органы и средства размножения. Свободная печать необходима современному обществу.

Было бы, конечно, прекрасно, если бы все эти мероприятия были проведены по инициативе сверху. Однако на такую инициативу трудно рассчитывать. Необходимо давление снизу, то есть осуществление своих гражданских прав «в явочном порядке». Помогает этому то, что на словах наше государство считается свободным и демократическим, поэтому борьба за права человека является в значительной степени приведением дел в соответствие со словами.

Свобода ассоциаций, независимых от партийно-государственных органов, даже с учетом того ограничения, которое фигурирует в моей программе, остается наиболее трудным пунктом. Но без свободы ассоциаций смешно говорить о правах человека и о демократии. В рамках Движения за Права Человека возникло несколько независимых ассоциаций, последней из которых является Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений, образованная в мае 1976 г. В перспективе, мне кажется, надо надеяться на возникновение все большего числа независимых ассоциаций, связанных с самыми различными аспектами жизни. Возьмем, например, такой волнующий всех вопрос, как загрязнение окружающей среды. Государственные органы вряд ли могут обеспечить детальный и объективный контроль, ибо борьба за чистоту среды – именно в интересах частных граждан, а не государственных организаций. Необходимы независимые общественные организации. Другой вопрос такого рода – безопасность на транспорте. Об авиационных катастрофах у нас в газетах сообщается только в том случае, если в числе погибших есть иностранцы. Статистика катастроф не публикуется. Очевидно, государство опасается, что, ознакомившись с этой статистикой, граждане откажутся летать на самолетах. Один инженер сказал:

«Я никогда не летаю на самолете. И знаете почему? Я работаю на заводе, где делают самолеты, и знаю, как их делают». Секретность в вопросе о катастрофах несомненно увеличивает число катастроф, ибо она позволяет затушевать глубокие причины, вызывающие их. Секретность позволяет пренебрегать интересами рядовых граждан ради удобства каких-то лиц в иерархии государственного управления. Это то самое, что в отношении капиталистических стран на нашем пропагандистском языке называется «приносить интересы трудящихся в жертву интересам монополий». Впрочем, когда речь идет о человеческих жизнях, слово «интересы» становится слишком слабым. Фактически, отказ государства публиковать статистику катастроф и обстоятельства вокруг катастроф – это завуалированное убийство им своих граждан. И здесь выходом из положения является только создание независимых общественных организаций для контроля, так как государство – слишком заинтересованная сторона. Наконец, на каждом предприятии, в каждом коммунальном хозяйстве есть множество вопросов, которые могут быть решены только при наличии независимых контролирующих органов, а независимые ассоциации ученых, художников и т. д. могли бы сыграть огромную роль в плане чисто профессиональной деятельности.

Борьба за права человека во многих отношениях более трудное дело, чем революцион-

ная борьба за власть. Зато она приводит к устойчивым благотворным переменам в образе мышления и образе жизни общества. Я бы назвал ее скорее не борьбой, а работой. Это трудная, долгая и в наших условиях опасная работа. Однако это единственный путь к человеческому существованию. Это демократия в действии, демократия в массах. На этот путь встали и продолжают по нему упорно идти вперед народы ведущих стран Запада. И другого пути нет.

3.10. Восток и Запад

Ныне во всех континентах, во всех районах Земного шара организованы и функционируют «кружки по изучению великих идей чучхе товарища Ким Ир Сена», «исследовательские институты по трудам товарища Ким Ир Сена», «общества читателей трудов товарища Ким Ир Сена», движение за изучение идей чучхе уже вышло из рамок кружковой деятельности и расширяется в порядке зонального и континентального общего движения. . . С каждым днем увеличивается число читателей бессмертных классических трудов великого вождя товарища Ким Ир Сена.

Журнал «Корея», №10 (229), 1975 г.

Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева еще не был окончен, а огромный, всеохватывающий к нему интерес в Англии рос от часа к часу. . . Надо ли говорить, что сегодня в Англии нет ни одной столичной газеты, которая бы не отвела место на первой полосе репортажам, посвященным работе форума советских коммунистов, как правило, с портретами Генерального секретаря ЦК КПСС на трибуне съезда.

«Комсомольская Правда», 26 ФЕВРАЛЯ 1976 г.

Если бы Советский Союз был единственной страной на Земном шаре, то, возможно, что уже сделанные им шаги на пути к стационарному тоталитаризму оказались бы необратимыми.

Однако действительное положение в мире не так мрачно. Страны свободного мира все еще занимают ведущее положение в мировом хозяйстве и культуре, и пока они сохраняют это положение, победу тоталитаризма ни в какой «отдельно взятой» стране нельзя считать окончательной. Тоталитаризм не стал еще общемировой нормой, тоталитарным странам приходится считаться с мировым общественным мнением.

Эволюционирующее мировое общество предъявляет ко всем странам требования, которые не могут быть удовлетворены на пути застойного тоталитаризма. Поэтому, если тоталитаризм не захлестнет весь мир, то, надо полагать, свежий воздух рано или поздно проникнет и в Советский Союз, и в Китай. Противное возможно только в случае жестокой

изоляционистской политики со стороны тоталитарных стран. Реальна ли эта возможность? Сколько бы ни пытались китайцы или корейцы убедить себя и других, что свет льется на современный мир с Востока, они прекрасно понимают, как понимаем и мы, что исторический процесс, охвативший сейчас весь мир, есть *вестернизация*, усвоение и распространение культуры, возникшей в Западной Европе. Распространяясь, западная культура впитывает в себя некоторые элементы восточных культур. Это, конечно, очень важно для будущей глобальной цивилизации, но не меняет того факта, что в формирующейся культуре активной стороной является культура Запада, а не Востока. Тоталитарные страны – это фронтовые зоны формирующейся культуры, отсюда вытекают основные черты отношения человека в этих странах к человеку «тыла», центральной зоны. Это смесь болезненного ощущения своей неполноценности со здоровым ощущением своей энергии, своего желания «догнать и перегнать». Длительный, систематический изоляционизм в подобной ситуации немыслим.

Для тоталитарных стран, как и для стран Третьего мира, Западный мир является единственным и естественным масштабом, мерой всех вещей. Самовосхваление советской пропаганды, ее попытки внушить, что «социалистические» страны стали центром мировой культуры, – не больше, чем один из приемов выполнения ею основной задачи – дезинформации населения. До какой-то степени она достигает цели, и от «простого человека» можно иногда услышать словесные формулировки в этом смысле. Но в глубине души все без исключения знают, где масштаб и где точка отсчета. Знают это и вожди. Для вождей тоталитарных стран очень важно, чтобы изучение их «великих идей» расширялось «в порядке зонального и континентального общего движения» и чтобы их еще не оконченные доклады вызывали в западных странах «огромный, всеохватывающий интерес», который бы «рос от часа к часу». А также, чтобы ни одна столичная газета не упустила случая напечатать их портрет.

Два обстоятельства играют роль в возросшей – и возрастающей – чувствительности советских руководителей к общественному мнению на Западе.

Во-первых, произошел переход от революционной фазы советского общества к стационарной фазе. В революционной фазе многое прощается как временное, переходное. Накал страстей так велик, что на его фоне внешние воздействия теряются. Определенная доля изоляционизма в такие периоды неизбежна, общество замыкается само на себя. Стационарная фаза предъявляет новые требования к взаимодействию с внешним миром, его роль увеличивается.

Во-вторых, изменились настроения в важных для Советского Союза кругах западного общества. Советское государство никогда не было равнодушно к своему образу в западном мире, оно и возникло как «прорыв цепи мирового капитализма», лозунг мировой революции не сходил со сцены в течение многих лет после октября 1917 года. Неверно думать, будто Сталин не заботился о престиже СССР на Западе: просто в тех кругах, на которые

он опирался, то есть среди рабочих и левой интеллигенции, этот престиж был неизменно высок, несмотря на все совершаемые режимом Сталина зверства. Желание верить в то, что первое в мире социалистическое – без кавычек – государство в самом деле существует, было так велико, что люди отказывались признавать очевидные факты и восторженно аплодировали палачам. Пакт 1939 года с Гитлером был сильным ударом по престижу Советского Союза, но разгром фашистской Германии, героизм, проявленный народом в войне, и его тяжелые жертвы реабилитировали режим – хотя это и нелогично – в глазах многих людей на Западе. Возросло влияние иностранных компартий, которые тогда все без исключения рассматривали КПСС как единственно возможный образец для подражания и славословили Сталина. В 1945 году Теодор Драйзер обратился к председателю коммунистической партии США Фостеру с просьбой принять его в партию. Он писал:

«Вера в величие и достоинство человека всегда была руководящим принципом моей жизни. Логика моей жизни и моей работы привела меня в коммунистическую партию».³ И это в то время, как разработанная сталинцами массовая технология растаптывания человека, унижения его достоинства стали основой стабильности нового общества!

Только после XX съезда КПСС в 1956 году (бессмертное деяние Хрущева) стала пелена постепенно спадать с глаз. Эпоха гарантированных аплодисментов кончилась, и для поддержания престижа руководство оказалось вынужденным идти на уступки общественному мнению.

Политическое и культурное взаимодействие с внешним миром делает необходимым и экономическое взаимодействие. Стараясь не слишком отстать от западного уровня жизни, мы ввозим пшеницу; стараясь угнаться за научно-техническим прогрессом, мы ввозим компьютеры; стараясь не выглядеть дикарями, мы следим за западной модой и снабжаем верхний слой общества заграничной одеждой, обувью, косметикой, предметами домашнего обихода и т. п. В результате совокупного действия всех этих факторов западный мир продолжает оставаться фокусом, центром притяжения в психологии советского человека. Поездки за границу и особенно в страны Запада – одна из главных приманок, с помощью которых власти создают послушную им прослойку интеллигенции и постоянный рычаг воздействия на нее.

Трудно представить себе, чтобы кто-то из главных начальников в СССР взялся систематически свертывать и обрезать контакты с Западом. Он не найдет в этом деле поддержки. В борьбе за власть изоляционистские лозунги возможны, они практически не отделимы от призыва к завинчиванию гаек. Дескать, «распустили народ», и все из-за этих контактов с Западом. Можно допустить, что такого сорта демагогия будет использована, чтобы кого-то столкнуть сверху, а кого-то поставить вместо него. Но будет наивен тот, кто примет эти слова всерьез: они лишь прием в борьбе, тактический ход. Как только новые люди окажутся у власти, логика вещей заставит их налаживать и углублять контакты с Западом. (Я

не обсуждаю здесь конкретных политических вопросов, таких как отношения с Китаем, а ведь они играют далеко не последнюю роль.) Так было с Хрущевым, так обстоит дело с Брежневым, так будет при его преемниках в предвидимом будущем.

3.11. Победа «реализма»

Запад далеко не полностью использует свои возможности влияния на Советский Союз. Говоря о влиянии, я имею в виду, конечно, влияние в области основных прав человека, осуществляемое через сферу культуры и торговлю. Находясь в здравом уме, никто не станет сейчас призывать к применению силы или к угрозам применения силы, каково бы ни было соотношение военных потенциалов сверхдержав. Межгосударственные договоры, имеющие целью уменьшить опасность вооруженного конфликта, – большое достижение политического разума и здравого смысла; все это так очевидно, что нет необходимости и говорить об этом. Но распространение своих идей через посредство мирных дружественных связей – законное право каждого человеческого сообщества, а если оно по-настоящему верит в справедливость своих идей, то не только право, но и обязанность. Идея свободы личности – великая идея, лежащая в основе западной цивилизации. Пассивность и нерешительность Запада в распространении этой идеи – свидетельство кризиса западной цивилизации, кризиса веры.

Джинсы и поп-музыка легко пересекают государственные границы. Наверное, потому, что они всегда на виду, их воздействие непрерывно. Но когда западный человек вступает в общение с советской системой, он свои идеи вежливо прячет в карман. Считается признаком хорошего тона при профессиональных контактах между людьми из разных «лагерей» время от времени клясться друг другу в отсутствии намерения втянуть собеседника в «политический» спор. «Ну, это уже политика» – говорит советский ученый за границей, скажем, в Америке, почуввав, что разговор поворачивается в опасном направлении. «О да, конечно, оставим это, – говорит американец с готовностью, и даже как будто извиняясь. – Не будем заниматься политикой: у вас свои взгляды, у нас – свои. Наука нейтральна. Давайте выпьем за расширение научных связей, за дружбу между нашими народами!» Взаимное удовлетворение и полное согласие. Дружба между народами. Разрядка международной напряженности. Детант. Меня только интересует вот что: понимает ли американец, что если наука и нейтральна, то он, занимая эту позицию, вовсе не нейтрален, а служит опорой и поддержкой тоталитаризма? Понимает ли он, что, отделяя себя от того, что он вслед за своим советским коллегой называет «политикой», он в действительности отделяет себя от простой порядочности, от фундаментальных этических принципов? Ведь для советского человека все, что выходит за рамки физиологических отправления и указаний начальника по работе, – политика. Нравственность? Политика! Гуманность? Политика!! Совесть?

Политика!!! Простая искренность, отвлеченная от политических соображений (а если не отвлеченная, то какая же это искренность?), объявляется идейно порочной «абстрактной» искренностью. Так была заклеена статья журналиста Померанцева «Об искренности в литературе», появившаяся в первый период оттепели после смерти Сталина. «Литературная газета» писала: «Советской общественностью уже справедливо оценена статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» как идейно порочная, написанная с идеалистических позиций, противопоставляющая принципам идейности, партийности литературы, критерию правдивого отображения действительности абстрактную искренность».⁴

Граждане СССР делятся на две категории: граждане первого сорта, которым разрешают ездить за границу, и граждане второго сорта, которых за границу не пускают. Граждане первого сорта – это особо проверенные, надежные люди, относительно которых начальство уверено, что они будут в точности следовать всем данным им указаниям и никогда не позволят себе проявить свое собственное лицо (ежели таковое существует). Причем, это относится к поведению не только за границей, но и дома, ибо, как я уже отмечал, поездка за границу является наградой, которую еще надо заслужить. «Подпишешь письмо против Сахарова – поедешь, не подпишешь – не поедешь» – это не фигуральное выражение, а буквальные слова, сказанные одному сотруднику института, где Сахаров работает. Таким вот образом и осуществляется выбор тех, кому разрешено выходить на международную сцену. Мировое сообщество санкционирует этот выбор. Рукопожатия, тосты, аплодисменты.

Я далек от мысли предлагать бойкот культурных связей. И я отнюдь не против рукопожатий с лицами, облеченными доверием властей. Санкция – не в том, что западный мир принимает тех, кто отобран властями. Пусть себе едут. И чем больше, тем лучше. Санкция – в том, что принимают *только их*, что отбор, производимый властями, стал нормой, против которой никто всерьез не протестует. А что стоило бы, например, принять такой принцип: в каждом мероприятии по культурному обмену (научная конференция, обмен студентами, гастрольные поездки и т. п.) небольшая часть участников, например, одна пятая или десятая, определяется по выбору противоположной стороны; если же указанным людям не дают разрешения на поездку по политическим причинам, то все мероприятие отменяется. (Этот принцип, разумеется, должен был бы проводиться исключительно на уровне общественного мнения в заинтересованных организациях, без участия правительственных органов.) Но нет, западные партнеры предпочитают без звука принимать тоталитарные правила игры.

Волна протестов на Западе против преследований за убеждения в СССР в последние годы нарастает, и она приносит свои плоды. Среди ученых наибольшую активность проявляют математики. Благодаря их усилиям, в частности, был в конце концов освобожден из психиатрической больницы Л. Плющ. Во время подготовки 4-ой Международной конференции по искусственному интеллекту (Тбилиси, сентябрь 1975 г.) группа американских членов оргкомитета пригрозила советским устроителям конференции бойкотом, в случае

если проф. Лер-неру (уволенному с работы после подачи заявления на выезд в Израиль) не будет предоставлена возможность выступить с докладом. Но все действия подобного рода в некотором смысле «нетипичны»: они иницируются отдельными поборниками прав человека скорее вопреки желанию основной массы, чем в соответствии с ним. Не они определяют атмосферу культурных связей. Атмосфера все еще такова, что преследование инакомыслящих и удушение свободы творчества – это «внутреннее дело» тоталитарных стран, в которое человек Запада не должен вмешиваться. Пока сохраняется эта атмосфера, культурный обмен работает на укрепление тоталитаризма: в назидание молодежи советские власти выводят на международную арену послушных и заживо погребают непослушных.

Стационарный тоталитаризм нуждается в международном признании. И это ему удается. Тоталитаризм стал одним из способов существования общества, столь же законным, как любой другой. Представители тоталитарной культуры – это колесики машины, перемалывающей человеческое сознание, – разъезжают по свету, не испытывая ни малейшего неудобства, а напротив, встречая всюду почет и уважение. Тоталитаризм становится нормой. Пока – одной из норм. Но не станет ли он завтра *единственной* («единственно-научной», «единственно прогрессивной» и т. д.) нормой?

Признание тоталитаризма нормой со стороны западной общественности приветствуется советской и просоветской пропагандой как «реалистический подход», «политический реализм», «победа реализма» и т. п. Слово «реализм» эксплуатируется со вкусом, с удовольствием. Понимать его надо, конечно, как примирение с реальностью тоталитаризма, как сдачу позиций. Этот же термин эксплуатируется и капитулянтами с западной стороны. Поскольку он несет положительную эмоциональную нагрузку (ассоциируясь с трезвостью, с мудростью), сдача позиций представляется чуть ли не победой.

И еще есть одно понятие, которое служит постоянным поводом для спекуляций. Это «беспристрастность».

Что такое беспристрастность?

В августе 1973 голландская секция «Международной Амнистии» направила Международному исполнительному комитету в Лондоне документ под названием «Является ли Амнистия достаточно беспристрастной?». Соображения по этому поводу были наиболее ясно сформулированы в указанном документе г-ном Х. Левенбергом.⁵ Вкратце они сводятся к следующему.

Люди, поддерживающие «Международную Амнистию», сосредоточены главным образом в странах Западной Европы и Северной Америки. В других же странах, причем не только тоталитарно-социалистических, но и в странах Третьего мира, «Международная Амнистия» представлена лишь опекаемыми узниками совести. Это наносит серьезный ущерб представлению о «Международной Амнистии» как о нейтральной организации, которое всегда считалось ее козырем. Одну из причин неприятия «Международной Амнистии» автор

усматривает в том, что в своей деятельности эта организация делает упор на гражданские и политические права человека, а социальным, экономическим и культурным правам отводит подчиненное место.

Различие между этими двумя группами прав состоит в следующем. Гражданские права необходимы для «свободы от страха»; государству предъявляется требование, чтобы оно не препятствовало свободному выражению идей и обмену информацией между гражданами. Необходимость соблюдения гражданских прав – основа западноевропейского либерализма, ведущего начало от эпохи Возрождения. Социально-экономические права имеют своей целью «свободу от нужды». От государства требуется, чтобы оно тем или иным путем эту «свободу от нужды» обеспечило. Представление о социально-экономических правах личности – гораздо более позднего происхождения, это одна из основ социализма. В 20-м веке под влиянием рабочего движения социально-экономические права были включены в конституции многих капиталистических стран, однако в социалистической идеологии они занимают гораздо более видное место. По учению Маркса, производительные силы и производственные отношения, которые отражаются в социально-экономических правах, являются определяющим элементом, «базисом», а гражданские и политические права есть нечто вторичное, «надстройка».

Таким образом, упор на ту или другую группу прав человека имеет отчетливо видимую идеологическую компоненту, что нашло отражение в истории соответствующих международных документов. Всеобщая декларация прав человека ООН была результатом инициативы западных держав (1948 год). В 1966 году Международная конвенция по гражданским и политическим правам и Международная конвенция по экономическим, социальным и культурным правам были приняты Генеральной Ассамблеей ООН после 18 лет дискуссий и компромиссов, которые показали, что первую группу прав продвигали западные страны, а вторую – социалистические и большинство развивающихся стран.

Статьи 5, 8, 18 и 19 Всеобщей декларации прав человека, на которых основывает свою деятельность «Международная Амнистия» целиком покрываются Конвенцией по гражданским и политическим правам. «Вывод самоочевиден, – пишет Х. Левенберг, – до тех пор, пока «Международная Амнистия» ограничивается категорией гражданских и политических прав, ее нейтральность, с точки зрения социалистических и развивающихся стран, неображаемая. Это ограничение означает отказ признать социалистическую концепцию прав человека, и следовательно, отдает предпочтение капиталистической идеологии. . . Подводя итог, можно сказать, что из-за своего молчаливого предпочтения капиталистической концепции свободы (которое логически следует из одностороннего продвижения гражданских и политических прав) «Международная Амнистия» не смогла доказать правительству социалистических и развивающихся стран провозглашаемой ею нейтральности».

Х. Левенберг заканчивает свои соображения рекомендацией изучить, какую роль в от-

рицательном отношении этих стран к «Международной Амнистии» играют экономические и социальные права человека, выраженные в статьях 20 и 23 Всеобщей декларации прав человека, с тем чтобы предпринять, если это окажется необходимым, пересмотр целей организации.

В этом подходе к проблеме меня удивляет диспропорция между соображениями о нейтральности и беспристрастности «Международной Амнистии», с одной стороны, и целями и принципами этой организации, с другой стороны. Как будто не беспристрастность должна вытекать из целей и принципов «Международной Амнистии» а ее цели должны приспосабливаться к чему-то представлению о беспристрастности, причем далеко не беспристрастному представлению!

Г-н Левенберг совершенно справедливо противопоставляет друг другу две концепции прав человека, а по существу, две концепции общества. Западная концепция провозглашает гражданские и политические права личности основой основ человеческого общежития, непреложным принципом, который надо соблюдать здесь и сейчас. Экономическая и социальная справедливость рассматривается скорее как цель, как идеал, об осуществлении которого можно говорить лишь в смысле относительном. Тоталитарно-социалистическая концепция общества полностью отрицает гражданские и политические права личности, но частично признает ее социально-экономические права:

в той степени, в которой это необходимо для функционирования государственной машины. Однако, поскольку отрицать права человека сейчас не модно, идеологи тоталитаризма несколько приукрашивают свою концепцию для внешнего употребления. В результате на словах признаются все права человека, но на первое место выдвигаются социально-экономические права. Фактически, это лишь уловка, имеющая целью отвлечь внимание от проблемы гражданских прав. Вряд ли у кого-нибудь из серьезных людей могут быть сомнения на этот счет. Сам г-н Левенберг пишет об этой концепции, как мне кажется, с явной иронией: «Когда все формы экономической эксплуатации будут искоренены и будет построено бесклассовое общество, иными словами, когда экономические, социальные и культурные права будут гарантированы политически, законодательство автоматически приспособится к новому экономическому базису. И только тогда будут созданы условия для осуществления гражданских и политических прав». Итак, перед нами две концепции, две идейные платформы. Что же должна означать беспристрастность в этом контексте? Что

«Международной Амнистии» следует отказаться от выбора между этими двумя концепциями и признать их равноправными? Но это было бы бездейственностью и беспринципностью, а не беспристрастностью. Беспристрастность международной организации означает лишь равное применение ее идей и принципов ко всем странам, общинам, людям.

Акцент на гражданских и политических правах человека — это идейная основа «Международной Амнистии», на которой она возникла и приобрела влияние в международной

жизни. Социально-экономические права – совсем другая проблема; пусть важная, но другая. Существует огромное операционалистское различие между гражданскими правами и социально-экономическими правами. Первые сравнительно легко определимы и проверяемы. Требование гражданских свобод состоит в том, что государство не должно преследовать людей за выражение убеждений и обмен информацией. Поэтому совершенно ясно, что должно сделать государство, чтобы удовлетворить это требование: просто прекратить преследования. Социально-экономические права допускают множество неоднозначностей в трактовке и проверке. Но самое главное – их осуществление требует сложного комплекса экономических, политических, социальных и культурных мероприятий и не известного заранее количества времени, причем относительно того, какие именно нужны мероприятия, может быть множество различных теорий и мнений, порождающих различные политические течения. Универсального рецепта, как достичь изобилия и социальной справедливости, увы, не существует. Критика социально-экономических условий в отдельных странах неизбежно привела бы к распаду «Международной Амнистии» на враждующие политические фракции. И тогда она не смогла бы выполнить свою основную функцию, ради которой она была создана – стоять на страже гражданских и политических прав. Именно эту цель – политизации и распада «Международной Амнистии» – преследуют тоталитарные страны, стараясь привлечь внимание к социально-экономическим правам в ущерб гражданским правам.

Другой важный принцип, входящий в идейную основу «Международной Амнистии» это ограничение сферы защиты лишь теми лицами, которые не применяют и не пропагандируют насилия. Этот принцип тоже подвергается кое-кем критике. Аргумент таков. Бывают такие режимы, которые, с одной стороны, бесчеловечны и отрицают основные права личности, а с другой стороны, могут быть изменены только насильственным путем; в этих случаях насилие надо признать оправданным.

Эти доводы совершенно неосновательны. Допущение насилия хотя бы в одном случае будет означать, что «Международная Амнистия» взяла на себя функцию общей оценки политических режимов и даже выбор средств для их свержения. Это радикально изменило бы идейную основу организации. От политической нейтральности не осталось бы и следа.» Международная Амнистия» сильна тем, что она борется именно *за гражданские права*, а не *против режимов*, которые эти права нарушают. В этом различии и проявляется нейтральность «Международной Амнистии»

Беспристрастность не есть безыдейность. Да, акцент на гражданских правах – западная идея. Значит ли это, что международная организация глобального характера должна от нее отказаться? Но ведь это – великая идея, необходимая всему миру и незападным странам в первую очередь.

В истории западной цивилизации социально-экономические права человека были заво-

еваны (в той степени, в которой они завоеваны) после и в результате признания гражданских прав. Взрывоподобное развитие промышленности и науки, произошедшее в новое время, неотделимо от западной идеи о свободе личности. Однако для стран, проходящих стадию индустриализации в 20-м веке, ситуация складывается иначе. Используя западную технологию и экономическую помощь великих держав (то есть, в конечном счете, ту же технологию), правительства этих стран получают возможность удовлетворить первичные потребности своих граждан, отказав им в то же время в элементарных гражданских правах. Опять-таки, благодаря западной технологии в виде современного оружия и средств массовой коммуникации правительства могут контролировать интеллектуальную и эмоциональную жизнь граждан с немыслимой ранее эффективностью.

Этот тоталитарный подход к проблеме модернизации – соблазн для руководителей страны, сулящий власть и богатство, для нации же в целом – это самообман, приводящий к видимости успеха лишь в первое время. Это опьянение, «алкоголем» которого является технология, созданная Западом. Поэтому и долг Запада – противодействовать тоталитарному опьянению. Нет ничего удивительного, что «Международная Амниция» черпает свою силу в западных странах. В свое время европейские колонисты и торговцы, продавая спиртные напитки туземцам, доводили до вырождения целые селения и народы. Останется ли западная общественность равнодушной к тому, 1-го это повторяется теперь в новом качестве и в новом масштабе, грозя затопить весь мир, в том числе и Запад? От потенциальных потребителей «алкоголя» не приходится ожидать сопротивления – ведь они еще не знают, что это такое. То, что в странах Запада так много людей поддерживают «Международную Амнистию» дает основания для надежды. В маленькой Голландии – 15 тысяч членов «Международной Амниции». Это замечательно.

3.12. Беспристрастность в поляризованном мире

Тот факт, что «Международная Амниция» построена на западных идеях, не мешает ей быть организацией глобальной и политически беспристрастной. К сожалению, западное общественное мнение часто бывает склонно в стремлении к ложно понятой «беспристрастности» и «нейтральности» добровольно сдавать позиции в идейной борьбе с тоталитаризмом, приносить в жертву жизненно важные идеи. Это проявилось недавно в реакции некоторых кругов на присуждение А. Д. Сахарову Нобелевской премии мира – крупное событие в плане борьбы за права человека и взаимоотношений между Востоком и Западом.

Один из старейших и известнейших научных журналов мира «Нейчур» пишет в редакционной статье:

«Присуждение Нобелевской премии мира академику А. Д. Сахарову удивило почти всех. Несомненно, одно время его можно было рассматривать как кандидата на Нобелевскую пре-

мию по физике, но мало кто думал о нем в контексте премии мира. Так было ли решение комитета в Осло вдохновенным жестом, направленным на расширение сферы «мира» путем включения в нее прав человека как «единственного прочного основания для подлинной и долговечной системы международного сотрудничества» — как гласит формулировка премии, или это был просто политический акт, который мог быть совершен из относительной безопасности Скандинавии и был рассчитан на причинение Советскому Союзу некоторых неприятностей?

Прежде всего необходимо сказать, что деятельность Сахарова — вначале как физика, затем как пропагандиста ограничения вооружений, затем как социал-демократа, борющегося за гражданские права, — достойна восхищения. Если присуждение премии этого года и оспаривается, то спор никоим образом не идет вокруг личных качеств академика Сахарова. Далее, не подлежит сомнению, что присуждение премии поддержит Сахарова, если поддержка необходима, в его работе.

Все это хорошо. Но даже если Запад может в целом рассматривать эту премию как присужденную за работу в области прав человека, Советский Союз несомненно рассматривает ее как образчик политического цинизма, имеющий целью поддержку смутьянов. Если бы Нобелевский фонд был политической организацией, созданной для поддержки западных идеалов, это не имело бы большого значения — но тогда и Нобелевские премии имели бы только значение Сталинских премий. Претендуя на глобальное значение, Нобелевские премии должны быть свободны от той двусмысленности и поляризации, которые были порождены премией этого года; и не только этого года — недавние награждения Вилли Брандта, Ле Дык Тхо и Генри Киссинджера, все были в своем роде политическими и спорными». ⁶

Я был чрезвычайно обрадован решением Нобелевского комитета. Потому что не было в 1975 году человека, в большей степени заслужившего Нобелевскую премию мира, чем академик Сахаров. Формулировка премии верна: соблюдение основных прав человека в глобальном масштабе — единственная надежная основа мира. С закрытым обществом подлинного мира быть не может. Вклад Сахарова в дело прав человека — вклад в дело мира, и он значительнее, чем торжественно провозглашаемые обязательства, которые нарушаются на следующий день после подписания. Далее, при присуждении премии мира играет роль не отдельный продукт личности — научное открытие, художественное произведение — а личность в целом, ее влияние на современников. Мы видим в Сахарове одну из немногих титанических личностей нашего времени.

Все эти соображения, для меня совершенно несомненные, отнюдь не были очевидными, как мне было известно, для широкой публики на Западе. Решение Нобелевского комитета было нетривиальным, оно требовало известного мужества и вызвало приятное удивление. Статья в «Нейчур», напротив, вызывает неприятное удивление. Дело не в том, что кто-то не согласен с решением Нобелевского комитета, дело в аргументах, выдвигаемых журналом.

Я готов был бы выслушивать и обсуждать любые доводы относительно вклада Сахарова в дело мира. Но вклад Сахарова в дело мира в статье не обсуждается, а его личности дается высокая оценка. Единственная причина, по которой «Нейчур» критикует решение Нобелевского комитета, — что оно вызовет недовольство Советского Союза. Итак, неважно, какова роль Сахарова в международной жизни, неважно, заслужил он премию мира или нет, — но раз советские власти рассматривают Сахарова как «смутьяна», от присуждения премии надо было воздержаться.

И это называется нейтральностью? Беспристрастностью? Тогда что же такое пристрастность? И что такое *подобострастность* — худший вид пристрастности, проистекающей от страха перед силой?

Когда «Нейчур» сопоставляет Нобелевские и Сталинские премии, аргументация становится на первый взгляд убедительной. В самом деле, очень не хочется, чтобы Нобелевские премии были как Сталинские. Но при более внимательном анализе убедительность этого аргумента рассыпается. Для такого анализа нам снова придется вернуться к понятию беспристрастности.

Мы находим в современном мире две противостоящие идеологии: западную (либерально-демократическую) и восточную (тоталитарно-социалистическую). Им соответствуют противостоящие политические блоки, обладающие противостоящими политическими целями: каждая сторона хотела бы, чтобы человечество приняло ее идеологию и устроило жизнь по ее модели. Что же такое политическая беспристрастность в этой ситуации? И существует ли она вообще?

Западная и восточная идеологии дают на этот вопрос противоположные ответы.

Западная идеология утверждает, что беспристрастность существует и в определенных ситуациях необходима. Человеческий мозг обладает способностью смотреть на себя как бы со стороны: свою систему идей, оценок, целей рассматривать с точки зрения более обширной метасистемы. В частности, человек может отвлечься от своих целей, как бы страстно он к ним ни стремился в действительности, и анализировать вещи так, как если бы этих целей у него не было. Это и есть беспристрастность. Без нее не было бы науки и была бы невозможна разумная коррекция целей.

Восточная идеология утверждает, что никакой беспристрастности — во всяком случае, в вопросах, связанных с общественной жизнью, — нет и быть не может. Каждая мысль и каждый поступок индивидуума непосредственно служит целям того лагеря, к которому он принадлежит. Беспристрастность — либо обман, либо самообман. Обычно о беспристрастности говорит тот, кто тайно перешел на сторону врага.

Различие между Сталинскими и Нобелевскими премиями состоит в том, что Сталинские премии должны быть политически пристрастны и по замыслу, и по осуществлению, а Нобелевские премии по своему замыслу должны и могут быть беспристрастными. Конечно,

человек – существо несовершенное, и в осуществлении этого замысла неизбежны какие-то проявления пристрастия. Однако сам замысел и наличие в арсенале западной цивилизации определенной традиции беспристрастного суждения, умения быть беспристрастным заставляет мыслящих людей во всем мире, в том числе и в Советском Союзе (а также и советских руководителей!), относиться к Нобелевским премиям совсем не так, как к Сталинским. Что касается данного случая, то именно отказ от присуждения Нобелевской премии Сахарову по политическим соображениям, как этого хотелось бы журналу «Нейчур», был бы отклонением от замысла. Люди ожидают, что Нобелевский комитет будет руководствоваться исключительно своим видением вклада кандидатов в дело мира, отвлекаясь от политических целей как своей, так и противоположной стороны.

В выступлении «Нейчур» мы наблюдаем странное явление: люди, явно принадлежащие к западной стороне, стремясь как будто к беспристрастности, призывают на деле к политической дискриминации в пользу восточной стороны. Причина этого явления кроется в том фундаментальном факте, на который я указал выше: подлинное, без кавычек, понятие беспристрастности – понятие целиком западное. Мнимая беспристрастность, являющаяся на деле безыдейностью, призывает к отказу от этого понятия как чуждого и неприемлемого для восточной стороны. Беспристрастность заменяется на политический прагматизм, проще говоря – на постоянную заботу о том, чтобы не разгневать Москву. Во многих случаях (и присуждение Нобелевской премии мира академику Сахарову – один из них) беспристрастный подход приводит к неблагоприятным для тоталитарного лагеря результатам. Тогда мнимая «беспристрастность» выступает в качестве защитника теории и практики тоталитаризма.

«Нейчур» заканчивает свою статью словами: «Мы отмечали и раньше, что Нобелевские премии часто оставляют за собой разрушительный след. Это особенно так по отношению к Премии мира: Нобелевскому фонду пора серьезно заняться поиском других способов поддержки своих достойных идеалов». Из приведенной ранее части статьи мы видим, что эти другие способы не должны были бы, по мысли журнала, порождать «поляризации». Но как можно избежать поляризации в нашем поляризованном мире, когда даже понятие беспристрастности отвергается одной из сторон? Очевидно, лишь отказавшись от беспристрастности!

Современному миру жизненно необходимы внеполитические беспристрастные организации глобального охвата, такие, как Нобелевский фонд и Международная Амнистия. И в идейном, и в организационном отношении они могут базироваться только на Западе. На Востоке ничего подобного не может быть по определению. Смешанная восточно-западная организация может оказаться способной на компромисс, но никак не на беспристрастность. Однако и в западных условиях сохранение беспристрастности – дело нелегкое. Критика таких организаций, основанная на рассмотрении концепций и решений по существу, необходи-

ма и конструктивна. Критика, порожденная политическим конформизмом, – деструктивна.

3.13. Слабость Запада

И все же, пока я сам не попал на Запад и не осмотрелся здесь два года, я не мог бы представить, до какой крайней степени Запад желает быть слепым к мировой ситуации, до какой крайней степени Запад уже обратился в мир потерянной воли, цепенеющей перед опасностью и более всего угнетенный необходимостью защищать свою свободу.

А.И. Солженицын⁷

Мало кто на Западе питает сейчас иллюзии насчет «страны победившего социализма», но масштаб угрозы, которую представляет тоталитаризм как мировое явление, далеко еще не осознан. Россия первой попала в эту волчью яму, а потом затянула туда еще несколько стран. Очевидно, только тот, кто побывал в этой яме – не туристом, не заглядывая сверху, а живя внизу, – понимает, что это такое и как трудно оттуда выбраться. Когда он рассказывает об этом человеку Запада, тот недоверчиво пожимает плечами. Он не хочет замечать яму, которая залегла буквально у его ног.

Сахаров и Солженицын не раз выступали с предупреждениями о серьезности тоталитарной угрозы. «Я – не критик Запада. Я – критик слабости Запада» – сказал Солженицын. Больше всего от него досталось англичанам, и это их, кажется, сильно задело. Выступления Солженицына в марте 1976 г. по Би Би Си обсуждались во всей стране. В передаче из серии «Панорама», организованной Би Би Си для обсуждения выступлений Солженицына, участвовали весьма видные лица: бывший премьер-министр Э. Хит, американский сенатор Х. Хамфри, бывший министр обороны США Дж. Шлезинджер и генеральный секретарь НАТО д-р Дж. Луне. Критике Солженицына они противопоставили ряд аргументов в пользу того, что Запад не так уж слаб. Какие же это были аргументы? Военные, политические, экономические. Но соображения Солженицына касательно этих сфер – дело второстепенное. Сущность его критики в другом. Солженицын – писатель, его дело – смотреть, чем люди живы. Эти-то наблюдения и привели его к выводу о слабости Запада. Он не увидел активной веры в высшие ценности, без которой не может быть мужества и единства. Он увидел оппортунизм и разобщенность. И он ясно сказал, что именно в этом он прежде всего видит слабость Запада. Сопоставьте эту картину с механическим, железным единством тоталитарной машины и вы поймете, откуда берутся апокалиптические ноты в выступлениях Солженицына. Дефект тоталитаризма – в неспособности к творчеству, к созданию чего-либо радикально нового. Но эта слабость компенсируется потоком научно-технической информации из свободного мира. А в сфере собственно военной или военно-политической он обладает преимуществами единства, концентрации и дисциплины.

Тоталитаризм не изобретает пороха, но сумеет им лучше воспользоваться. Когда думаешь о надвигающейся биологической революции, в голову приходят самые мрачные мысли.

Западные обозреватели нередко описывают ситуацию в столь же апокалиптических выражениях, как и Солженицын. У. Лакер и Л. Лабедз в статье, озаглавленной «Вопрос жизни и смерти», пишут:

«Америка и другие демократии Запада стоят перед лицом наиболее жестокого кризиса в своей истории – тяжелой экономической депрессии в сочетании с быстрым уменьшением их влияния в международных делах и параличом и беспорядками на внутреннем фронте... Есть все основания утверждать, что нынешний кризис имеет совершенно беспрецедентный характер. Это кризис обществ, их норм и ценностей, кризис исчезновения тех общепринятых принципов, которые в прошлом придавали обществу единство. Поэтому сравнение с ранее случавшимися кризисами мало что дает, и надежда, что положение нормализуется с подъемом деловой активности к концу года – или в крайнем случае в будущем году, – мало обоснована».⁸

Преобладающее настроение на Западе эти авторы характеризуют как «пессимистический детерминизм». Пророчества обреченности производят наркотическое действие, парализуют политическую волю, представляя поражение Запада неминуемым. Во внешней политике европейских стран преобладает узкий национализм. Параллельно этому на внутреннем фронте проявляется растущее стремление различных групп населения преследовать свои узкогрупповые интересы, невзирая на трудности, которые это доставляет другим группам и стране в целом. Лидирует в этом отношении Великобритания. «По мере того как разрушается общественное взаимопонимание, анархия в Великобритании все возрастает, а остальные европейские страны следуют в том же направлении, отставая лишь ненамного. Вряд ли можно применить термин *классовая борьба* к той борьбе, которая сейчас происходит во многих европейских странах; классовая борьба неизбежна в обществе, разделенном на классы, это неизбежный спутник демократического процесса. Но нынешняя ситуация все в большей степени характеризуется новым явлением – некоторые профессиональные группы беззастенчиво добиваются увеличения заработной платы, игнорируя не только общее экономическое положение, но и интересы хуже оплачиваемых групп, которые не имеют возможности действовать подобным же образом. Солидарность рабочего класса уступает место закону джунглей, когда небольшие группы специалистов, техников или рабочих фактически парализуют целые отрасли промышленности, вопреки желанию большинства. Это возврат к практике средневековых гильдий в сочетании с идеологией (если это идеология) социального дарвинизма и принципа невмешательства. Но в то время, как в Средние века существовала власть – будь то папы или императора, – которая могла призвать к порядку, власть в демократических обществах Запада непрерывно слабеет, а в некоторых странах разрушилась совершенно. Современное общество, в отличие от джунглей, не может функ-

ционировать без некоторого минимума порядка. Поэтому альтернативой анархии является возникновение авторитарных режимов, если только разум, ответственность и понимание долгосрочных интересов не утвердят себя вовремя, чтобы предотвратить эффект бумеранга».⁹

3.14. Маркузе

Вспышка ярости в левом движении 60-ых годов свидетельствует, во-первых, о наличии недовольства среди молодых людей, приходящих в современное западное общество, о желании каких-то перемен, а во-вторых, о полном непонимании того, какие же именно перемены нужны и как их осуществить. Сочетание этих двух черт, прежде чем оно воплотилось в социальных акциях «новых левых», было воплощено в философских работах их идейных вождей и прежде всего – Герберта Маркузе. Я читал только одну книгу Маркузе, «Одномерный человек», но и ее вполне достаточно, чтобы составить представление об этом поразительном явлении, этом сочетании страстной проповеди перемен с полным отсутствием конструктивных идей о переменах. «Одномерный человек» – это книга посвященная систематической критике современного западного общества. От такой книги не обязательно требовать какой-то конкретной социально-политической программы. Но идейная позиция автора, его философия, проявляется в критике с полной определенностью.

Что поражает в книге Маркузе – это отсутствие понятия об *эволюции*. При всей страсти к переменам философия Маркузе антиэволюционна. Ибо эволюция это не просто последовательность перемен, а последовательность перемен, подчиненная определенному общему плану. Говорить об эволюции – значит говорить об этом плане. Ничего подобного у Маркузе мы не находим. Напротив, мы обнаруживаем у него полное непонимание сущности и механизма эволюции. Без эволюции нет и революции, ибо последняя есть лишь форма первой. Позиция «перемены ради перемен» может породить лишь бессмысленное буйство, что и произошло во время студенческих беспорядков 1968 года.

В предисловии к своей книге Маркузе пишет:

«... Развитое индустриальное общество встречает критику ситуаций, которая, по-видимому, лишает ее самой ее основы. Технический прогресс, распространенный на всю систему доминирования и координации, создает такие формы жизни (и власти), которые примиряют силы, противостоящие системе, и обрекают всякий протест на поражение во имя исторических перспектив свободы от эксплуатации и доминирования. Современное общество способно, по-видимому, сдерживать социальные перемены – качественные перемены, которые привели бы к созданию существенно новых учреждений, к новому направлению процесса производства, новым способам человеческого существования. Это сдерживание социальных перемен является, пожалуй, наиболее выдающимся достижением развитого индустриально-

го общества; общее принятие Национальной Цели, двухпартийная политика, упадок плюрализма, тайный сговор Бизнеса и Труда в рамках сильного Государства свидетельствуют об интеграции противоположностей, которая является результатом, так же как и предпосылкой этого достижения».¹⁰

Начало этого отрывка располагает нас к автору. Если общество утратило способность меняться, то это явно нехорошо. В нашем воображении возникает представление о конце пути, о загнивании и неизбежном распаде. Мы склонны сочувствовать критике, который обвиняет общество в этом. Но читая дальше, мы видим, что причиной и следствием этой остановки автор считает интеграцию противоположностей, он отождествляет интеграцию противоположностей с остановкой. С этим никак нельзя согласиться. Интеграция противоположностей – один из аспектов метасистемного перехода, необходимый элемент развития, так что наличие этого элемента само по себе ни в коей мере не свидетельствует о прекращении развития, об остановке. Интеграция противоположностей в процессе развития происходит благодаря созданию (и в процессе создания) нового уровня иерархии по управлению, который осуществляет координацию противоположных элементов в рамках целого. Возьмем простейший пример. В процессе развития двигательного аппарата появляются мышечные волокна, сокращение которых имеет взаимно противоположные последствия: скажем, мышцы, которые сгибают и разгибают конечность в одном и том же суставе. Одновременное сокращение этих мышц было бы бессмысленным. «Борьба» этих «противоположностей» (в марксо-гегелевских терминах) или «победа» одной из них не приведет к конструктивной эволюции. Для осуществления эволюционного сдвига (он же революционный сдвиг) необходимо создание зачатков нервной системы, которая управляла бы сокращениями противоположных мышц и обеспечила бы возможность ритмических движений. Это – метасистемный переход, включающий в себя интеграцию противоположностей. Он происходит *в контексте* борьбы противоположностей, но отнюдь не *сводится* к ней и не является ее прямым следствием. Он требует некоторого творческого усилия, он требует *встать над* борьбой противоположностей.

Означает ли интеграция противоположностей конец развития? Ниоим образом. Просто действие переносится на следующий уровень; точка приложения творческого усилия перемещается на одну ступеньку вверх. Теперь будет совершенствоваться нервная система. Простые механизмы ритмического движения будут интегрироваться в более сложные планы поведения. И здесь тоже процесс развития будет происходить путем количественного накопления и качественных скачков – метасистемных переходов.

Нужно совершенно не понимать принципов эволюции, чтобы обрушиваться на «сговор Бизнеса и Труда в рамках сильного Государства» как на препятствие для дальнейшего движения вперед к «новым способам человеческого существования». В действительности это является необходимым этапом, через который нельзя не пройти, шагом, который так

или иначе надо сделать. Этот шаг относится только к системе материального производства. Сделав его, надо переносить точку приложения усилий на следующий, более высокий уровень – в область человеческих взаимоотношений, культуры, высших целей.

Если общество неспособно на этот перенос, на этот следующий метасистемный переход, то оно действительно обречено на остановку в развитии. Но не интеграция противоположностей на уровне материального производства тому виной, а гораздо более глубокие причины в сфере культуры. Их-то и надо вытаскивать на свет божий. А оживление противоречий в системе производства, как и борьба против других форм интеграции противоположностей на низших уровнях, может привести лишь к регрессу, к движению назад. Поясним это снова на примере мышц. Когда выработан механизм простого ритмического движения, следующий этап – приспособление этих движений к текущей ситуации. Для этого нужны датчики информации о внешнем мире – органы чувств; нужна также система координации движений, которая ставила бы движение в зависимость от этой информации. Поможет ли решению этой задачи «борьба противоположностей» между мышцами-сгибателями и мышцами-разгибателями? Одновременное сокращение противоположных мышц – это судорога, которая отнюдь не улучшает координации движений.

Вся философия Маркузе – это тоска по судороге и попытка вызвать судорогу, попытка не вполне безуспешная.

Метафизический стиль мышления, отсутствие четкости в представлениях о развитии приводят к ложному образу, согласно которому развитие как бы порождается борьбой противоположностей – нечто вроде выработки нового вещества в процессе взаимодействия «противоположных» веществ, как, скажем, кислота и щелочь. Этот образ наводит на мысль, что, когда запас «противоположностей» исчерпывается, развитие прекращается. Маркузе очень сокрушается, сравнивая положение, в котором находится критика капиталистического общества сейчас, с положением, в котором она находилась при своем возникновении в первой половине 19-го века. Тогда она «приобретала конкретность», опираясь на борьбу противостоящих друг другу классов – буржуазии и пролетариата. «В капиталистическом мире эти классы все еще являются основными классами. Однако капиталистическое развитие изменило структуру и функцию этих двух классов таким образом, что они больше не являются агентами исторических преобразований. Заинтересованность в сохранении и улучшении институционального статус кво, которая стала решающим фактором, объединяет прежних антагонистов в наиболее развитых районах современного общества».¹¹ Казалось бы, из этого факта следует сделать вывод о том, что надо менять точку приложения критики, переносить ее в новые сферы, на другой уровень. Это было бы естественной реакцией здорового творческого разума, который видит в критике активное начало, преобразующее мир. Но не такой вывод делает Маркузе. Он мыслит в терминах исторического материализма, для которого всякая мысль, в том числе и критическая, есть отражение социальной

реальности. Критическая мысль – не фактор, вносящий в жизнь новое, а лишь форма проявления объективных социальных противоречий. Маркузе пишет: «В отсутствие обнаружимых агентов социальных перемен критика отбрасывается на высокий уровень абстрактности. Нет почвы, на которой могли бы встретиться теория и практика, мысль и действие».¹² Но ведь обнаружимость агентов перемен зависит от того, с каких позиций ведется критика.

Если постулировать, что развитие может быть только следствием борьбы противоположных интересов буржуазии и пролетариата, а потом констатировать интеграцию противоположностей, то мы тривиальным образом приходим к выводу о невозможности развития и закрываем себе путь для дальнейших поисков. Самое большее, на что может рассчитывать Маркузе, – это взрыв, разрушение общества. Словами предисловия: «*Одномерный человек* будет все время вращаться в кругу двух противоположных гипотез: (1) что развитое индустриальное общество способно сдерживать качественные перемены в течение предвидимого будущего; (2) что существуют силы и тенденции, которые могут сломать сдерживающее начало и взорвать общество».¹³

Возможность конструктивной эволюции отвергается даже как гипотеза, понятия такого нет. Либо статус кво, либо судорожное напряжение противоположных сил, ломающее уже созданные регуляторы и отбрасывающее общество назад, к золотому веку марксистской критики – первой половине 19-го века.

Если, с одной стороны исторический материализм Маркузе приводит его к зачеркиванию творческой роли мысли, то с другой стороны, он приводит к фетишизации техники и технического прогресса. Это та же фетишизация техники, которую мы видим в советском официальном марксизме, но только со знаком минус. Маркузе видит источник всех бед – точнее, источник застоя – в современной промышленной технологии. «В этом обществе, – пишет он, имея в виду индустриальное общество, – аппарат производства стремится стать тоталитарным в той степени, в которой он определяет не только социально необходимые виды деятельности, навыки и предрасположения, но также индивидуальные потребности и стремления».¹⁴

Еще цитата: «Современное индустриальное общество посредством способа, которым оно организовало свою технологическую базу, стремится быть тоталитарным. Ибо «тоталитарной» является не только террористическая политическая координация общества, но также и нетеррористическая технико-экономическая координация, осуществляемая корпорациями, которые манипулируют потребностями людей».¹⁵

Так писать и так понимать тоталитаризм можно только, если полностью отказать человеку в способности возвышаться над средой или во всяком случае отрицать значение этой способности для исторического развития. Ибо технология как таковая меняет только *среду обитания* для каждого индивидуума и больше ничего. Эта новая среда является, с точки зрения биологической, не менее, а более благоприятной для развития жизни и ее высших

форм: она обеспечивает удовлетворение потребностей низшего уровня, увеличивает продолжительность жизни, оставляет больше свободного времени. Если в этих условиях те формы жизни, которые мы наблюдаем, обнаруживают тенденцию не к развитию, а к застою, то причины надо искать не на материально-техническом уровне, а на уровне идейно-политическом. В частности, тоталитарный тупик – явление политическое и идеологическое. Тоталитаризм останавливает развитие путем массового физического подавления свободной мысли и творчества. Индивидууму противостоит здесь не пассивная среда, а активная человеческая сила. Пока нет этого противостояния, активного подавления свободы, нельзя говорить о тоталитаризме, это значило бы изменить сущность понятия. (Не знает, не знает товарищ Маркузе, что такое настоящий тоталитаризм!) Есть различие между человеком со связанными руками и ногами и человеком, заблудившимся в лесу. Отсутствие крупных общественных идей может быть просто следствием того тривиального факта, что на выработку идей необходимо *время*.

При всем том, что движение новых левых оказалось неспособным внести конструктивный вклад в эволюцию общества, оно является, так сказать, эволюционным по происхождению. Оно демонстрирует наличие в обществе, и в первую очередь, конечно, в среде молодежи, эволюционного потенциала, потребности выйти за пределы данного, совершить метасистемный переход. Маркузе ведет свою критику, опираясь на концептуальный аппарат исторического материализма, чем и обрекает ее на бесплодность. Но его целевая и эмоциональная позиции вызывают у меня полное понимание. В сущности, Маркузе критикует западное общество за то, что из всех аспектов эволюции оно сохранило лишь один аспект – научно-технический прогресс, а в остальных отношениях перестало эволюционировать, утратило творческий потенциал. Именно это, очевидно, и привлекло к его философии студенческую молодежь.

Центральной мишенью его критики является отсутствие у индивидуума внутренней свободы от общества, отсутствие личного «внутреннего пространства», которое необходимо для творчества. Из-за отсутствия этого пространства человек и общество становятся «одномерными», теряют измерение «перпендикулярное» к существующему порядку вещей.

«Сегодня, – пишет Маркузе, – в это личное пространство вторгается и сводит его на нет технологическая реальность. Массовое производство и массовое распределение предъявляют притязания на *все* индивидуума, а индустриальная психология давно перестала ограничиваться территорией завода. Множественные процессы интроекции окостеневают, порождая почти механические реакции. Результатом является не приспособление, а *подражание*: непосредственная идентификация индивидуума с *его* обществом и таким образом с обществом в целом.

Эта непосредственная автоматическая идентификация (которая, возможно, была характерной для первобытных форм ассоциации) появляется снова в высокоразвитой промыш-

ленной цивилизации; ее новая «непосредственность», однако, есть продукт изощренного научного управления и организации. В этом процессе «внутреннее» измерение духа, в котором берет начало оппозиция к статус кво, сходит на нет. Потеря этого измерения, которое служит вместилищем отрицательного мышления – критической силы Разума – является идеологическим аналогом тех самых материальных процессов, с помощью которых развитое индустриальное общество заглушает и смиряет оппозицию».¹⁶

Если оставить в стороне сатанинскую роль, которую Маркузе приписывает промышленной технологии и научно-техническому прогрессу, то в остальном его обвинение современного западного общества в «одномерности», вероятно, имеет основания. Не имея опыта жизни на Западе, не берусь высказывать на этот счет собственных суждений, но направленность критики здесь вперед, а не назад. В заключительной части «Одномерного человека», где автор набрасывает возможные альтернативы, общая направленность его мысли также вперед. Он представляет себе альтернативу как «трансцендентный проект» (почти «мета-системный переход»), то есть такую программу, которая полностью выходит за границы принятого и признанного в сфере общественной жизни. Приятно также читать те строки, где Маркузе отдает должное воображению как фактору исторического развития. Лозунг новых левых «воображение у власти», серьезное отношение к утопическому мышлению, призывы к «переопределению потребностей» – все это всегда вызывало у меня сочувствие. Мне кажется неоспоримым, что решение проблем, стоящих перед современным обществом, требует радикальных перемен, разрыва со многими представлениями и принципами, которые общественное мнение сейчас рассматривает как абсолютные и не подлежащие пересмотру.

Но одного признания необходимости «трансцендентного проекта» недостаточно. Надо придать этому проекту хотя бы приблизительные черты, а это предполагает определенную концепцию относительно причин нынешнего положения. Концепция Маркузе – несмотря на то, что он вносит поправки в теорию стоимости Маркса и в понятие отчуждения, – остается марксистской. Он ищет (и полагает, что находит) причины снижения творческого потенциала общества и расцвета потребительской психологии в способе производства: промышленной технологии, отношениях между классами и т. п. Я нахожу это нелепым. Роль среды, фона, которую играет способ производства, – важная, незаменимая роль, но это не та роль, от которой зависит ход действия. Среда, например, может быть в той или иной степени благоприятной для развития безвредных бактерий, но характер и ход течения болезни определяется видом бактерий, и пока мы не обнаружим этого факта и не изучим бактерии, мы не продвинемся вперед в лечении болезни. В этом примере, как и всюду, мы видим один и тот же закон: нижние уровни организации создают условия, верхние уровни – определяют развитие событий.

Ситуация, вызывающая критику новых левых, может быть описана, мне кажется, более

непосредственно, в прямых, лобовых терминах, как отсутствие в культуре общества высшей цели – по крайней мере, такой высшей цели, которая удовлетворила бы молодых людей и была бы ими принята в качестве таковой. В современном западном обществе наблюдается эрозия того слоя культуры (*религиозного* слоя в широком смысле слова), который дает ответ на вопрос о смысле жизни. Поэтому слой культуры, связанный с материальным производством и потреблением, занимает все более доминирующее положение, становится высшим уровнем иерархии целей и планов поведения. Именно в этом, в исторически обусловленном распаде религиозного слоя культуры, а вовсе не в каких-то чудовищных свойствах современного способа производства, лежат причины того явления, которое получило название «общества потребления». Размерность, «перпендикулярная» к реальности, об исчезновении которой говорит Маркузе, это размерность высших целей.

В обществе потребления – и в этом я целиком солидарен с критикой новых левых – высшие цели устанавливаются, по существу, не человеком, а аппаратом производства. Человек перестает быть творцом и повелителем, он отдает себя во власть созданной им самим среде. Общество становится неспособным к конструктивной эволюции.

Из такого понимания ситуации следует, что конструктивная критика современного индустриального общества должна начинаться с обсуждения вопроса о Высшей Цели. Этот вопрос – центральный, это узкое место; мера, в которой удастся продвинуться в обсуждении этого вопроса, есть мера продвижения в решении всех остальных проблем.

В книге Маркузе вопрос этот, по существу, обходится; автор отделяется довольно туманными замечаниями о «более человеческом» способе жизни, вместе с Уайтхедом говорит о «совершенствовании искусства жизни». Так же поступают и другие авторы. Все как будто исходит из предположения, что вопрос о смысле жизни решается сам собой, ответ на него всем более или менее ясен, и поэтому такого вопроса нет. Однако он есть. И в нашу эпоху, когда мы научились производить жизнеобеспечение в масштабах, не снившихся нашим предкам, этот вопрос становится особенно жгучим, он впервые в истории человечества становится вопросом *для масс*, а не для тонкой привилегированной прослойки.

Перед нами есть выбор. Мы устроены таким образом, что наши цели, наши потребности, наши желания – не есть нечто фиксированное, данное нам свыше. Они в значительной степени зависят от Высшей Цели, которую мы сами себе поставим. Так какую же мы выберем Высшую Цель?

От ответа на этот вопрос зависит, какое мы получим общество.

3.15. Тоффлер

Я переворачиваю последнюю страницу книги Альвина Тоффлера «Футурошок»¹⁷. Очень интересная книга, содержащая много наблюдений и мыслей, обильно снабженная фактиче-

ским материалом. Тоффлер рисует превращение индустриального общества в «постиндустриальное» (имея в виду главным образом США). Динамика этого превращения, грандиозный размах и стремительный темп перемен захватывают воображение.

– Все больше вещей изготавливается для однократного пользования и выбрасывания. Бумажные салфетки. Картонные подносы. Носовые платки из бумажной ткани. Зубная щетка с уже нанесенной на нее пастой, которую вы выбрасываете, почистив один раз зубы. Тысячи новых разновидностей продуктов и предметов массового потребления появляются ежегодно на рынке.

– Все возрастает подвижность населения – как в смысле путешествий, так и в смысле смены места жительства. В 1967 г. 108 миллионов американцев совершили 360 миллионов путешествий. Средний владелец машины в США проезжает в год 10 тысяч миль. Четыре миллиона американцев ежегодно отдыхают за морем. Полтора миллиона немцев едут на каникулы в одну только Испанию. За один год 37 миллионов американцев меняют место жительства – чаще всего из-за перемены работы. Телефонная книга в Вашингтоне меняется за год больше чем наполовину.

– Возникают новые организации, перестраиваются старые. В период с 1967 по 1969 г. «Квестор Корпорейшн» купила восемь компаний и продала две. В промышленности, науке, общественной жизни применяются все более гибкие и динамичные формы организации. Традиционная стабильная бюрократия уступает место временным образованиям, создаваемым ад хок для решения конкретной задачи, а затем умирающим естественной смертью. Когда «Локхид Корпорейшн» получила заказ на строительство 58 гигантских военно-транспортных самолетов, была создана специальная организация из 11 тысяч человек, координировавших производство 120 тысяч частей для этих самолетов, производимых на предприятиях шести тысяч компаний.

– Достижения науки входят в жизнь каждого человека, «задевают его за живое» в прямом смысле этого слова. Уже более 13 тысяч американцев с больным сердцем носят вшитый в грудную клетку крошечный приборчик – ритмизатор, который посылает сердцу периодические электрические импульсы для его стимулирования. Еще 10 тысяч человек «оборудованы» вживленными сердечными клапанами из искусственного материала. Разрабатываются вживляемые слуховые аппараты, искусственные артерии, бедренные суставы, почки, легкие. Назревает биологическая революция. На повестке дня: генная инженерия – получение животных, в том числе и человека, с заданными наследственными признаками; воспроизведение по ядру одной соматической (не половой) клетки целого организма, генетически тождественного оригиналу; развитие человеческого эмбриона вне тела матери; киборги – человеко-машинные гибриды. «Сейчас мы стараемся делать сердечные клапаны или искусственные артерии, которые лишь имитируют естественные. Но решив эту проблему, мы не ограничимся тем, что будем просто вставлять пластмассовую аорту, когда

натуральная аорта выходит из строя. Мы будем вживлять специально сконструированные органы, которые будут *лучше*, чем природные, а затем и такие, которые дадут их владельцу новые возможности и способности, отсутствовавшие первоначально. Подобно тому как генная инженерия обещает производить «сверхчеловеков», так и технология искусственных органов сулит появление спортсменов со сверхчеловеческими легкими и сверхмощными сердцами; скульпторов с нейронными приспособлениями, повышающими восприимчивость к текстуре; любовников с нейронной машинерией для интенсификации секса. Короче говоря, мы будем вживлять органы не только для того, чтобы спасти жизнь, но и чтобы сделать ее лучше – сделать возможным достижение таких ощущений, состояний, экстазов, которые в настоящее время нам не доступны». ¹⁸

– По мере возрастания производительности труда уменьшается процент людей, занятых производством жизнеобеспечения. Несколько процентов населения обеспечивают Соединенные Штаты необходимыми продуктами питания. Доля людей, занятых в промышленности, падает, а в сфере обслуживания – возрастает. Но сфера обслуживания, в том виде, как она существует сейчас, тоже не будет долго расширяться: автоматизация и здесь приведет (и уже приводит) к огромной экономии труда. Точка приложения усилий смещается в сторону эстетики и психологии. Вскоре мы будем свидетелями «революционного расширения некоторых видов промышленности, продукцией которых будут не товары и не обычные услуги, а запрограммированные «переживания». Промышленность переживаний, возможно, станет одним из столпов супериндустриализма самой основой постсервисной экономики. По мере того как подъем благосостояния и приходящая вещь безжалостно подрезают древнюю тягу к обладанию, потребители начинают копить переживания так же сознательно и страстно, как они некогда копили вещи. Сегодня, как показывает пример авиационных компаний, переживания продаются как довесок к каким-либо более традиционным услугам. Переживания, так сказать, служат глазировкой на пирожном. Но с движением в будущее все больше и больше переживаний будет продаваться исключительно как переживания, как если бы это были вещи». ¹⁹

– И т. д. и т. п. И все же, когда читаешь книгу Тоффлера, то очень скоро начинаешь испытывать чувство тоски. Ибо во всем этом движении, в этой спешке, в мелькании предметов и лиц, в погоне за «переживаниями» нет чего-то очень нужного и важного. Чего же? Смысла. Цели. Лишь на последних сорока страницах из общего объема книжки в пятьсот страниц автор касается вопроса о целях деятельности. Да и как касается? Он фактически обсуждает не *цели*, а процедурный вопрос: как вырабатывать цели «демократическим» путем (я вернусь к этому ниже). В основной же части книги, там, где описываются процессы, протекающие в современном обществе, и ближайшее будущее, понятие о цели просто отсутствует, как будто такого понятия и не существует, как будто читателю не должен и не может прийти в голову этот фундаментальнейший для разумного существа вопрос: зачем?

Мы видим перед собой чудовищное ускорение кругооборота вещей, но не видим обсуждения, что здесь хорошо и что плохо. Мы видим огромное возрастание подвижности людей, все ускоряющуюся смену мест, мы видим растущую эфемерность отношений между людьми (если верить автору на сто процентов), но нам остается непонятным, как относятся к этому сами американцы. Мы знакомимся с проектами изощренных чувственных удовольствий и не знаем, исчерпывается ли этим то, что постиндустриальное общество может предложить человеку, или же все-таки есть что-то еще. Духовная культура попросту игнорируется. О литературе, искусстве, философии, религии, об их влиянии на общество в настоящем и ближайшем будущем не говорится ни слова. Стороннему читателю остается непонятным, то ли духовная культура и в самом деле не играет решительно никакой роли в жизни американского общества, то ли это особенность персонального взгляда на вещи автора книги.

В начале книги Тоффлер так характеризует ее предмет:

«Эта книга — о переменах и о том, как мы приспосабливаемся к ним. Она о тех, кто преуспевает в обстановке перемен, кто способен оседлать гребень бегущей волны, а также и о великом множестве других, кто сопротивляется переменам или бежит от них. Эта книга — о нашей способности приспосабливаться. Книга о будущем и о шоке, который вызывает его наступление»²⁰.

В картине, которую рисует Тоффлер, перемены предстают как нечто внешнее по отношению к человеку — к отдельному лицу и к обществу в целом. Не человек создает перемены, стремясь к каким-то целям, а напротив, перемены (подчиняющиеся, надо думать, «объективным закономерностям движения материи», хотя этого марксистского термина в книге и нет) создают человека, велят ему приспособиться к ним. А кто не может приспособиться — заболевает «футурошоком» — шоком от наступления будущего. «Футурошок — это головокружение и дезориентация, вызываемая преждевременным наступлением будущего. Вполне возможно, что это наиболее важная болезнь завтрашнего дня».²¹

(Вот как интересно: живя в одном и том же обществе, в одно и тоже время люди видят в нем прямо противоположное. Маркузе видит застой, отсутствие перемен и призывает произвести перемены любой ценой; Тоффлер видит избыток перемен и строит планы, как помочь людям к ним приспособляться. Общее между ними то, что ни у того, ни у другого нет понятия о *конструктивных* переменах, об эволюции.)

Итак, по Тоффлеру, только приспособленец, конформист, имеет хорошие шансы на психическое здоровье в этом «бравом новом мире». Тоффлер, конечно, не употребляет этих выражений, он говорит о будущем с воодушевлением. Это оставляет меня в недоумении относительно его образа мышления: является ли позиция автора литературным приемом, как это делают авторы антиутопий, или же зрелище энергичной суеты должно, по его мысли, вызывать положительные эмоции?

Что бы ни думал автор «Футурошока», я читал эту книгу как самую мрачную антиуто-

пию. Стандартом антиутопии является изображение стабильного, навеки застывшего общества. Тоффлер же проделывает следующий поучительный эксперимент. Он не переносится в будущее, он описывает настоящее и сохраняет всю интенсивность перемен, ему свойственную. И он делает некоторые проекции этих перемен в ближайшее будущее – делает вполне квалифицированно и правдоподобно. Но он отнимает у перемен их цель и получающуюся в результате этой операции картину представляет на суд читателю.

Первым делом исчезает понятие о творчестве. Забавно: даже в предметном указателе слово «творчество» не сочтено самостоятельным понятием; соответствующая строка гласит:

«*Творчество*, см. *Воображение*». Но воображение отнюдь не равнозначно творчеству. Творчество предполагает выход за пределы личности, из сферы субъективного в сферу объективного. Воображение может быть инструментом творчества, но может и не быть. Воображение может работать и вхолостую, порождая «переживания» – и больше ничего. Онанизм – пример такого использования воображения.

Жизнь без творчества являет собой тягостную картину. В сущности, это то же оцепенение классических антиутопий Хаксли и Орвелла. Хорошо известен один из первых опытов, в котором было доказано существование в мозгу животного центров удовольствия. В мозг крысы был вживлен электрод, с помощью которого на нужную точку могло быть подано электрическое напряжение. Достаточно было крысе нажать лапой на педаль, чтобы цепь замкнулась и крыса получила удовольствие. После того как крыса делала это открытие, она начинала безостановочно нажимать на педаль. Неужели человечество ожидает судьба этой крысы? Становится не по себе, когда читаешь такие, например, пророчества Тоффлера:

«... Будущие конструкторы переживаний создадут, к примеру, игорные дома, в которых посетители будут играть не на деньги, а на переживания – свидание с симпатичной и благорасположенной дамой, если посетитель выигрывает, и, скажем, сутки одиночного заключения, если он проигрывает. По мере роста ставок будут изобретаться более изощренные удовольствия и наказания.

Проигравший, возможно, вынужден будет в течение нескольких дней служить (по добровольному предварительному соглашению) победителю в качестве «раба». Победитель может быть вознагражден десятью минутами электрического стимулирования мозгового центра удовольствия. Игрок, возможно, будет рисковать поркой или ее психологическим эквивалентом – участием в однодневной сессии, во время которой выигравшим разрешается разряжать свои агрессивные побуждения на проигравших, а именно : кричать на них, насмехаться, оскорблять их и т. п.

Любители крупных ставок смогут играть на бесплатный трансплантат сердца или легкого, в случае если таковой понадобится. Проигравшему, возможно, придется расстаться с почкой. Такие выигрыши и проигрыши могут бесконечно варьироваться и нарастать по интенсивности. Конструкторы переживаний обратятся за идеями к страницам Крафта –

Эбинга и маркиза де Сада. Только воображение, технические возможности и стеснения со стороны в общем смягченной нравственности ограничивают разнообразие вариантов».²²

«Разнообразие новых переживаний, выстроенных перед потребителем, будет результатом работы конструкторов переживаний, которые будут набираться из рядов наиболее творческих членов общества. Девизом этой профессии будет : «Если ты не можешь подать это в реальности, подай в виде заменителя. Бели ты мастер своего дела, клиент не заметит разницы!» Содержащееся здесь размытие границы между реальным и нереальным поставит общество перед серьезными проблемами, но не предотвратит и даже не замедлит появление «промышленности психообслуживания» и «психокорпусов». Гигантские, охватывающие весь Земной шар синдикаты создадут супердиснейленды, разнообразие, размах и эмоциональную мощь которых нам трудно даже вообразить».²³

3.16. Антирелигия

Обратимся к последним сорока страницам «Футурошока». Это последняя глава книги, которая называется «Стратегия социального футуризма». Она начинается словами:

«Можно ли жить в обществе, которое вышло из-под контроля? Вот вопрос, который ставится перед нами понятием футурошока. Ибо именно такова ситуация, в которой мы находимся. Если бы только одна технология потеряла управляемость, наши проблемы были бы уже достаточно серьезны. Но весь ужас в том, что множество других социальных процессов также вышли из-под контроля, бешено осциллируя, сопротивляясь всем нашим усилиям управлять ими».²⁴

Основную причину неуправляемости Тоффлер видит в неправильном планировании, основанном на принципах «технократии». Такой подход ставит во главу угла экономику, производство материальных благ, порождает стремление максимизировать производство и игнорировать все остальные цели и аспекты жизни. Но в наше время, говорит автор, именно эти остальные цели и аспекты приобретают решающее значение, определяют социальное поведение людей. Технократическое планирование «эконоцентрично» и поэтому неспособно правильно прогнозировать социальные результаты принятия различных решений, в том числе и чисто экономических.

Критика Тоффлером технократического планирования справедлива и обоснована. Но только я очень сомневаюсь, что на него можно возложить вину за неуправляемость общества. Не вернее ли сказать, что причина неуправляемости – отсутствие единодушия относительно какой-либо высшей цели (что надо бы иметь в свободном обществе) при отсутствии жесткой системы принуждения (что имеет место в тоталитарном обществе). Тоффлер пишет: «Сегодня накапливающиеся свидетельства того, что общество вышло из-под контроля, питают разочарование в науке. Вследствие этого мы видим явное оживление мистицизма.

Астрология вдруг входит в моду. Дзен-буддизм, йога, спиритические сеансы и магия становятся популярным времяпрепровождением».²⁵ Сомневаюсь, очень сомневаюсь. Не вернее ли сказать, что неудовлетворенность системой ценностей и целей и поиски высших духовных ценностей питают эти увлечения?

Я совершенно согласен с Тоффлером, когда он говорит о необходимости новой стратегии при решении социальных проблем. Но какой стратегии? Какова должна быть система целей?

«В свое время и в своем месте одержимость индустриального общества идеей материального прогресса сослужила человечеству хорошую службу. Но теперь, когда мы несемся к супериндустриализму, возникает новый этос, в котором другие цели начинают приобретать такую же роль и даже вытеснять цели экономического благосостояния. В личном плане самоосуществление, общественная ответственность, эстетические достижения, гедонистический индивидуализм и полчище других целей соперничают с голым стремлением к материальному успеху и часто перевешивают его. Изобилие служит основой, отталкиваясь от которой люди начинают стремиться к разнообразным постэкономическим целям».²⁶

Насчет вытеснения целей экономического благосостояния «полчищем» других целей все правильно. Но только если это полчище не образует системы, *иерархии*, и не имеет, следовательно, главнокомандующего, то человек будет жить в суете и тоске, а общество — если оно вообще возможно — будет неуправляемым.

Много целей — значит ни одной цели. Чувственное удовольствие — чудесная, незаменимая вещь. Но кибернетическое устройство, называемое человеком, устроено таким образом, что кроме чувственного удовольствия и разнообразных переживаний ему еще необходима некая Высшая Цель. Без этого человеческая кибернетика разлагивается, выходит из строя. Человек скучает. Болеет. Стареем раньше времени. Становится невротиком. Сходит с ума. Кончает самоубийством.

Популярный американский журнал констатирует:

«Несмотря на чрезвычайное разнообразие и богатство Америки, несмотря на ее любовь к зрелищам и лихорадочную погоню за развлечениями, Америке скучно. Массированное наступление на скуку, предпринятое в Соединенных Штатах, потерпело поражение, и скука стала болезнью нашего времени. Авторитетные люди затрудняются указать, сколько людей страдает от скуки, но их миллионы, и их число возрастает.

Молодые люди в особенности подвержены скуке. Доктор М. Роберт Уилсон, главный психиатр Констанс-Балтмен-Уилсон-Центра в Фэрибо штат Миннесота, специализирующийся по проблемам молодежи, оценивает в 20% число юношей и девушек в Америке, которым скука и депрессия доставляет серьезные трудности. Эти трудности часто ведут к потере самоуважения, а в крайних случаях — к самоубийству. И в самом деле, число самоубийств среди молодежи в Америке резко возросло: с 1960 года частота самоубийств в

возрасте от 15 до 25 лет удвоилась, и самоубийство сейчас вторая по распространенности причина смерти в этой возрастной категории.

По мнению некоторых экспертов, одно из самых ужасных массовых убийств в истории Америки последнего времени, совершенное «семьей» Чарльза Мэнсона, было совершенно от скуки». ²⁷

Книга Тоффлера написана с позиций доктрины, которую можно назвать *антирелигией*. Она является перенесением либерально-демократической доктрины из сферы политики в сферу культуры. Символ веры антирелигии таков. Цели, которые ставит перед собой человек, – его личное дело, вторгаться в которое – неэтично. Это почти то же самое, что физическое принуждение. Установление обществом иерархии целей – недопустимо. Тем более недопустимо социально определенное понятие о Высшей Цели. Это почти то же самое, что диктатура бюрократии и Верховного Владыки.

Антирелигия возникает в либерально-демократическом обществе вследствие распада религии. Из средства достижения Высшей Цели, органически связанной с определенным представлением о бытии и о человеке, которое возникло в рамках христианской культуры, либеральная демократия превращается в самоцель. Политика наступает на культуру. Ведь какая-то форма согласия относительно целей необходима. Согласие об отсутствии Высшей Цели заменяет собой согласие о наличии Высшей Цели, которое имеет место в религиозном обществе. Но симметрия эта весьма относительна. Наличие Высшей Цели обеспечивает социальную интеграцию, ее отсутствие, возведенное в принцип, ведет к дезинтеграции общества.

«Акселерация, – читаем мы у Тоффлера, – производит все более быстрый кругооборот целей. Захваченные этой бурлящей, кишащей целями средой, мы испытываем чувство ошеломления, футурошок, мы движемся от кризиса к кризису, преследуя множество противоречащих друг другу и каждая самой себе целей.

Нигде это не проявляется с такой очевидностью, как в наших безуспешных попытках управлять городами. Жители Нью-Йорка за короткий промежуток времени пережили кошмарную цепь почти катастрофических событий: нехватку воды, забастовку работников метро, расовые беспорядки в школах, восстание студентов в Колумбийском университете, забастовку мусорщиков, нехватку жилой площади, топливную забастовку, нарушение телефонного обслуживания, забастовку учителей, отключение электричества – и это еще не все... Нельзя сказать, что никто не занимается планированием. Напротив, в этом кипящем социальном котле технократические планы, субпланы и контрпланы льются рекой. Они требуют новых дорог, новых электростанций, новых школ. Они обещают улучшение положения с больницами, жильем, социальным обеспечением. Но планы отменяют, противоречат или подкрепляют один другой по закону случая. Редко бывает, чтобы они были логически связаны друг с другом, и никогда – с какой-либо общей картиной города буду-

щего. Никакая мечта – утопическая или не утопическая – не заряжает нас энергией. И нет никаких рационально интегрированных целей, которые бы внесли порядок в этот хаос. На национальном и международном уровнях отсутствие связной, последовательной политики в равной степени очевидно и вдвойне опасно».²⁸

Но почему же нет интегрированной системы целей, почему нет «мечты»? Тоффлер видит в этом опять-таки технократов. Он рассказывает, что три последовательных президента США – Эйзенхауэр, Джонсон и Никсон – учреждали специальные организации для выработки системы целей и основ планирования. Но все эти попытки, считает он, были безуспешны по той причине, что носили на себе «безошибочно распознаваемый отпечаток технократической психологии».²⁹ Ибо они оставляли в стороне основной, как считает Тоффлер, вопрос: кто будет устанавливать цели для будущего? «Революционно новый» подход Тоффлер видит в демократизации процесса выработки целей:

«Пришло время для драматической переоценки направлений движения, переоценки, делаемой не политиками или социологами, или духовенством, или элитарными революционерами, а также не техническими специалистами или президентами колледжей, а самим народом. Мы должны в буквальном смысле слова «идти в народ» с вопросом, с которым к нему почти никогда не обращались: «Какого мира вы хотите через 10, 20 или 30 лет?» Короче, нам нужно организовать непрерывный плебисцит о будущем».³⁰

В каждой стране, в каждом городе, в каждой окрестности надо на демократических началах созвать ассамблеи, задачей которых будет определение конкретных социальных целей на период времени до конца столетия. Такие ассамблеи могут представлять не только географические, но и социальные единицы – промышленность, интеллектуальное сообщество, искусство, церкви, женщины, этнические группы и т. п. Все должны иметь право в равной степени определять будущее: и видные интеллектуалы, и те, кто не умеет ясно выразить своих мыслей и чувств. Этот проект носит название «демократии ожиданий» по аналогии с «демократией участия» (английские термины звучат похоже: *anticipatory democracy* и *participatory democracy*).

«Некоторым людям этот призыв к своего рода неонародничеству покажется, без сомнения, наивным», – пишет Тоффлер³¹. Должен признаться, что я отношусь к их числу. Наивность проекта граничит с нелепостью, он напоминает попытку установить правильность или ошибочность математической теоремы путем всеобщего равного голосования. Проблема рациональной интеграции целей, проблема «мечты» о будущем относится к сфере культуры, а не к сфере политики. Она решается не путем голосования, не путем компромисса между интересами, а в результате упорного, длительного труда, творческой деятельности. Ибо рационально интегрировать цели можно только через посредство введения высших целей и ценностей и построения иерархии целей. В отличие от целей низшего уровня («хочу, чтобы в будущем было много меду; и блинов с красной икрой; и чтобы окна с видом на

Эльбрус»), высшие цели не могут быть выражены в конкретных понятиях. Они требуют абстрактных понятий и обобщенных образов, которые должны быть не только созданы, но и получить распространение, войти в жизнь масс. Этим и занимаются писатели, философы, пророки, ученые, кинорежиссеры и многие, многие другие. А что будут делать ассамблеи Тоффлера? Согласовывать заявки на блины с икрой и виды из окон? Участие широких масс в культуре, а не только в плебисцитах – вот признак подлинной демократии,

Интеграция целей в конечном счете требует одной Высшей Цели. Нет спора, привлечение широких масс к проблеме целей и будущего, содержащееся в проекте Тоффлера, – здоровая, жизненно важная в наше время идея. Но центральным моментом здесь должно быть понятие о Высшей Цели, что означает, по существу, создание религиозного движения.

Цели и планы обладают свойством образовывать иерархию и определяться сверху вниз: цели и планы низшего уровня определяются целями и планами высшего уровня, но никак не наоборот. Это, конечно, очень «не демократично», но что поделаешь, если такова их природа! Тоффлер, однако, не хочет с этим смириться. Одно из его самых тяжелых обвинений против технократов (о, несчастные технократы, они служат козлом отпущения всех грехов!) – что они планируют сверху вниз, а не снизу вверх: «Продолжение технократического определения целей сверху вниз приведет ко все большей и большей социальной нестабильности, все меньшему и меньшему контролю над силами перемен и все большей опасности человекоубийственного катаклизма».³² Это и есть источник нравственного пафоса тоффлеровского проекта, который он объявляет «захватывающим дух утверждением народной демократии»³³: цели здесь определяются снизу вверх, что только и может быть приемлемо для настоящих демократов, борцов против технократии, бюрократии, иерархии и прочих пережитков проклятого прошлого. Перед нами пример насилия политической идеологии над реальностью, воли над знанием. Советские люди знакомы со многими примерами этого явления. В Советском Союзе конформист выслуживается перед властью, на Западе – перед человеком массы: читателем, покупателем, избирателем. У нас он объявляет ключом к решению всех проблем марксизм-ленинизм, там – демократию.

«Демократия ожиданий» Тоффлера логически завершает его антиутопию. Если на протяжении девяти десятых книги мы только видели перед собой коловращение мира, лишённого Высшей Цели, то теперь мы получаем нечто вроде теоретического обоснования того, что Высшей Цели и не нужно, а нужно только собирать информацию о том, какие у людей *есть* цели. «Демократия ожиданий» – это равноправие целей, это антирелигия. Антиутопия Тоффлера – продукт его антирелигии. Одного только обстоятельства не учитывает автор «Футурошока»: осуществимость этой утопии серьезнейшим образом зависит от соседей «постиндустриального общества». Ибо общество, в котором наиболее творческие умы заняты размытием границы между реальностью и иллюзией и обращаются за идеями к страницам маркиза де Сада, вряд ли сможет оказать сопротивление тоталитаризму.

Интересно отметить, что концепция Тоффлера, как и всякая концепция, лишенная понятия творчества, детерминистична. Он настойчиво говорит о необходимости *изучения* будущего – фразеология, которую я рассматриваю как совершенно неприемлемую. В одном месте он высказывается весьма решительно: «... пора стереть с лица Земли популярный миф, что будущее «непознаваемо»...»³⁴. Я же, напротив, выдвигаю лозунг: «Будущее непредсказуемо». Это расхождение, разумеется, относительно. Обе стороны в споре понимают, что предсказания будущего, во-первых, возможны, а во-вторых, всегда частичны. Различие состоит в том, какой из этих двух аспектов выдвигается на передний план. Тоффлер видит общество в свете индивидуализма. Каждый член общества руководствуется своими личными целями, находясь в определенных, общих для многих людей социальных условиях. По закону больших чисел, результат их совокупных действий может быть предсказан с большой точностью. Я же вижу общество как единое сверхсущество, способное к творческому акту, – метасистемному переходу. Результаты этого акта непредсказуемы, потому что метасистемный переход, в частности, включает в себя *самоописание* и *самопознание*; это значит, что все сделанные нами предсказания являются информацией, которую мы можем принять во внимание. (В математике это соответствует теореме Геделя и другим «отрицательным» результатам, о которых я упоминал в части 2.) Мы можем предсказывать будущее только на отрезках от одного метасистемного перехода до другого. Но именно в этих разрывах предсказуемости, в этих творческих актах я и вижу высшую прелесть жизни. Советского читателя «Футурошока» не может не интересовать вопрос: является ли основная черта книги – удивительное, я бы сказал, *уникальное* отсутствие понятия о высших целях и ценностях – типичной для современного американца или же это специфическая черта автора? Тоффлер печатался во многих широко читаемых журналах. Можно предположить, что он знаком с образом мышления американской аудитории и в какой-то степени выражает его. Печально, если это так.

3.17. Деполитизация социализма

Я думаю, что западный мир может совладать с порожденным им же самим тоталитаризмом, только лишив его монополии на сознательную социальную интеграцию. Иначе говоря, тоталитаризм может быть побежден в конечном счете только социализмом. Я не имею в виду, разумеется, тех политических партий, которые в данный момент называют себя социалистическими или коммунистическими; я имею в виду социализм как явление культуры в том смысле, как я определил его во второй части книги.

Современный социализм как политическое явление не располагает к оптимизму. На правом фланге мы видим социал-демократов, для которых идея социальной интеграции ограничивается сферой финансово-экономической. Более привлекательного идеала, чем об-

щество потребления, они предложить не могут. Радикальные социалисты на левом фланге сплошь мыслят в марксистских терминах, что делает их потенциальными или действительными разносчиками тоталитаризма, а не борцами с ним. Негативный элемент, по-видимому, преобладает над позитивным, борьба за власть преобладает над борьбой за идеи. Интересно отметить, что коммунисты, в отличие от более умеренных социалистов и социал-демократов, в середине двадцатого века вдруг обнаружили сильную тенденцию к национализму. Коммунизм стал национальным – чтобы не сказать националистическим. Как это случилось? Ведь коммунисты считают себя самыми верными последователями Маркса, а Маркса можно обвинить в чем угодно, но только не в национализме.

Дело в том, что реальная сила, которая делала и делает коммунистов сильными, это интеграционизм, с вытекающей отсюда системой ценностей и акцентом на организации. Маркс и Энгельс в начале своей деятельности исходили из того, что пролетариат образует своеобразный всемирный народ, этнос. В этом смысле марксизм всегда был идеолдеолдеолнического единства. Однако двадцатый век показал со всей очевидностью, что человек гораздо охотнее думает о себе как о члене нации, чем как о члене класса. Деление на классы размылось, да оно и не было никогда столь четким, как деление на этнические группы. Двадцатый век стал веком национализма: после упадка великих религий нация оказалась единственной или во всяком случае, наиболее популярной основой интеграции. С некоторым запозданием это поняли и коммунисты. Этническая интеграция опирается на духовную культуру, а классовая – на материальный интерес. Этнос оказался сильнее класса, это еще раз подтверждает примат духовного начала в человеке. Не желая упустить своей питательной среды, коммунисты и другие радикальные социалисты стали соскальзывать в национализм.

Левые марксисты и сейчас, по-видимому, мало отличаются от большевиков-ленинцев, не зря они клянутся именем Ленина, а иные и Троцкого. Это означает, что от их прихода к власти надо ожидать того же, что мы видели в России от большевиков. Лешек Колаковский рассказывает о своем разговоре с одним латиноамериканским революционером. Речь зашла о пытках в Бразилии, «Я спросил, – пишет Колаковский, – а чем плохи пытки?» Он удивился: 'То есть как? Вы хотите сказать, что это нормально? Вы оправдываете пытки?' Я сказал: «Напротив, я просто спрашиваю, думаете ли вы, что пытки – чудовищное злодеяние, недопустимое морально?» «Конечно», – ответил он. «А пытки на Кубе?» «Ну, – ответил он, – это другое дело. Куба – маленькая страна, находящаяся под постоянной угрозой со стороны американского империализма. Они вынуждены использовать все средства самозащиты, как это ни прискорбно». . . .»³⁵

Я вспомнил об этом эпизоде недавно, когда разговаривал с молодым англичанином, левым, но не коммунистом. Мы говорили об идее «исторического компромисса», только что высказанного Берлингуэром. «Как вы относитесь к коалиции между коммунистами и

христианскими демократами?», – спросил я. Он задумался, потом ответил: «Такую коалицию можно рассматривать как положительное явление, если она позволит в дальнейшем сформировать чисто левое правительство, без христианских демократов».

Н-да, подумал я, не хотел бы я очутиться в одной коалиции с этими ребятами. Англичанин, в сущности, мыслит точно так же, как тот латиноамериканец, с которым беседовал Колаковский. Подход один и тот же. Ленинский подход.

Возможно, что Берлингуэр думает не так. Но итальянская компартия не состоит из одного Берлингуэра. В каких терминах мыслит основная масса коммунистов? Итальянская компартия постоянно подчеркивает свою преданность идее прав человека. В последнее время все больше говорят об этом и французские коммунисты. И те, и другие открыто осуждают обращение с инакомыслящими в Советском Союзе. Само по себе это замечательно. Это большой сдвиг в международном коммунистическом движении, который порождает надежду, что этому движению, возможно, предстоит в конце концов сыграть положительную роль в истории. Но для этого необходимо интеллектуальное и нравственное возрождение радикального социализма. Прежде всего, он должен отказаться от нигилистических и разрушительных аспектов марксизма и от ленинской политизированности. Но этого мало. Необходимо глубокое обновление теоретического багажа, необходимы новые живые идеи. Без этой перестройки базиса самый интеграционизм лево-социалистического движения – его отличительная черта и привлекательное качество – будет неизбежно порождать механическую интеграцию, тоталитаризм.

Нынешнюю ситуацию в радикальном социализме я не могу характеризовать иначе, как духовное и интеллектуальное оскудение. Когда мне попадает в руки зарубежный марксистский журнал или книга, я не перестаю удивляться, насколько они похожи на советские издания. Та же убогость мысли, те же заученные мертвые формулировки, та же вульгарная, почти карикатурная политизация, та же поучающая самоуверенность. Приведу еще некоторые наблюдения Л. Колаковского:

«Когда я покидал Польшу в конце 1968 года (я не был на Западе по крайней мере шесть лет), я имел довольно смутное представление о радикальном студенческом движении в различных левых группировках и партиях. То, что я увидел и о чем прочитал, я нашел жалким и отвратительным почти во всех (все же: не во всех) случаях. Я не проливаю слез по поводу нескольких окон, разбитых в демонстрациях; эта старая сука, потребительский капитализм, переживет такое несчастье. Я также не нахожу скандальным довольно-таки естественное невежество молодежи. Что потрясло меня, так это духовная деградация такого рода, какой я ранее никогда не видел ни в одном левом движении.

Я увидел молодых людей, пытающихся «реорганизовать» университеты и освободить их от ужасающего, дикого, чудовищного, фашистского угнетения. Список требований был, с некоторыми вариациями, очень похожим во всех университетах. Эти фашистские свиньи из

истеблишмента хотят, чтобы мы сдавали экзамены, в то время как мы делаем Революцию; пусть поставят нам высшие оценки без экзаменов. Очень часто были требования вообще отменить некоторые предметы как ненужные – например, иностранные языки. . .

В одном месте революционные философы объявили забастовку, потому что в список книг для чтения были включены Платон, Декарт и другие буржуазные идиоты, вместо действительно необходимых великих философов, как Че Гевара и Мао. . . В другом месте благородные мученики мировой революции потребовали, чтобы их экзаменовали только другие студенты, выбранные ими самими, а не эти старые реакционные псевдоученые. Профессора должны назначаться (студентами, конечно) в соответствии с их политическими взглядами. В нескольких случаях в США авангард угнетенных трудящихся масс поджигал университетские библиотеки (никому не нужное псевдознание истеблишмента). . . И все это, конечно, были марксисты, что означало, что они знают три-четыре изречения Маркса или Ленина, в частности, изречение: «До сих пор философы только объясняли мир различными способами, задача же заключается в том, чтобы изменить его». (Им было очевидно, что этим изречением Маркс хотел сказать, что нет никакого смысла учиться.)»³⁶

Идейные рамки социализма в настоящее время ограничены сферой экономики и политики. Среди причин плачевного состояния социалистической мысли это обстоятельство играет почетную роль. Радикальный социализм, с одной стороны, притягивает людей с сильно развитым религиозным чувством, а с другой стороны, не может его удовлетворить. Религиозный элемент существует в нем, так сказать, подпольно, в организационной и политической практике.

Только понимая социализм как явление духовной культуры, только включив в него религиозную концепцию мира и человека, можем мы выйти за пределы «общества потребления». На это не способно ни безрелигиозное либерально-демократическое или социал-демократическое общество, ни советский тоталитаризм. Интересно, что официально провозглашенной Высшей Целью советского общества является «максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей человека». Это предельно точная формулировка того, что такое общество потребления.

Марксизм-ленинизм проповедует в теории и проводит на практике предельную политизацию всех аспектов общественной жизни. Он всюду видит (а где не видит, там насаждает!) борьбу экономических интересов и борьбу за политическую власть. Мир нуждается сейчас в противоположной установке – в установке на *деполитизацию* важнейших аспектов жизни. Успех «Международной Амнистии», возрастание ее численности и влияния показывает, что все больше людей на планете начинает понимать это. Основная идея «Международной Амнистии» – деполитизировать представление о гражданских и политических правах личности, о недопустимости пыток и других форм негуманного обращения с людьми. Исполком веков эти вопросы относились к сфере политики. «Международная Амнистия» переводит

их в сферу общечеловеческой нравственности, в сферу духовной культуры. Парадокс: как можно деполитизировать понятие о *политических* правах? А «Международная Амнистия» делает это. Делает путем полного отстранения от *борьбы за власть* и всего, что с ней связано. Она полностью, подчеркнуто отстраняется от предпочтения одних политических режимов или течений другим. И эта стратегия работает. Отделение проблемы прав личности от политической борьбы превращает эту проблему в проблему культуры. Я думаю, это одно из самых многообещающих явлений нашего времени.

Создание подлинно социалистической культуры требует деполитизации социализма. Вероятно, необходимы социалистические *в неполитические* организации, а в конечном счете единая всемирная организация, которая бы не только не ставила своей целью борьбу за власть, но, подобно «Международной Амнистии», пунктуально устранялась бы даже от высказывания любых политических предпочтений. Это не значит, конечно, что член такой организации, как и член «Международной Амнистии», не должен *иметь* политических предпочтений. Каждому ясно, что люди, работающие в «Международной Амнистии», сочувствуют политическим режимам, которые более или менее соблюдают права человека, и возмущаются режимами, где эти права грубо попираются. Но в своей деятельности в рамках этой организации они эти симпатии и антипатии игнорируют. Таков, по-видимому, единственный путь к интеграции человечества.

Процессы в культуре – дело долгое, а тут угроза тоталитаризма. Это и есть основная проблема нашего времени. Способность современной, переходной, культуры Запада устоять против тоталитаризма сомнительна. Что раньше: сложится обновленная культурно-социально-экономическая система, которая даст свободному миру необходимый минимум единства и устойчивости, или социально-политические конфликты, отсутствие общей воли и эгоизм отдельных групп приведут к глобальному тоталитаризму?

В гонке этих двух процессов ключевую роль играет развитие событий в Советском Союзе. Россия первой из развивающихся стран вступила в тоталитарный период и стала одной из двух сверхдержав мира. Ее пример, не говоря уж о прямом политико-экономическом влиянии, будет в значительной степени определять судьбу других стран. Если Россия сумеет встать на путь гуманизации и либерализации социализма и выйти из тоталитарного тупика, это будет почти решением проблемы в мировом масштабе. Напротив, стабилизация тоталитаризма в России даст сигнал к усилению тоталитарных тенденций во всех странах. Поэтому проблема прав человека в Советском Союзе далеко выходит за пределы наших национальных проблем, это проблема общемировая. Защищая права человека в Советском Союзе, американец, англичанин или француз заботятся о будущем своих потомков.

3.18. Инерция страха и мировоззрение

Таким образом, возрождение нашей эпохи должно начаться с возрождения мировоззрения. Кажущееся далеким и абстрактным так насущно необходимо, как, вероятно, ничто другое... Призвание каждого человеческого существа состоит в том, чтобы, выработав собственное, мыслящее мировоззрение, стать подлинной личностью.

АЛЬБЕРТ ШВЕЙЦЕР³⁷

Но никто не может нам помочь, если мы не позаботимся о себе сами.

Когда умер Сталин, я принадлежал к тому меньшинству молодых людей, которые радовались его смерти, хотя ни их лично, ни их родителей почти не коснулись репрессии. (Я говорю «почти не коснулись», потому что родителей не арестовывали, а по тогдашним масштабам, все остальное выглядело терпимо. Но моя мать — из раскулаченной середняцкой семьи. В молодости ей приходилось скрывать свое «происхождение», живя из-за этого в постоянном страхе перед разоблачением. Моя бабка, мать матери, не только лишилась хозяйства во время коллективизации, но и была свидетельницей страшного голода на Украине, когда целые села вымирали просто потому, что «народная» власть отобрала у них весь хлеб до зернышка. Я помню, как незадолго перед смертью в 1945 году она сказала мне о Сталине: «Если бы я могла, я задушила бы его этими руками». Руки у нее, хотя она и прожила последние пятнадцать лет в городе, остались крестьянские, описания которых я читал в русской и западной литературе: темные от солнца и ветра, со вздутыми жилами и суставами. Мой отец, профессор агрохимии, был человеком подчеркнуто беспартийным. Он ясно понимал смысл происходящего и передал это понимание детям.)

С детства я был воспитан в твердом принципе: за пределами семейного круга — никаких разговоров о политике, никаких упоминаний о репрессиях, никаких анекдотов. После смерти Сталина, а особенно после 1956 года, о политике стали говорить все. Появилась реальная возможность без большого риска как-то воздействовать на общественную жизнь вокруг себя, хотя бы на уровне профсоюзного собрания, стенгазеты, философского семинара. Я стал пытаться использовать эти возможности, и мне казалось, что каждый нормальный человек должен вести себя и будет вести себя так же. Мне казалось, что борьба за прекращение всеобщего холуйства перед начальством, за гласность общественной жизни, за право самовыражения не только необходимо следует из общих этических принципов, но и должна доставлять душевное удовлетворение, которое оправдывает какой-то необходимый уровень риска. И я был очень удивлен, когда обнаружил, что у подавляющего большинства окружающих меня людей этот уровень просто-напросто равен нулю. Максимум, на что можно было рассчитывать, — что они будут рады, если необходимые перемены произойдут сами собой.

Пытаясь понять это явление, я вступал в длительные обсуждения и споры. Сначала они вращались исключительно вокруг вопросов политических и экономических. Но постепенно я стал понимать, что не здесь лежат первопричины, определяющие поведение людей. Все цепочки аргументов, начинающиеся с конкретных, локальных проблем, проходили через общие социально-экономические и политические проблемы, а затем настойчиво и зримо упирались в основную проблему: зачем мы живем? Каков смысл жизни? Раньше я думал, что частные полурешения этой проблемы, которые так или иначе принимает каждый человек (я, например, уже давно решил посвятить свою жизнь науке), вполне достаточны и для него самого, и для общества в целом. Теперь я увидел, что их отнюдь не достаточно. Я увидел, что ни у меня, ни у моих друзей нет необходимых общих критериев для принятия решений. Я не имею в виду, конечно, *формальных* критериев, которые позволяли бы вычислить значение некоего икса, и если он окажется меньше единицы, то выбирать *да*, а если меньше единицы, то *нет*. Таких критериев нет и никогда не будет. Человек, стоящий перед проблемой нравственного выбора, в конечном счете всегда решает эту проблему интуитивно, в соответствии со своей совестью. Но интуиция не висит в безвоздушном пространстве, работа интуиции определяется фундаментальной системой идей и ценностей, мировоззрением человека. Вопрос о смысле жизни не может быть исчерпан одной фразой или несколькими правилами. Ответом на него является мировоззрение.

Но никакого мировоззрения не было. Какие-то остатки старого, какие-то зародыши нового, а в общем — ничего. Пустота. Вакуум. И единственной различимой силой в этом вакууме была инерция страха, инерция, не встречавшая сопротивления и поэтому имевшая все шансы продолжаться до бесконечности.

Я стал все реже и реже вступать в спор на политические темы, а потом и вовсе прекратил это занятие. Я убедился, что даже небольшие различия в остатках мировоззрения в большей степени влияют на поведение человека в обществе, чем все социально-политические дискуссии. Логика не поможет убедить человека сделать нравственное усилие, если он не знает, зачем он живет, или знает, что живет не за этим. За критическими высказываниями таких людей я различал знакомые до тошноты очертания кукиша в кармане, а в каждом рассуждении невозможно было не видеть, что оно построено по столь же знакомым законам логики самооправдания. Я понял, что мне необходим синтез моих общественных воззрений с представлением о смысле жизни, которое раньше казалось мне сугубо личным делом. Без такого синтеза я не мог найти основы для принятия конкретных решений. Без синтеза была пустота, а в пустоте тела движутся по инерции безостановочно. Мне стало ясно, что книга об инерции страха, а вернее, *против* страха, которую я задумал, должна быть, по существу, книгой о мировоззрении.

Наверное, ни один политический переворот в истории не производил такого разрыва в культурной традиции, как революция 1917 года. Строя свое личное мировоззрение, каждый

из нас не может просто продолжить какую-либо из линий дореволюционной русской культуры. Мы можем и должны их использовать, но не в нашей власти срastить омертвевшие ткани. Мы должны начинать с начала – живя в промышленно развитой стране в конце двадцатого века. Это эксперимент, имеющий мировое значение.

Я надеюсь, что тот, кто ощущает необходимость целостной системы взглядов, прочтет мою книгу с интересом. Мировоззрение, к которому он идет или пришел, будет в чем-то совпадать с моим, в чем-то от него отличаться. Но в одном я уверен. Любое целостное мировоззрение, способное увлечь человека, определить для него смысл жизни, будет анти-тоталитарным, оно будет побуждать человека к активному вмешательству в общественную жизнь. Ибо наша общественная жизнь унижительна и абсурдна. Она отнимает смысл у всего, к чему прикасается, а прикасается она ко всему. Какой бы род деятельности вы ни избрали – науку ли, искусство, производство товаров или воспитание детей или любой другой – вы постоянно убеждаетесь, что в попытках сделать нечто значительное тоталитаризм снова и снова преграждает вам дорогу, и если вы в самом деле хотите что-то сделать, то вынуждены будете вылезть из скорлупы своей узкой профессии. (Мальчики и девочки! Не слушайте своих родителей, когда они поучают вас расхожей мудрости тоталитарного человека. Они хорошие люди, но искалечены годами страха и унижений. Они хотят вам добра, но учат, как лишать жизнь смысла. Жизнь интереснее, а вклад в нее каждого индивидуума – значительнее, чем они привыкли думать.)

Сейчас реальный вклад в оздоровление нашей общественной жизни – это в той или иной форме борьба за основные права личности. В конечном счете эта борьба невозможна без открытого противостояния тоталитаризму, открытого требования соблюдения прав человека. Никакими софизмами не обойти этой истины.

Каждое выступление в защиту прав человека в некоторой степени меняет ситуацию в стране. Ни одно нравственное действие не остается без последствий. Движение за Права Человека – это уже заметная брешь в глухой стене тоталитаризма. За год, прошедший с июня 1975 г., когда я заканчивал первую часть книги (я отдавал книгу в самиздат по частям), произошло два важных события, укрепивших Движение. Первое – присуждение Нобелевской премии мира академику Сахарову; второе – рост возмущения на Западе преследованиями инакомыслящих в Советском Союзе, приведший, в частности, к изменению позиции французской компартии. Тот факт, что Жорж Марше не приехал на XXV съезд КПСС в феврале 1976 г. «из-за расхождений по вопросу обращения с инакомыслящими», как он заявил корреспондентам, свидетельствует, что диссиденты в СССР стали явлением, с которым уже нельзя не считаться.

Значение диссидентов для общественной жизни внутри страны в том, что они создают новую модель поведения, которая одним своим присутствием влияет на каждого члена общества. Диссидентство – это вынужденный выход из системы. Но судьба системы зависит

в конечном счете от тех, кто остается в ней. Малые изменения в мышлении и поведении многих людей – вот что сейчас нужно в первую очередь. И конечно, для демократизации необходимо, чтобы какая-то осязаемая, не исчезающе малая часть общества ее активно добивалась. «А что я могу сделать?» – этот вопрос часто приходится слышать, когда заходит речь о демократизации и о правах личности. В подавляющем большинстве случаев этот вопрос неискренен. Важно *всерьез хотеть*.

Будущее не предопределено. Ни для отдельного человека, ни для народа в целом нет непреодолимой силы, которая фатально влекла бы его в бездну. Наша судьба зависит от нас самих, от нашего коллективного разума и воли. Осмысленность нашей жизни – в наших руках.

Москва, июнь 1976 г.

Ссылки и примечания к третьей части

¹Мир, прогресс, права человека. Нобелевская лекция. См.: Андрей Сахаров. «О стране и Мире» (сборник произведений), изд-во «Хроника», Нью-Йорк, 1976, стр. 15.

²Р. А. Медведев. «Что нас ждет впереди?» (О «Письме вождам» А. И. Солженицына).

³К сожалению у меня не сохранилось указания на источник, откуда я сделал эту выписку. Кажется: A. Schlesinger. The Vital Center.

⁴О критическом отделе журнала «Новый мир», «Литературная газета», 1 июля 1954 г.

⁵Huib Leeuwenberg. Is Amnesty Impartial Enough? ICM/12-14 8 sept. 1975, Appendix.

⁶Peace is too politicised for prizes. Nature, October 16, 1975.

⁷А. И. Солженицын. Выступление по английскому радио. «Вестник Русского Христианского Движения» № 117, стр. 137, (1976).

⁸W. Laquer and Labedz. A quotation of Survival, Harper's Mag., vol. 251, #1502 (1975), p. 20.

⁹p. 22.

¹⁰Herbert Marcuse. One dimensional Man, Beacon Press, p. XXI.

¹¹pp. XII-XIII.

¹²p. XIII.

¹³p. XV.

¹⁴p. XV.

¹⁵p. 3.

¹⁶pp. 10–11.

¹⁷Alvin Toffler. Future Shock. Bantom Books.

¹⁸p. 208.

¹⁹p. 226.

²⁰p. 9.

²¹p. 11.

²²p. 230.

²³pp. 232–233.

²⁴p. 446.

²⁵p. 450.

²⁶p. 452.

²⁷Reader's Digest, February 1976, p. 51.

²⁸See 17, p. 471.

²⁹p. 473.

³⁰pp. 477–478.

³¹p. 479.

³²p. 477.

³³p. 477.

³⁴p. 461.

³⁵Leszek Kolakowski. Encounter, vol 44, No 6, pp. 88–92.

³⁶Там же.

³⁷А. Швейцер. «Культура и этика», Изд-во «Прогресс», Москва, 1973, стр. 82, 87.

Турчин В. Ф. Инерция страха. Социализм и тоталитаризм. — Опубликовано в самиздате в период 1966–1973 гг.

В оформлении обложки использовалась картина **А. Калькова**

Исходники книги <http://goo.gl/tGwtH8>

Л^AT_EX-верстка **Т. Р. Нуль**